

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ССР

НАУЧНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

БАКУ—1970

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Н. И. КОНРАД, Г. И. ЛОМИДЗЕ,
Э. В. СЕВОРТЯН, И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ,
Е. И. УБРЯТОВА, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Ответственный секретарь Э. Х. ИБРАГИМОВ

Адрес редакции: Баку-73, просп. Нариманова, 31.

М. Ш. РАГИМОВ, А. К. АЛЕКПЕРОВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ*

Вопросы грамматики азербайджанского языка привлекали внимание лингвистов еще с середины прошлого столетия.

Выдающийся ученый XIX века Мирза Казем-Бек в своем классическом труде «Общая грамматика турецко-татарского языка» с достаточной для того времени обстоятельностью описал фонетику и морфологию азербайджанского языка, высказав по этому поводу целый ряд интересных суждений, не утративших своего научного значения и по сей день¹. В этой книге, заложившей основы новой методологии в изучении тюркских языков, анализируются средства выражения грамматических категорий частей речи, системы склонения и спряжения. В тот же период наряду с теоретическими разработками был создан целый ряд учебных пособий, практических грамматик и руководств по азербайджанскому языку². Однако вопросы грамматики в этих книгах рассматривались лишь в той мере, в какой это было необходимо для практических целей изучения азербайджанского языка.

Как самостоятельная отрасль науки, азербайджанское языкознание сложилось и развилось в основном лишь после установления Советской власти в Азербайджане.

Для изучения азербайджанского языка на первых порах было необходимо проводить сбор материалов, их предварительную обработку и систематизацию, создавать учебники и пособия. Всем этим в начале 20-х годов руководило «Общество по обследованию и изучению Азербайджана», проделавшее, наряду с другим научным центром республики — Азербайджанским государственным университетом, значительную работу в данной области.

Под руководством приглашенных в университет профессоров Н. И. Ашмарина и Б. Чобанзаде и при ближайшем участии азербайджанских студентов и аспирантов, специализировавшихся по восточной фило-

* Данная и следующая обзорные статьи публикуются в связи с исполнившимся в этом году 50-летием Азербайджанской ССР. Целью публикации этих статей является ознакомление читателей журнала с состоянием и достижениями азербайджанской советской филологии. В последующем редакция будет по мере поступления публиковать аналогичные материалы и по другим тюркоязычным республикам и областям.

¹ См.: М. А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка, изд. 2-е, Казань, 1846.

² Л. Будагов. Практическое руководство турецко-татарского азербейджанского наречия. М., 1857; М. А. Везиров. Учебник татарско-азербейджанского наречия. СПб., 1861; Н. Нариманов. Краткая татарско-азербейджанская грамматика. Баку, 1899 и др.

логии в Баку, Ленинграде и Москве, собирались материалы по диалектам, лексике и грамматике азербайджанского языка, на основе которых создавались теоретические исследования, а также учебники и пособия для средних школ. В тот период были изданы: «Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи» Н. И. Ашмарина, «Падежи имен существительных в гянджинском диалекте» И. Гасанова, «Введение в тюркологию», «Тюркская диалектология» и «Тюркская грамматика» Б. Чобанзаде, ряд школьных грамматик, подготовленных Г. Багировым, А. Бабазаде, А. Шарифовым, И. Гасановым, А. Тагизаде, Ю. Мирбабаевым и др.

В развитии азербайджанского языкознания 20-х годов определенную роль сыграл I Тюркологический съезд, состоявшийся в Баку в 1926 году. На съезде обсуждались вопросы перехода с арабского алфавита на новый, основанный на латинской графике, а также вопросы разработки терминологии и ряд других актуальных проблем азербайджанского языкознания.

В учебные планы факультета языка и литературы Азгоспединститута им. В. И. Ленина и филологического факультета Азгосуниверситета им. С. М. Кирова были включены курсы по современному азербайджанскому языку, истории азербайджанского языка и азербайджанской диалектологии. В связи с этим возникла необходимость в создании соответствующих программ и учебников для вузов республики. В процессе подготовки этих программ и учебников были определены объекты и разработана методика языковедческих исследований.

С созданием в 1945 году республиканской Академии наук и в ее составе Института языка начинается новый этап в развитии азербайджанского языкознания. В этом институте начали функционировать отделы современного азербайджанского языка, истории азербайджанского языка, азербайджанской диалектологии и лексикографии. Благодаря проделанной ими большой и трудоемкой работе азербайджанское языкознание выделилось в самостоятельную, успешно развивающуюся отрасль науки и приобрело ведущее значение в развитии тюркологии. Азербайджанские ученые разрабатывают важнейшие проблемы современной лингвистики, ставят и решают актуальные теоретические и практические вопросы.

Если в первое время после установления Советской власти в Азербайджане в целях удовлетворения насущных нужд школы, прессы, издательств основное внимание уделялось практическим вопросам (созданию школьных грамматик и учебников, проблемам перехода на новый алфавит, установлению принципов терминотворчества и т. п.), то с 1945 года наряду с этой повседневной работой все большее значение приобретают теоретические исследования азербайджанского языка: публикуются статьи, брошюры, посвященные отдельным проблемам азербайджанского языкознания, пишутся диссертации, создаются монографии.

Изучение грамматики современного азербайджанского языка ведется путем углубленного научного анализа языкового материала; при этом одновременно решается целый ряд спорных и сложных вопросов тюркологии.

На основе обобщения результатов исследований были изданы «Грамматика азербайджанского языка» в 2-х томах, «Современный азербайджанский язык» в 2-х томах и другие работы³.

³ Азербайжан дилинин грамматикасы, I hissə, 1951; II hissə, 1959; I hissə (Морфолокија), 1960; Мүасир Азербайжан дили (Синтаксис), I kitab, 1959; II kitab, 1962; М. Хусейнзаде, Мүасир Азербайжан дили. Баку, 1963 и др.

В этих трудах нашли правильное решение многие вопросы теории описательной грамматики. Так, например, в результате установления научно обоснованного различия между словом и словосочетанием определительные словосочетания стали рассматриваться как синтаксическая категория. В исследованиях ряда азербайджанских языковедов обстоятельно разработана проблема сложного имени и глагола.

Определены основные черты сложных глаголов, отличающие их от сложных временных форм и устойчивых глагольных сочетаний, изучены особенности сложного слова как морфологической и сложного члена предложения как синтаксической категорий.

Выяснены различия между категорией падежа и послелогоми *учун* (*üçün*) и *илә* (*ilä*), ошибочно считавшимися падежными формами. Таким образом, в современном азербайджанском языке установлено наличие шести падежей — трех грамматических (именительный, родительный, винительный) и трех пространственных (направительный, местный, исходный).

Классификация частей речи в азербайджанском языкознании, как и в тюркологии вообще, долгое время оставалась одним из самых спорных вопросов, не решенных до конца и по сей день. Основным источником разногласий заключался в том, что при распределении слов по частям речи исходили главным образом из одного какого-либо признака, чаще всего синтаксического, причем под синтаксической функцией нередко понималась способность части речи выступать в роли того или иного члена предложения. Безусловно, в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, синтаксическому критерию принадлежит весьма важная роль в определении частей речи. Однако специальные исследования, проведенные за последние годы на материале азербайджанского языка, показали, что части речи выделяются на основе трех признаков: семантического, синтаксического и морфологического⁴.

В азербайджанском языкознании проделана значительная работа по исследованию глагола, составляющего, как известно, один из основных разделов морфологии тюркских языков. Наряду с многочисленными статьями и соответствующими разделами в грамматиках, посвященными изучению глагола, написан и опубликован целый ряд монографических исследований глагола, в которых дается всесторонний и глубокий научный анализ категорий времени, наклонения, лица, залога и др. В результате этих исследований выдвинуты важные для тюркологии теоретические положения, в частности выявлена специфика соотношения категорий времени, наклонения и лица, получили правильное научное освещение сложные глагольные формы с *-иди* (*-idi*), *-имиш* (*-imis*)⁵. Предметом

⁴ Ф. Р. Зейналов. Принципы классификации именных частей речи. Баку, 1957.

⁵ Азербайжан дилинә анд тәдғигләр (Елми сәрфин бә'зи мәсәләләри). Баку, 1947; М. Нусейнзаде. Фе'л.—В кн.: «Мүасир Азербайжан дили». Баку, 1954. А. Ахундов. Фе'лин заманлары. Баку, 1961; И. Ә. Әфәндијев. Фе'л.—В кн.: «Азербайжан дилинин грамматикасы». Баку, 1951; В. Әлијев. Мүасир Азербайжан вә ғзбәк дилләриндә фе'ли сифәтләр (канд. дисс.). Дашкәнд, 1965; З. И. Алиева. Категория глагольного вида в азербайджанском языке (канд. дисс.). Баку, 1953; Т. А. Гаджиева. Система форм прошедшего времени глагола в современном азербайджанском литературном языке (канд. дисс.). М., 1959; Н. Г. Агазаде. К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке (докт. дисс.). Баку, 1965.

Примечание: Здесь и далее название города и год, приводящиеся после слов «канд. дисс.» или «докт. дисс.», указывают на место выполнения и время защиты диссертационной работы.

специального исследования явился вид глагола как лексико-грамматическая категория, обозначающая характер протекания действия. Были раскрыты морфологические и семантические особенности видов азербайджанского глагола, показаны отличия видовых конструкций от лексических сочетаний. Если до последнего времени видовые значения глагола рассматривались в разделах вспомогательных глаголов или деепричастий, то теперь они уже выделяются в самостоятельный раздел глагольной системы.

В специальных монографических работах исследованы также причастия и деепричастия. Причастия по своим семантическим и морфологическим признакам стали разграничиваться с отглагольными прилагательными. Точно так же были установлены разграничительные критерии деепричастия, включаемого, как и причастие, в раздел глагола, и наречия. Исследованы модальные слова, остававшиеся неизученными в грамматике азербайджанского языка⁶.

В области разработки теоретических вопросов синтаксиса азербайджанское языкознание занимает одно из ведущих мест в тюркологии. В работах М. Гусейнзаде получили всестороннее освещение вопросы определительных словосочетаний⁷.

Азербайджанскими языковедами установлены отличительные признаки словосочетания и предложения, исследованы смысловые оттенки и функциональная роль в предложении причастных, деепричастных и масдарных оборотов⁸.

Выдвинутое азербайджанским языкознанием учение о придаточном предложении получило признание и одобрение не только у советских, но и у зарубежных тюркологов. М. Ш. Ширалиев и А. З. Абдуллаев на основе фактического материала азербайджанского языка установили, что причастный, деепричастный и масдарный обороты в тюркских языках представляют собой не предложение, а только сложный (развернутый) член предложения⁹.

Всестороннему анализу были подвергнуты типы простых односоставных и двусоставных предложений. На материале азербайджанского языка был обоснован тезис о наличии в тюркских языках безличных предложений¹⁰. Исследованы также отдельные члены предложения¹¹.

Одним из важных достижений азербайджанского языкознания является подготовка впервые издаваемой на русском языке академической «Грамматики азербайджанского языка». Эта книга, в которой дается систематическое описание грамматического строя современного азербайджанского языка, несомненно, послужит важным источником как для советских, так и зарубежных тюркологов.

⁶ А. Э. Асланов. Мүасир Азербайжан дилинде модал сөзләр.—«Дилчилик мәчмүəsi», X чилд, 1957; З. Элиада. Мүасир Азербайжан дилинде модал сөзләр. Баки, 1965.

⁷ М. Гусейнзаде. Мүасир Азербайжан дилинде тәктәрәфли вә мүрәккәб тә'јини сөз бирләшмәләри. Баки, 1957.

⁸ Ј. Сејидов. Мүасир Азербайжан дилинде фе'ли бағлама тәркибләри (канд. дисс.). Баки, 1955; Р. Хәшилов. Мүасир Азербайжан дилинде сөзләр арасында синтактик әлагә үсуллары (канд. дисс.). Баки, 1960; А. Әбилов. Мүасир Азербайжан дилинде фе'ли сифат тәркибләри (канд. дисс.). Баки, 1962.

⁹ М. Ширалиев. Сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке. — «Вопросы языкознания», 1956, № 1; Э. Абдуллаев. Мүасир Азербайжан дилинде табели мүрәккәб чүмләр. Баки, 1964.

¹⁰ З. Будагова. Мүасир Азербайжан әдәби дилинде садә чүмлә. Баки, 1963; Б. С. Садыгова. Азербайжан дилинде шәхсли вә шәхсиз чүмләр вә онларын тәдريس һағында.—«Азербайжан мәктәби», 1952, № 12; Э. Чавадов. Мүасир Азербайжан дилинде шәхсиз чүмләр (канд. дисс.). Баки, 1956.

¹¹ А. Г. Гасанов. Категория обстоятельств в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953.

В связи с возросшим в последние годы интересом к языковой культуре народа, азербайджанские языковеды приступили к разработке вопросов, связанных с развитием устного и письменного литературного языка, функциональных стилей литературного языка и особенно языка художественных произведений, языка и стиля периодической печати, радио и телевидения, сценической и ораторской речи, а также норм литературного произношения и правописания.

Наряду с отдельными статьями по вопросам стиля опубликованы монографические исследования¹², посвященные процессу становления стилистических норм азербайджанского литературного языка, характеризующие соотношения различных функциональных стилей. Большое внимание в этих работах уделено стилю художественной речи.

Определенные успехи достигнуты в области изучения звукового строя современного азербайджанского языка. Выпущено учебное пособие по фонетике¹³, в котором дается фонологическое описание системы фонем, на основе экспериментально-фонетических исследований написаны статьи и монографии, посвященные качественной и количественной характеристике гласных и согласных, фонетическим особенностям азербайджанского языка, словесному ударению и др.¹⁴

На основе анализа вокализма и консонантизма азербайджанского языка установлены принципы классификации гласных и согласных, акустические признаки фонем, даются фонологические интерпретации долгот, дифтонгизации, чередований звуков и т. д.

Несмотря на все эти исследования, фонетика и особенно синтаксическая фонетика, фразовая интонация, динамическая и мелодическая структуры высказывания изучены далеко недостаточно. Это отставание объясняется тем, что в республике долгое время отсутствовала функционирующая фонолаборатория, а также не хватало соответствующих специалистов.

Значительные успехи достигнуты в области азербайджанской лексикографии.

В 1928—1929 гг. под редакцией Рухуллы Ахундова впервые был издан большой «Русско-азербайджанский словарь», сыгравший огромную роль в создании двуязычных словарей в Азербайджане. В 1939 г. при АзФАНе был создан специальный Институт словарей. Этот институт выпустил в свет целый ряд двуязычных словарей под редакцией проф. Г. Н. Гусейнова. Среди них особое место занимают «Азербайджанско-русский словарь», изданный в 1941 г. (охватывающий 17 тысяч слов), и четырехтомный «Русско-азербайджанский словарь» (1940—1946, 90 тыс. слов), редактор которого Г. Гусейнов и составители (А. Оруджев и Ю. Мирбабаев) были удостоены звания лауреатов Государственной премии. Впоследствии в 1956—1959 гг. на основе этого четырехтомного словаря был подготовлен и издан новый, двухтомный «Русско-азербайджанский словарь».

Азербайджанскими лексикографами публиковались отдельные статьи и монографии, посвященные вопросам отражения в русско-азер-

¹² Э. Дамиризаде. Азербайжан дилинин услубијаты. Баку, 1962; Азербайжан бэди дилинин услубијаты. (Очерклэр). Баку, 1970.

¹³ Э. Дамиризаде. Мүасир Азербайжан дилинин фонетикасы. Баку, 1960; А. Ахундов. Система фонем современного азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963.

¹⁴ Г. Алекберли. Природа ударения слова в азербайджанском и русском языках. — «Труды АГУ им. С. М. Кирова». Баку, 1949; Ф. Кязимов. Система гласных фонем азербайджанского языка. — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1952, вып. IV; Ш. Абдуллаев. Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964.

байджанских словарях лексико-грамматической специфики русского языка, передаче в них русских относительных прилагательных, переводу переносных значений, нахождению семантических эквивалентов префиксальных слов, толкованию непереводимых слов, способам передачи рода существительного и вида русского глагола в азербайджанском языке, принципам перевода и размещения в словаре фразеологизмов и т. д.

Крупным событием в области лексикографических исследований явилась подготовка четырехтомного «Толкового словаря азербайджанского языка», первый том которого вышел в свет в 1966 г. Этот словарь охватывает около 60 тысяч слов. Одновременно разрабатывались теоретические принципы составления филологического словаря азербайджанского языка с учетом богатейшей практики прежде всего русской лексикографии. Были разработаны и исследованы такие узловые вопросы, как связь лексики с грамматикой, отбор слов для словаря, разграничение омонимов, лексико-семантическая структура слова, типы лексических значений и способы толкования значений слов, принципы подачи в словаре иллюстративного материала, архитектура словарных статей и т. д.¹⁵

В ряде статей и монографий, посвященных непосредственно лексикологии азербайджанского языка, нашли глубокое научное освещение такие вопросы, как словообразование, полисемия и омонимия, синонимы и антонимы, эвфемизмы и др.¹⁶

Азербайджанские диалектологи, идущие в авангарде азербайджанского языкознания, в настоящее время возглавили работу по изучению диалектов тюркских языков Советского Союза. В области исследования азербайджанских диалектов и говоров проделана огромная работа. Установлены специфические методы анализа диалектологических фактов и явлений, которые успешно используются диалектологами. Написаны многочисленные диссертации и опубликованы монографии по отдельным диалектам и говорам азербайджанского языка¹⁷.

Богатый опыт азербайджанских диалектологов в области монографического исследования диалектов и говоров сыграл значительную роль также в изучении диалектов других тюркских языков. В последнее время зарубежные тюркологи все чаще обращаются к работам наших диалектологов, используя их достижения в исследовании ряда важных вопросов современной тюркологии.

Успехи азербайджанских диалектологов подготовили почву для создания обобщающих теоретических работ. Важным событием явился выход в свет книги М. Ш. Ширалиева «Основы азербайджанской диалектологии»¹⁸, сыгравшей значительную роль в развитии тюркской диалектологии в целом.

Ценным вкладом в азербайджанское языкознание явилась также монография Р. А. Рустамова «Глагол в диалектах и говорах азербай-

¹⁵ Э. Э. Оручов. Азербайжан дили филологи изаһлы дүғәтинин нәзәри әсаслары. Баку, 1965.

¹⁶ С. А. Чәфәров. Мүасир Азербайжан дилинин лексикасы. Баку, 1959; С. А. Чәфәров. Азербайжан дилинде сөз јарадычылығы. Баку, 1960; Б. Абдуллајев. Азербайжан дилинде ејнәкәкту синонимләр. — Азерб. ССР ЕА-нын «Хәбәрләри». 1962, № 2 и др.

¹⁷ См.: Р. А. Рустамов. О состоянии изучения диалектов азербайджанского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Труды Института литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР, т. XII. Баку, 1958, стр. 66—77; Р. А. Рустамов. О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. II. Баку, 1960, стр. 77—88.

¹⁸ М. Ширәлијев. Азербайжан диалектолокијасынын әсаслары. Баку, 1962.

джанского языка»¹⁹, в которой на материале диалектов азербайджанского языка дается научно-теоретическое обобщение глагольной системы.

Вторую область в исследовании азербайджанских диалектов составляет лингвистическая география, разработка которой в азербайджанском языкознании начинается с 1957 г. Впервые в исследовании тюркских языков азербайджанскими диалектологами широко применен метод лингвистической географии в целях выявления специфических особенностей диалектов и отбора изоглосс. При этом учитываются отличительные признаки изоглосс: 1) от литературного языка; 2) одного диалекта от другого; 3) азербайджанских диалектов от родственных языков. Имеются свои особенности и в принципах выбора пунктов для сбора материалов.

Под руководством М. Ш. Ширалиева на основе метода лингвогеографии впервые в истории тюркологии был подготовлен пробный диалектологический атлас, охватывающий восточные диалекты и говоры азербайджанского языка. Этот атлас состоит из 50 карт с подробными комментариями.

Третья область в исследовании азербайджанских диалектов — диалектологическая лексикография. На основе разработанных нашими диалектологами принципов подготовлен и выпущен в свет однотомный диалектологический словарь. Этот пробный словарь, получивший положительную оценку тюркологов, послужил важной предпосылкой к подготовке трехтомного диалектологического словаря азербайджанского языка.

За последние годы достигнуты значительные успехи в исследовании истории азербайджанского языка.

История азербайджанского языка изучается по трем основным разделам: 1) история азербайджанского литературного языка; 2) историческая грамматика азербайджанского языка; 3) исследование письменных памятников азербайджанского языка.

Следует отметить, что на первых порах больше внимания уделялось языку произведений классиков азербайджанской литературы, а также происхождению и развитию азербайджанского языка. Еще в 1929 г. проф. Б. Чобанзаде в своей «Тюркской грамматике» ввел специальный раздел, посвященный вопросу происхождения азербайджанского языка.

До 1950 г. исследования охватывали в основном историю литературного языка. В этот период были написаны очерки по истории азербайджанского литературного языка²⁰, ряд кандидатских и докторских диссертаций²¹, посвященных изучению языковых особенностей и роли в развитии литературного языка таких видных писателей, классиков азербай-

¹⁹ Р. Э. Рустамов. Азербайжан дили диалект ве шивелеринде фе'л. Баку, 1965.

²⁰ Э. Дамирчизаде. Азербайжан эдэби дили тарихи хуласэлери (XX эсрэ гэдэр), элжамасы һугугунда. Баку, 1938.

²¹ Н. Н. Мамедов. Язык М. Ф. Ахундова (канд. дисс.). Баку, 1946; Х. И. Мирзазаде. Язык прозы XIX века (канд. дисс.). Баку, 1947; А. А. Оруджев. Язык первой азербайджанской газеты «Экинчи» («Пахарь») (канд. дисс.). Баку, 1947; Э. Х. Тагизаде. Развитие сложноподчиненного предложения в азербайджанской прозе XIX—XX вв. (канд. дисс.). Баку, 1948; Р. Дж. Қазимова. Язык рассказов А. Ахвердиева (канд. дисс.). Баку, 1949; Э. Алибейзаде. Роль Джагила Мамедкулизаде в борьбе за чистоту азербайджанского языка (канд. дисс.). Баку, 1953; А. С. Джангиров. Борьба журнала «Молла Насреддин» против пантюркистов и за чистоту азербайджанского языка в период с 1906 по 1914 гг. (канд. дисс.). М., 1950; М. Джангиров. Лексика и грамматические особенности поэзии Джафара Джабарлы (канд. дисс.). Баку, 1950; С. А. Халилов. Язык произведений Наджаф-бек Везирова (канд. дисс.). Баку, 1954; А. Мәһәррәмов. Азербайжан эдэби дилинин совет дөврү. Баку, 1961; Р. Мәһәррәмова. Сабирин сатирик ше'рлеринин лексикасы (синонимләр, омонимләр, антонимләр). Баку, 1968; Р. Дж. Маггеррамова. Лексика сатиры М. А. Сабир (докт. дисс.). Баку, 1969; Т. И. Гаджиев. Азербайджанский литературный язык начала XX века (докт. дисс.). Баку, 1969 и др.

джанской литературы, как М. Ф. Ахундов, А. Ахвердов, Дж. Джабарлы, Дж. Мамедкулизаде, М. А. Сабир и др., а также газеты «Экинчи».

Институтом языкознания АН СССР подготовлена к печати работа М. Ш. Ширалиева и М. Ш. Рагимова на русском языке «Закономерности развития азербайджанского литературного языка в советскую эпоху».

Коллективом отдела истории языка Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР подготовлены к печати книги «История азербайджанского литературного языка XVIII—XX вв.» и «Развитие азербайджанского литературного языка в советский период».

Ввиду того что сравнительно-исторический метод, один из основных методов изучения истории языка, до 1950 года игнорировался, историческая грамматика азербайджанского и других тюркских языков долгое время оставалась неисследованной. Только после 1950 г. начинается подлинное изучение вопросов исторической грамматики. В развитии исторической грамматики азербайджанского языка большие заслуги принадлежат проф. Г. Мирзазаде, результаты многолетних исследований и разысканий которого были обобщены в таких ценных его книгах, как «Историческая морфология азербайджанского языка», «Исторический синтаксис азербайджанского языка»²².

На основе письменных памятников азербайджанского языка азербайджанские языковеды создают ряд монографических исследований по истории формирования и развития отдельных грамматических категорий и частей речи. Помимо кандидатских и докторских диссертаций этому вопросу посвящается большое количество статей и несколько книг²³.

Одним из важных направлений в области изучения истории языка является, как известно, исследование языковых особенностей письменных памятников. Поэтому в азербайджанском языкознании, особенно в последние годы, уделяется большое внимание этому актуальному для тюркологии вопросу. Так, исследованы особенности языка памятника «Китаби Деде-Коркут», подготовлены научно-критический текст и глоссарий произведений Насими, опубликованы текст и словарь памятника XV в. «Асрарнамэ», написана кандидатская диссертация, посвященная лексическим и грамматическим особенностям «Шухаданамэ» (XV в.), и др.²⁴

Подготовлен и сдан в печать I том перевода словаря Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит тюрк» на азербайджанский язык. В отличие от предыдущих переводов здесь значения слов переданы также и на русском языке. При подготовке словаря учтены недостатки турецкого и узбекского изданий.

За последние годы азербайджанские языковеды ведут плодотворную работу по изучению памятников древнетюркского языка и по сравнительному исследованию тюркских языков. Написаны диссертации на темы: «Имя и глагол в орхоно-енисейских надписях», «Служебные части речи в тюркских языках», «Причастия в азербайджанском и узбекском языках», «Глагольное управление в азербайджанском и туркменском языках», «Функции местоимений в азербайджанском и татарском языках» и др.

²² Г. Мирзазаде. Азербайжан дилинин тарихи морфоложијасы. Бақы, 1962; его же. Азербайжан дилинин тарихи синтаксиси. Бақы, 1968.

²³ Р. Мәһәррәмова, М. Чабанжиров. Азербайжан дилинин тарихи синтаксисинә даир материаллар. Бақы, 1962; М. Ш. Рагимов. Азербайжан дилиндә фе'л шәкилләринин формалашмасы тарихи. Бақы, 1965 и др.

²⁴ Ә. Дәмчизадә. «Китаби-Дәдә Горгуд» дастанларынын дили. Бақы, 1959; Ч. В. Гәһрәманов. Имадәддин Нәсими әсәрләринин елми-тәнғиди мәтні вә лексикасы (докт. дисс.). Бақы, 1969; Әсрарнамә. Тәртіб едәни Ч. Гәһрәманов. Бақы. 1964 и др.

В изучении истории азербайджанского языка, особенно периода, не представленного письменными памятниками (до XI века), исключительно важное значение имеет исследование неродственных языков на территории Азербайджана (кавказских — лезгинского, цахурского, крызского, удинского, лакского и др.; иранских — талышского, татского, курдского, халаджского), поскольку в них сохранились многочисленные древние языковые факты, можно сказать, следы всех уровней азербайджанского языка. Выявление этих фактов представляет значительный интерес также и для сравнительно-исторического изучения тюркских языков, в первую очередь огузской группы. В последнее время в азербайджанском языкознании начата работа по исследованию кавказских и иранских языков на территории нашей республики.

Эта работа ведется в основном в двух направлениях: а) определение взаимоотношений азербайджанского языка с кавказскими и иранскими языками; б) научное описание и монографическое изучение кавказских и иранских языков. Разработка этих проблем имеет большое значение для более глубокого теоретического освещения важных вопросов кавказоведения, индоевропеистики и общего языкознания. Отделом кавказских и иранских языков Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР подготовлены и сданы в печать «Исследования по кавказским и иранским языкам», «Удинско-азербайджанско-русский словарь», опубликован целый ряд научно-исследовательских статей.

Всеми этими достижениями азербайджанское языкознание обязано кадрам высококвалифицированных специалистов, в подготовке которых, особенно за последние годы, имеются значительные успехи: ныне в республике 20 докторов и свыше 120 кандидатов филологических наук, работающих в области азербайджанского языкознания. Азербайджанские ученые-языковеды заняты решением актуальных вопросов не только азербайджанского языкознания, но и тюркологии в целом, выступают инициаторами в осуществлении ряда общетюркологических мероприятий, готовят научные кадры для тюркоязычных республик и областей.

Азербайджан стал одним из основных центров советской тюркологической науки. В столице нашей республики проводился ряд всесоюзных совещаний по вопросам диалектологии, лексикологии, лексикографии и грамматики тюркских языков. В Баку каждые два года при участии советских тюркологов из других городов выпускается сборник «Вопросы диалектологии тюркских языков». С 1970 года здесь стал издаваться научно-теоретический журнал «Советская тюркология» — совместный орган Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

Общее признание получила азербайджанская диалектологическая школа, основанная академиком М. Ш. Ширалиевым, возглавляющим ряд важнейших исследовательских работ по тюркологии, в том числе по подготовке капитального диалектологического атласа тюркских языков СССР.

Важнейшим событием, содействовавшим дальнейшему развитию языковедческой науки в Азербайджане, явилось создание в 1969 году самостоятельного Института языкознания АН Азербайджанской ССР, координирующего всю научно-исследовательскую работу, проводимую в республике в области лингвистики.

В последнее время значительно расширились связи азербайджанских языковедов с зарубежными тюркологами. Труды азербайджанских ученых публикуются в Турции, Венгрии, Польше, ГДР и других странах. Азербайджанские языковеды выступают на международ-

ных форумах тюркологов, алтаистов с содержательными докладами и сообщениями.

Перед азербайджанским языкознанием стоят ответственные и важные задачи по дальнейшему развитию всех его областей на базе применения сравнительно-исторического, структурно-математического, лингво-географического, экспериментально-фонетического и других современных научных методов анализа языковых явлений.

В области культуры речи предстоит изучение функциональных стилей литературного языка, языка печати, радио и телевидения, сценической речи, вопросов орфоэпии и орфографии.

Одна из важнейших задач азербайджанского языкознания — создание истории азербайджанского литературного языка, разработка общих принципов ее научной периодизации и освещение вопросов развития стилей языка с древнейших времен и до наших дней.

С завершением подготовки к печати всех четырех томов «Толкового словаря азербайджанского языка» основное внимание наших лексикографов будет сосредоточено на создании большого «Азербайджанско-русского словаря» в 2-х томах, общие принципы составления которого уже намечены.

В ближайшие годы диалектологи завершат работу над подготовкой «Диалектологического словаря азербайджанского языка» в 3-х томах и «Диалектологического атласа» (120 карт). Будут подготовлены и выпущены в свет «Современный азербайджанский язык» в 3-х томах, «История азербайджанского языка» (до 1920 г.) в 2-х томах, «Азербайджанские диалекты и говоры» (на русском языке), «Экспериментальная фонетика азербайджанского языка», а также учебные пособия для вузов республики, охватывающие различные области азербайджанского языкознания.

Нет сомнения в том, что азербайджанские ученые-языковеды приложат все усилия, чтобы с честью выполнить поставленные перед ними задачи и внести свою лепту в решение актуальных проблем отечественной тюркологии.

М. Ю. ГУЛИЗАДЕ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ СОВЕТСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Перед литературоведческой наукой в Азербайджане после победы социалистической революции встала важная и ответственная задача — исследовать богатейшее художественное наследие азербайджанского народа, сделать его общенародным достоянием, поставив на службу строительства новой революционной культуры. За полвека азербайджанское советское литературоведение, опираясь на революционное учение марксизма-ленинизма, с честью выполнило эту задачу. Формируясь и развиваясь в борьбе с различными реакционными течениями, с идеалистическими художественными воззрениями и вульгарным социологизмом, азербайджанское литературоведение стало в один ряд с важнейшими достижениями нашего народа в области науки и культуры за годы Советской власти.

Азербайджанское литературоведение имеет глубокие истоки. Оно опирается на веками складывавшиеся традиции и национальную эстетическую школу, в основу которой легли воззрения классиков азербайджанской литературы, в первую очередь Низами, Хагани, Физули, М. Ф. Ахундова.

До начала XIX в. литературоведение развивалось в основном в жанрах тезкире и джунгов. В таких известных тезкире и хрестоматиях, как «Тезкиретуш-шуара», «Тезкирейи-атешгеда», «Меджмеул-фусеха», «Тезкирейи-Навваб», «Риязул-ашигин», «Данешмендани-Азербайджан» и других содержатся довольно обширные и весьма ценные сведения по истории азербайджанской литературы и ее наиболее видных представителей. Большая работа по сбору образцов азербайджанской литературы и их комментированию была проведена Хатибом Тебризи, М. Наввабом, Лютфали-беком Азером, Г. Гайыбовым, М. Муджтахизаде, М. Ю. Нерсесовым, А. Берже, М. Тербиятом и рядом других авторов.

Первая попытка дать литературным явлениям оценку с материалистических позиций была сделана в XIX в. зачинателем азербайджанской литературной критики и литературоведения, выдающимся мыслителем, писателем и драматургом М. Ф. Ахундовым.

В начале XX в. глубокий интерес к исследованию литературного наследия и проблем творчества проявляли Дж. Мамедкулизаде, Ф. Кочарли, Уз. Гаджибеков, Н. Нариманов, продолжившие дело, начатое их великим предшественником. Ими были предприняты первые попытки изучения классического литературного наследия.

Следует особо отметить заслуги перед азербайджанским литературоведением крупного ученого, критика, педагога и журналиста Фири-дунбека Кочарли. Им была проведена большая работа по сбору, систематизации и исследованию истории азербайджанской литературы.

В своей опубликованной еще в 1903 г. на русском языке брошюре «Литература азербайджанских татар» Ф. Кочарли впервые осветил основные этапы истории развития азербайджанской литературы.

Его фундаментальное двухтомное исследование «Материалы по истории азербайджанской литературы» было издано в 1925—1926 гг. Этот труд, несмотря на имеющиеся в нем недостатки методологического характера, явился значительным вкладом в изучение истории литературы и художественной культуры Азербайджана, не утратив своего научного значения по настоящее время.

Однако, как бы сами по себе ни были ценны высказывания классиков о литературе и литературном творчестве, какое бы важное значение ни имели первые шаги, предпринятые в области развития демократической критики и изучения истории литературы, — всего этого было далеко недостаточно для формирования азербайджанского литературоведения в самостоятельную науку.

После победы Советской власти литературоведение в Азербайджане вступило в новый этап. Все больше стало публиковаться литературоведческих работ. Так, например, в 1920 г. в республике была издана лишь одна литературоведческая работа, в 1922 г. — три, в 1928 г. — пять, в 1960 г. вышло в свет уже 22, а в 1965 г. — 32 такие работы.

Важную роль в развитии литературоведения сыграли журналы «Азербайджан», «Литературный Азербайджан», газета «Адабийят ве индженет», «Ученые записки» ряда выходящих учебных заведений, «Известия Академии наук Азербайджанской ССР» и другие периодические издания.

Объектом исследования азербайджанского советского литературоведения стали основные виды и жанры нашей литературы, важнейшие творческие проблемы ее развития.

Большой объем работ был выполнен литературоведами в области изучения азербайджанской устной народной литературы во всем многообразии ее жанров и форм. Начало этой работе было положено Ю. В. Чемаземинли, С. Мумтазом, А. Шангом, Г. Ализаде, В. Хулуфлу, Х. Зейналлы. Были изданы крупнейшие памятники азербайджанской устной литературы «Китаби-Деде Коркут», «Кер-оглы», «Гачаг Наби», «Ашиг Гариб» и др. Вышли в свет многотомники «Азербайджанские дастаны», «Азербайджанские сказки», «Ашугская поэзия», а также сборники других образцов народного творчества.

Изучение азербайджанского устного народного творчества является серьезным достижением нашей фольклористики. Здесь в первую очередь следует отметить работу М. Г. Тахмасиба «Азербайджанские народные дастаны», всесторонне и глубоко освещающую содержание, мир идей и образов дастанов, их национальное своеобразие, жанровые и художественные особенности, связь с жизнью и историей народа. Исследованию эпического жанра народного творчества посвящена также работа С. Ягубовой «Азербайджанский народный дастан «Ашиг Гариб» и др.

Одной из наиболее важных задач азербайджанского литературоведения является создание истории азербайджанской литературы. Хотя интерес к этой проблеме проявлялся и в досоветский период, ее под-

линию научная разработка началась лишь с двадцатых годов нашего века.

К числу первых работ в этой области относятся «Взгляды на азербайджанскую литературу» писателя Юсифа Везирова (Чеменземишли), брошюра «Этюды об азербайджанской литературе» видного турецкого ученого Ф. Кепрюлю, изданная в 1926 г. в Баку, двухтомная «История азербайджанской литературы» И. Хикмета (1928). Однако, несмотря на представленный в них богатый фактический материал, эти работы содержали серьезные ошибки исторического, мировоззренческого и методологического характера, приводившие в конечном итоге к большому или меньшему искажению и одностороннему освещению истории азербайджанской литературы.

В 1930 г. на русском языке вышла книга М. Кулиева «Октябрь и тюркская литература», охватывающая в общих чертах большой период истории азербайджанской литературы — от средних веков до первых лет становления и развития азербайджанской советской литературы. Не лишенная определенных недостатков, эта книга была первой попыткой освещения на основе марксистско-ленинской методологии исторического пути развития нашей национальной литературы.

В связи с подготовкой к проведению 800-летия со дня рождения Низами Гянджеви в 1938 г. в Азербайджане широко развернулась работа по составлению научно-критического текста «Пятиерицы», завершившаяся к концу 1940 г. Тексты поэм Низами были подготовлены А. Алескерзаде, А. А. Ализаде, Ф. Бабаевым, Л. А. Хетагуровым. Редактирование осуществлялось Е. Э. Бертельсом.

С этого времени началась интенсивная работа по изучению литературного наследия Низами. В республике стал издаваться альманах «Низами», вышли из печати книги: М. Рафили «Низами. Жизнь и творчество» (на русском языке, 1939), Е. Э. Бертельса «Великий азербайджанский поэт Низами» (1940), Г. Араслы «Низами Гянджеви» (1947), а также статьи видных ученых и писателей — Е. Э. Бертельса, М. Арифа, А. О. Маковельского, Г. Гусейнова, С. Вургунa, Г. Мехти, М. Ибрагимова, посвященные отдельным проблемам творчества гениального поэта.

Большая научно-текстологическая работа была проведена также в связи с подготовкой к изданию произведений Мухаммеда Физули. Хотя его произведения уже печатались ранее в Тебризе, Стамбуле, Ташкенте, Баку, Каире и в значительной мере способствовали популяризации творчества поэта, однако эти издания страдали серьезными недостатками.

Подлинно научное изучение художественного наследия Физули началось с 1930 г., после того как Е. Э. Бертельс обнаружил самую полную в мире рукопись «Куллиятта» Физули (переписана в 1589 г.), хранящуюся в Ленинграде. В этом списке отсутствовало лишь произведение поэта «Сохбатул-Асмар» («Спор плодов»).

Более глубокому изучению творчества поэта способствовало также обнаружение С. Мумтазом еще одной древней рукописи «Дивана» Физули (переписана в 1573 г.).

На основании обеих этих рукописей и ряда турецких и тебризских изданий Г. Араслы подготовил и издал двухтомник избранных произведений Физули. Им же была осуществлена большая работа по подготовке к изданию полного собрания сочинений Физули в пяти томах, из которых четыре уже вышли в свет.

Особенно успешно азербайджанское литературоведение развивалось в 30—40-е годы. В этот период было создано большое число монографий по проблемам реализма, народности, связи литературы с жизнью, по исследованию классического наследия. В эти годы вышли из печати следующие работы: А. Назима «Молла Насреддин» (1936), Г. Гусейнова «Философские воззрения М. Ф. Ахундова (1938), Г. Араслы «Физули» (1939), М. Ибрагимова «Великий демократ» (1939), А. Сеидзаде «Мирза Шафи или Ф. Боденштедт» (1940), Дж. Хандана «Сабир» (1940), Мир Джалала «Поэтические особенности Физули» (1940), Г. Мехти «Вагиф» (1932), «Бессмертный мастер» (1944) и др.

В 1943—1944 гг. Институтом литературы им. Низами была издана под редакцией Г. Гусейнова и М. Ариффа двухтомная «История азербайджанской литературы» — первая капитальная работа, осветившая с марксистских позиций многовековую историю развития литературно-художественной мысли в Азербайджане. Труд этот, будучи серьезным вкладом в азербайджанскую советскую литературоведческую науку, явился основой для дальнейшего углубленного научного изучения истории азербайджанской литературы.

Наряду с двухтомником были изданы также ценные исследования: «История азербайджанской литературы XX века» Дж. Хандана (1939, 1955), «История азербайджанской литературы XVII—XVIII веков» Г. Араслы (1956), «История азербайджанской литературы XIX века» Ф. Касумзаде (1956). Все эти работы, принятые в качестве учебников для высших учебных заведений, вводили в научный обиход новые ценные сведения об отдельных периодах развития азербайджанской литературы.

В исследовании Г. Араслы «История азербайджанской литературы XVII—XVIII веков» впервые научно освещался один из наименее до того времени изученных периодов азербайджанской литературы. Большое место в этой работе отводилось анализу таких выдающихся памятников устного народного творчества, как эпос «Кер-оглы», народно-романтические дастаны «Шах Исмаил», «Ашиг Гариб», «Асли и Керем» и другие, а также творчества ряда выдающихся ашугов и крупных поэтов Месихи, Тарзи Ашрафа, Саиба Тебризи, Говси Тебризи, Видади, Вагифа и др. На богатейшем историческом и художественном материале автор раскрыл самобытность и своеобразие литературного развития в XVII—XVIII вв. в Азербайджане, безосновательно отрицавшееся некоторыми буржуазными учеными.

Труд Ф. Касумзаде «История азербайджанской литературы XIX века» посвящен одному из наиболее интересных и насыщенных культурными событиями периодов развития азербайджанской классической литературы. В этой работе раскрывается прогрессивная роль влияния передовой русской культуры на развитие азербайджанской реалистической драматургии, прозы и сатиры — этих качественно новых явлений в истории художественной культуры Азербайджана. В книгу вошли монографические очерки о А. Бакиханове, М. Ф. Ахундове, Мирза Шафи Вазехе, Сеид Азиме Ширвани, Н. Везирове и др.

Книга Дж. Хандана освещает историю азербайджанской литературы XX века. Значительное внимание в ней уделяется пролетарской и революционно-демократической печати, ее борьбе против буржуазной прессы. В работу включен ряд монографических очерков о выдающихся писателях Дж. Мамедкулизаде, М. А. Сабире, А. Ахвердове, Н. Нариманове, М. С. Ордубады, А. Сиххате, А. Шаике, М. Хади и др.

Однако нельзя не отметить, что названным выше трудам, несмотря на все их достоинства, присущи и общие для всех них недостатки: отсутствие связи между портретными очерками о писателях, недостаточная глубина научного анализа художественных особенностей их творчества, отсутствие данных о литературных взаимосвязях и т. д.

В последние годы научным коллективом Института литературы и языка им. Низами была создана трехтомная «История азербайджанской литературы» под общей редакцией академиков Самеда Вургуня, Мирзы Ибрагимова и М. А. Дадашзаде. Этот труд, как бы подводя итог многолетним исследованиям азербайджанских литературоведов, охватывает историю нашей литературы с древнейших времен до наших дней (1956). В нем прослеживается развитие азербайджанской литературы в целом и по отдельным этапам, раскрываются ее связи с литературами других народов, особенности ее становления как формы общественного сознания и т. д. В трехтомнике анализируются специфические особенности развития азербайджанской литературы, разнообразие ее стилей и художественных форм, общественно-исторические корни романтизма, вопросы традиций и новаторства, народности и современности, творчество и идейно-философские воззрения отдельных писателей и т. д.

Важнейшим объектом исследования азербайджанского литературоведения является изучение азербайджанской советской литературы в историческом аспекте, освещение проблем, возникавших в связи с зарождением, становлением и развитием в ней социалистического реализма, раскрытие ее самобытных особенностей и связей с литературами других народов СССР.

Указанные вопросы получили достаточно полное освещение в двухтомной «Истории азербайджанской советской литературы» (1967), издание которой было приурочено к полувековому юбилею Великой Октябрьской социалистической революции. Этот двухтомник, вышедший под редакцией М. А. Дадашзаде, был подготовлен отделом советской литературы Института литературы и языка им. Низами. Авторский коллектив, создавший этот труд,¹ сумел отразить в нем сложный путь развития азербайджанской советской литературы за 1917—1967 гг.

В отличие от предшествовавших работ на ту же тему, история азербайджанской советской литературы в этом издании исследуется как живой процесс, неразрывно связанный с важнейшими событиями общественной жизни, со всей социалистической действительностью. Авторы двухтомника сделали попытку переоценить многие явления и факты нашей литературы, на протяжении длительного времени в силу ряда причин замалчивавшиеся критикой и литературоведением. Следует отметить также, что в этом труде критика и литературоведение впервые рассматриваются как полноправные участники общего литературного процесса.

В 50—60-е годы азербайджанское советское литературоведение обогатилось новыми трудами, свидетельствующими о росте его научно-теоретического уровня, расширении масштабов исследований, для которых становится характерным углубленное изучение природы художественного творчества.

¹ М. Рзакулизаде, Б. Набиев, М. Али-оглы, Я. Сеидов, Я. Исмаилов, А. Зейналлы, К. Касумзаде, Ш. Салманов и А. Багиров.

² Советская тюркология, № 5

В эти годы выходят в свет работы, посвященные вопросам истории и теории азербайджанской литературы и содержащие широкие обобщения и глубокие научные выводы о важнейших литературных явлениях, творчестве отдельных писателей².

Известно, например, что о лирике Физули было написано немало. Тем не менее, повторное обращение к ней позволило расширить и углубить представление о лирическом мастерстве поэта. В работе М. Гулизаде «Лирика Физули» анализируется связь лирики поэта со временем, своеобразное отражение в ней общественно-политических мотивов, характеризуются мировоззрение и творческий метод поэта. Монография К. Талыбзаде — «Азербайджанская критика XX века» — тяготеет к проблемности и широким обобщениям. В этой книге, посвященной вопросам формирования критической мысли в XX в. — одном из сложнейших этапов развития азербайджанской литературы, — дается оценка роли и места азербайджанской литературной критики в литературном процессе, и прежде всего в постановке и разработке теории реализма. В исследовании М. Дж. Джафарова «Романтизм в азербайджанской литературе» эта сложная проблема разрабатывается в нашем литературоведении впервые. Автор убедительно доказывает прогрессивное значение романтизма для азербайджанской литературы XX в.

Два последних десятилетия в республике были ознаменованы созданием целого ряда монографических исследований и по азербайджанской советской литературе.

Монографии М. А. Дадашзаде «Творческий путь Джафара Джабарлы» (1956) и «Драматургия Самеда Вургун» (1964) являются глубоко теоретическими исследованиями, убедительно раскрывающими неисчерпаемые художественные возможности, предоставляемые писателю методом социалистического реализма. Автор анализирует творчество обоих крупных азербайджанских советских драматургов, особенности их художественного мастерства, роль в развитии азербайджанской советской драматургии и т. д.

Значительный вклад внесли своими работами Дж. Джафаров и М. Дж. Джафаров: первый — в исследование проблем азербайджанской драматургии и литературной критики, второй — в разработку теоретических вопросов азербайджанской советской литературы.

В послевоенный период в Азербайджане выросло целое поколение ученых, посвятивших себя изучению советской литературы. В их работах, наряду с исследованием творчества отдельных видных представителей советской литературы, важное место занимают и теоретические вопросы, имеющие проблемный характер³.

Наряду с изучением классического литературного наследия и современной азербайджанской литературы ученые значительное внимание уделяют теоретическим вопросам, опираясь в своей работе на труды

² Работы М. А. Дадашзаде, М. Ибрагимова, М. Дж. Джафарова, М. Гулизаде, Дж. Хандана, И. Эфендиева, К. Талыбзаде, М. Мирахмедова и др.

³ О. Гасанов. «Самед Вургун» (1956), К. Касумзаде. «Дружба народов в азербайджанской литературе» (1956), Ф. Везирова. «Социалистический реализм в творчестве Дж. Джабарлы» (1960), Я. Исмаилов. «Абдулла Шаик» (1962), А. Агаев. «Вопросы мастерства» (1962), Г. Халилов. «Пьеса «Вагиф» и жанр исторической драмы» (1964) и написанная им совместно с М. Али-оглы монография «Расул Рза» (1960), М. Али-оглы. «Новый человек в литературе» (1964) и «Раздумья критика» (1968), М. Мамедов. «На путях жизни и искусства» (1965) и «Эстетические проблемы азербайджанской драматургии» (1968), Б. Набиев. «Азербайджанская литература периода Великой Отечественной войны» (1965) и «За современность и мастерство» (1966), Г. Бабаев. «Поэт и время» (1966), Я. Сеидов. «Творческий путь Мехти Гусейна» (1966).

классиков марксизма-ленинизма, на их высказывания о литературе и искусстве⁴.

Большое место в исследованиях азербайджанских ученых занимает история развития театра и драматургии, тесно связанная с историей азербайджанской литературы. Наиболее значительной из таких работ является монография Дж. Джафарова «Азербайджанский драматический театр» (1959), внесшая существенный вклад в изучение истории нашего театра.

К важнейшим проблемам азербайджанского литературоведения относятся изучение взаимосвязей азербайджанской литературы с литературами других братских народов нашей страны, а также народов зарубежных стран. Среди них особое место занимают исследования по вопросам влияния на азербайджанскую литературу творчества великих русских писателей А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького. Проблемам взаимосвязей азербайджанской литературы с литературами других народов посвящен целый ряд монографий⁵.

В республике издано также большое число книг и опубликован ряд статей о классиках русской и мировой литературы.

В настоящее время азербайджанское литературоведение вступает в наиболее интересный и плодотворный период своего развития. Перед ним открываются широкие возможности для разработки новых теоретических проблем, углубленного изучения классического наследия, произведений советских писателей и устного народного творчества, исследования самобытных особенностей нашей литературы, художественного мастерства азербайджанских писателей, вопросов романтизма и реализма, исторических взаимосвязей азербайджанской литературы с литературами ближневосточных и других стран. Можно с уверенностью сказать, что азербайджанские ученые-литературоведы сделают все от них зависящее, чтобы справиться со стоящими перед ними задачами.

⁴ Работы, посвященные высказываниям В. И. Ленина о литературе и искусстве, написаны М. Арифом, И. Эфендиевым, М. Рафили, Дж. Ханданом, Ш. Мирзоевой, Г. Халиловым и др.

⁵ Ш. Курбанов. «Этапы азербайджанско-русских литературных связей» (1958); Д. Алиева. «К истории азербайджанско-грузинских литературных связей» (1958); А. Агаев. «Низами и мировая литература» (1964); С. Турабов. «Азербайджан в русской поэзии» (1964); М. Джафар. «Из истории азербайджанско-русских литературных связей» (1964); М. Рафили. «Мирза Шафи Вазех и мировая литература» (1965); М. Сеидов. «Азербайджанско-армянские литературные связи» (1969) и др.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

НОВЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ)

Изучение истории языка на основе одних лишь письменных памятников без привлечения диалектных материалов не дает полной и всеобъемлющей картины эволюции языка.

В письменных памятниках, как известно, лексический и грамматический строй языка не находит полного и всестороннего отражения. В них фиксируются лишь отдельные крупницы языка, ограниченные темой и задачами, поставленными перед собой авторами рукописей или памятников. И неслучайно крупные языковеды, анализируя язык письменных памятников, многие возникавшие при этом спорные вопросы языка решали, обращаясь к диалектным материалам. По этому поводу еще П. М. Мелиоранский писал: «...современные диалекты сохраняют часто, как показало уже неоднократно наблюдение, многие формы и слова, не дошедшие до нас в сравнительно новых письменных источниках, и представляют таким образом драгоценное, часто незаменимое пособие для понимания и отчасти лингвистического разбора наиболее древних памятников»¹.

Остановимся на новых фактах, обнаруженных при изучении азербайджанских диалектов и имеющих существенное значение для истории языка.

Одним из таких фактов является употребление личных аффиксов II лица единственного числа в формах *v*, *k* (*γ*), *j*. Как известно, в восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в качестве аффикса принадлежности II лица единственного числа в родительном, дательном и винительном падежах, а также в условном наклонении глагола выступает личный аффикс «*v*», например: *atovun* «твоего отца», *atova* «твоему отцу», *atovi* «твоего отца», *alsov* «если ты купишь», *alsovuz* «если вы купите» (г. Куба Азербайджанской ССР). До последнего времени в азербайджанских диалектах и говорах не встречалось употребление этого личного аффикса в именительном падеже. Исследования говоров Кахского района Азербайджанской ССР, Табасаранского района Дагестанской АССР и Керкукского диалекта Иракской республики установили наличие личного аффикса «*v*» и в именительном падеже; например: *pāpāv* (Ках) «твоя бабушка», *babav* (Керкук) «твой дедушка», *atuv* (Табасаран) «твой отец», *sināv* (Керкук) «твоя грудь», *biläg'üv* (Керкук) «твое запястье».

В Керкукском диалекте личный аффикс «*v*» во II лице единственного числа, кроме условного наклонения, употребляется также в прошедшем-

¹ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 11.

очевидном времени изъявительного наклонения, например: *atduv* «ты бросил», *atduvuz* «вы бросили» и т. д.

В диалектах и говорах азербайджанского языка обнаружена вторая форма личного аффикса *γ* || *k*.

В качестве аффикса принадлежности этот аффикс во II лице единственного числа встречается в Кахском районе в именительном падеже, в Джебраильском районе — в родительном, дательном и винительном падежах; например: *запуу* «твоя душа», *babayun* «твоего дедушки», *babaya* «твоему дедушке», *babayy* «твоего дедушку».

В Джебраильском и Кедабекском районах Азербайджанской ССР личный аффикс *γ* во II лице множественного числа выполняет функцию аффикса принадлежности и фигурирует в категории сказуемости; например: *atayyuz* «ваш отец», *pāpāyız* «ваша бабушка», *āliyız* «ваша рука», *g'özüyüz* «ваши глаза», *alyrsuyuz* «вы покупаете», *g'älirsiyız* «вы идете» и т. д.

В тюркских языках личный аффикс (*γ*) встречается в категории принадлежности, однако в категории сказуемости во II лице единственного числа в современных тюркских языках он отсутствует. Во II лице единственного числа этот аффикс был обнаружен в говорах Кедабекского района; например: *goumsuk* «ты родственник», *bauxfsuk* «ты смотрел», *g'ögrfsük* «ты увидел».

В то же время личный аффикс II лица единственного числа в категории сказуемости встречается в орхонских надписях, у Махмуда Кашгари и в произведении Ашуг Паши «Гарибнаме», относящемся к XIV веку. Например, в орхонских надписях: *bardyγ* «ты шёл», *öltiy* «ты умер»; у

Махмуда Кашгари: *gasyrduγ* «ты позволил бежать», в произведении Ашуг Паши «Гарибнаме»: *bulduγ* «ты нашел», *galduγ* «ты остался»³.

Другой разновидностью личных аффиксов, обнаруженных в диалектах и говорах азербайджанского языка, является аффикс «*j*». Во II лице множественного числа этот аффикс встречается в категории принадлежности во всех падежах, а также в категории сказуемости, например: *atajyz* «ваш отец», *atajyzyn* «вашего отца», *atajyza* «вашему отцу», *atajyzy* «вашего отца», *atajyzda* «у вашего отца», *atajyzdan* «от вашего отца», *g'älirsijiz* «вы идете», *g'äläzäjsijiz* «вы придете» и т. д. Употребление личного аффикса «*j*» во II лице единственного числа стало известно лишь после обнаружения материалов Керкукского диалекта, согласно которым личный аффикс «*j*» широко распространен во II лице единственного числа как в категории принадлежности, так и в категории сказуемости; например: *sānij* «твой», *pānāj* «твоя бабушка», *basyj* «твоя голова», *isijin* «твоей работы», *isijā* «твоей работе», *isiji* «твоей работы», *jatysaj* «ты спишь», *g'äldij* «ты пришел», *jazdyj* «ты написал» и т. д.

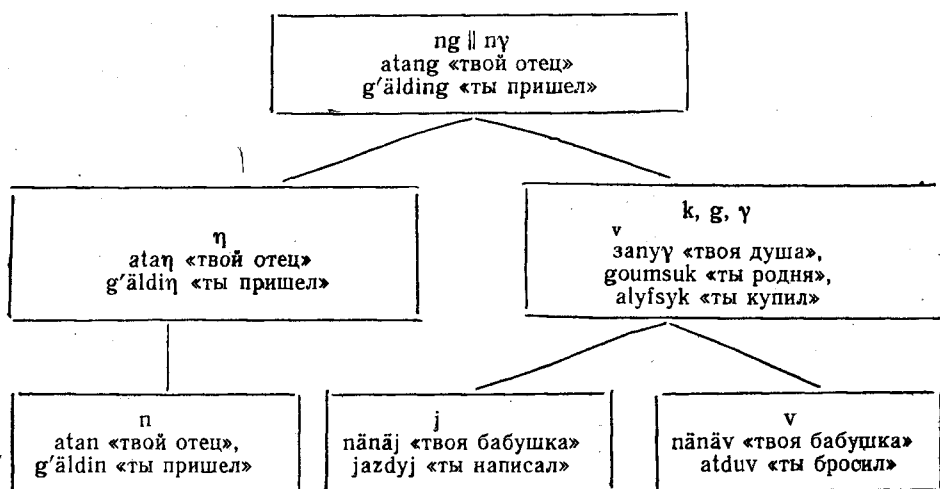
Все эти личные аффиксы восходят к одному источнику. Как известно, архаичная форма, выражающая II лицо, представляла собой аффикс *ng||ny*. В дальнейшем в процессе разложения этого аффикса в огузских типах тюркских языков преобладающим стал элемент *p*, а в кипчакских типах — *k* (*γ*).

^{1,2} Б. П. Садыхов. Кедабекские говоры азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964, стр. 18, 20.

³ См.: М. Рясенен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 169—170.

Палатализация «ү» послужила причиной появления личного аффикса «j», а в результате перехода «ү» в «v» возник личный аффикс «v».

Все сказанное схематически можно представить следующим образом:

Одним из важных вопросов в развитии наклонений глаголов тюркских языков является вопрос развития деепричастия, которое наравне с причастием, сыграло большую роль в оформлении наклонений глаголов тюркских языков. В современном состоянии они утратили некоторые морфологические черты, присущие глаголу (время, лицо), и приблизились к наречиям.

Диалектные материалы дают нам прекрасные факты, позволяющие восстановить историю модификации деепричастий в тюркских языках. В азербайджанских диалектах формы деепричастия, оканчивающиеся на -у, -i, -u, -ü, указывают на настоящее время, например: aly «покупает, берет», g'edi «идет», digu «стоит», g'ögü «видит» и т. д.

Как в литературном языке, так и в диалектах деепричастие, выступая в оборотах, не принимает личного аффикса. Отношение деепричастия к субъекту (в оборотах) зависит от наличия субъекта, выраженного самостоятельным словом, например: män g'äländä «я идя», sän g'äländä «ты идя», o g'äländä «он идя». Во всех этих примерах g'äländä не изменяется по лицам, отношение его к субъекту зависит от наличия субъектов män «я», sän «ты», o «он».

В 1956 году в Иракской республике была опубликована работа Аттара Тарзибашы («Керкукские песни»), а также работа нашего аспиранта Газанфара Пашаева, который, находясь в течение 2-х лет в Ираке, изучал керкукский диалект азербайджанского языка. Эти работы свидетельствуют об употреблении в керкукском диалекте деепричастий с личными аффиксами; например: g'äländäm «я идя», g'äländäv «ты идя», g'äländä «он идя», g'äländäx «мы идя», g'äländävyz «вы идя», g'äländälär «они идя» и т. д.

Этот факт очень важен для изучения придаточных предложений. На том основании, что деепричастия в деепричастных оборотах не имеют личных аффиксов, некоторыми учёными делались ошибочные выводы:

они считали, что деепричастные обороты с самостоятельными субъектами могут выполнять функции придаточных предложений, и характеризовали их как сказуемые придаточные предложения, допуская тем самым явную путаницу.

Материалы керкукского диалекта азербайджанского языка показали, что деепричастия могут выступать в роли сказуемого только тогда, когда они имеют личные аффиксы. Поэтому предложение: *mān g'äländä jayys jayyrdy* «я идя шел дождь» является простым предложением, так как деепричастный оборот (*mān g'äländä*) в этом случае выступает сложным членом простого предложения — обстоятельством времени, а

предложение *mān g'äländām jayys jayyrdy* «когда я шел, шел дождь» является сложным предложением, так как *mān g'äländām* («когда я шел») это придаточное предложение, ибо деепричастие в нем имеет личный аффикс и является сказуемым.

В процессе морфологического развития слова немаловажную роль играет переход послелогов в аффиксы. Даже на современном этапе развития языка мы являемся свидетелями этого процесса. Сюда относится постепенный переход послелога *ilä* «с» в аффикс *-la, -lä*.

В современном азербайджанском литературном языке этот послелог (*ilä*) постепенно теряет свое послеложное значение и переходит в аффикс. Такие признаки аффикса, как несамостоятельное употребление и подчинение закону гармонии гласных в данном случае налицо, например: *-la, -lä: atamlä* «с отцом», *tyxla* «с гвоздем».

Единственно, что сохраняет за *ilä* значение послелога, это его самостоятельное употребление после слов с конечными гласными, а также отсутствие ударения.

В общенародном разговорном языке послелог *ilä* совершенно отсутствует, вместо него употребляется послелог *-nap, -nāp*, который, как и литературный (*ilä, -la, -lä*), употребляется в двойном значении: 1) совместного действия: *gardasymla* (литер. форма), *gardasymnap* (общенародн. форма) «с братом»; 2) орудия действия: *balta ilä* (литер. форма), *baltejnap* (общенародн. форма) «топором».

Вторая разновидность этого послелога *-dan, -dān* недавно была обнаружена в керкукском диалекте азербайджанского языка (Иракская республика) и в Таузском районе Азербайджанской ССР.

Во многих современных тюркских языках *-dan, -dān* известен как аффикс исходного падежа. Его употребление в функции послелога для азербайджанского языкознания было совершенно новым фактом. Послелог *-dan, -dān* безударный и также выступает в двух значениях: 1) совместного действия и 2) орудия действия, например: *ajayūdan* «с ногой», *dildān* «с языком», *mānimk'idān sānūvk'i* «мое с тобой»⁴, *jöldan* «с дорогой», *dúzman* «с солью» (Таузский район Азербайджанской ССР).

Среди современных диалектов тюркских языков, сохранивших этот послелог, можно отметить качинский диалект хакасского языка⁵.

Обнаружение этого послелога в азербайджанских диалектах и говорах имеет большое значение при объяснении этимологии послелога общенародного разговорного азербайджанского языка *-nap, -nāp*. Послелог *-nap, -nāp*, видимо, позднее явление и образовался от послелога *-dan*,

⁴ کرکوک خواراتری و ماعنیلری، عطار تری باشی، جلد III، ۱۹۵۶ س ۴۱

⁵ Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV. Баку, 1966, стр. 54.

-dän благодаря регрессивной ассимиляции: -dan>-nan, -dän>-nän. Можно было бы привести еще множество других интересных диалектных данных из области фонетики, грамматики и лексики, освещающих те или иные спорные или малоизученные вопросы истории языка, однако в данной статье автор не ставил перед собой задачу дать исчерпывающее освещение особенностей развития тюркских языков на материале их диалектов. Приведенные выше факты из области морфологии убедительно показывают, каким ценным источником для изучения языка являются его диалекты.

Д. М. НАСИЛОВ, В. С. ХРАКОВСКИЙ

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ДЕРИВАЦИИ К ОПИСАНИЮ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ*

Коммуникативная функция языка относится к числу важнейших его функций. Суть речевого общения заключается в передаче смысловой информации, а предложение является, очевидно, тем минимальным сегментом речи, который содержит относительно законченную информацию, соотношенную с той или иной ситуацией действительности. Отсюда следует вывод: именно предложение есть та непосредственно воспринимаемая речевая сущность, та объективно доступная лингвисту «элементарная частица» в речевой цепи, анализ которой ведет к установлению в языке моделей предложений, что является важнейшей задачей научного синтаксиса¹. Каждое предложение представляет собой «продукт» языка и строится как реализация определенной «абстрактной модели»². «Непосредственно дана только речь, а предполагаемая ею система языка может быть восстановлена только по информации, заключенной в речи и ее элементах»³.

Описание результатов исследования в этом плане должно слагаться из двух взаимодополняющих компонентов: статического описания, в рамках которого модели представляются как классификационно равноправные, независимые друг от друга единицы инвентаря, и динамического описания, в рамках которого указывается место каждой модели в системе взаимосвязанных единиц инвентаря.

Рассмотрим смысловую сторону такого языкового знака, как предложение, то есть его значения. Можно считать, что предложение несет два типа смысловой информации. Информацию одного типа назовем внутренним смысловым статусом предложения, другого типа — внешним смысловым статусом. Внутренний смысловой статус предложения, или его смысловую структуру, образуют смысловые элементы, отношения между ними и элементарные смыслы, то есть функции, которые выпол-

* В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на семинаре по вопросам статистического и информационного изучения тюркских языков (Алма-Ата, май 1970 г.). См.: Статистическое и информационное изучение тюркских языков. (Тезисы докладов и сообщений). Алма-Ата, 1969, стр. 27—31.

¹ А. В. Исаченко. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных. — В сб.: «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 61.

² См.: В. Матезиус. О системном грамматическом анализе. — В сб.: «Пражский лингвистический кружок». М., 1967.

³ С. Д. Кацнельсон. О теории лингвистических уровней. — В сб.: «Вопросы общего языкознания». М., 1964, стр. 35.

няют одни смысловые элементы в отношении с другими смысловыми элементами⁴. Смысловая структура предложения отображает определенную денотативную смысловую ситуацию.

К внешнему смысловому статусу относятся характеристики, которые говорящий приписывает смысловой ситуации, отображаемой в предложении. Примером может служить характеристика «констатация факта наличия ситуации» (узб. *отам шах, арга кетди* «отец уехал в город») или «установление реальности факта наличия ситуации» (ср.: узб. *отам шах, арга кетдими?* «уехал отец в город?»). Оба предложения имеют одинаковый внутренний смысловой статус, описывают ту же ситуацию, но имеют различия во внешнем смысловом статусе.

В соответствии с этим при описании следует различать такие преобразования предложений, при которых меняется внешний смысловой статус, но сохраняется внутренний смысловой статус, либо меняется внутренний смысловой статус при неизменности внешнего.

При преобразовании внешнего смыслового статуса производное предложение тождественно исходному по набору лексем и эквивалентно ему по смыслу. Такое преобразование назовем трансформацией. Изучение инвентаря предложений, связанных отношениями трансформации, позволяет установить предел возможностей выражения в языке одной и той же комбинации смыслов с помощью одного и того же набора знаменательных лексем. Трансформация служит также одним из средств организации контекста из контекстно независимых предложений⁵.

К подобного рода преобразованиям предложений примыкают также и те, которыми занимается теория перефразирования, согласно которой снимаются ограничения на тождественность лексического статуса трансформируемых предложений⁶.

Отношениями перефразирования связаны предложения, выражающие одну и ту же комбинацию смыслов, однако отличающиеся друг от друга не только своим формальным (грамматическим) статусом, но и своим лексическим статусом.

Смысловые изменения, которые могут возникать в ходе трансформаций, можно определить лишь как смысловые модификации при сохранении смыслового инварианта.

Теория трансформационных преобразований решает задачу моделирования владения смыслом, то есть того, как выражается в языке та или иная комбинация элементарных смыслов.

Вместе с тем для лингвистики столь же важно решение задачи моделирования процесса перехода от одного смысла к другому, то есть того, как в языке осуществляется переход от выражения одного смыслового задания к выражению другого смыслового задания, связанного с исходным закономерными отношениями. Последнюю задачу решает теория деривационных преобразований предложений⁷.

Под деривацией мы понимаем такое преобразование одного предложения в другое, при котором производное предложение и по своему грамматическому (формальному) статусу, и по смыслу закономерно от-

⁴ Ср.: С. L. Ebeling. On the Semantic Structure of Russian Sentence. — «Lingua», 1954, 4.

⁵ См.: З. С. Хэррис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. — В сб.: «Новое в лингвистике». М., 1962, II.

⁶ См., например: И. А. Мельчук. К вопросу о «внешних» различительных элементах: семантические параметры и описание лексической сочетаемости. — В сб.: «To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday». The Hague — Paris, 1967, v. II.

⁷ Ср.: С. Д. Кацнельсон. Порождающая грамматика и принцип деривации. — В сб.: «Проблемы языкознания». М., 1967.

личается от исходного предложения⁸. Деривационными отношениями связаны между собой, например, следующие пары предложений⁹: узб. *уғлим урмонда адашиб к₁олди* «сын заблудился в лесу» — *мен урмонда уғлимни адиштириб к₁уйдим* «я потерял в лесу сына»; казах. *колхозшылар астык₁ жинады* «колхозники убрали хлеб» — *астык₁ жиналды* «хлеб убран»; кирг. *чыныдагы чайды алды* «он взял пиалу с чаем» — *чыныдагы чайды ала койду* «он схватил пиалу с чаем»; тур. *bir vals çaldılar* «сыграли какой-то вальс» — *bir vals çalmaga başladılar* «заиграли какой-то вальс».

В рамках классической трансформационной теории трансформационные и деривационные отношения четко не разграничиваются¹⁰. Одной из основных причин смещения этих двух типов отношений является, очевидно, недооценка или неосознание того обстоятельства, что означаемое предложение состоит, как указывалось выше, из двух принципиально различных смысловых компонентов. Если трансформационные отношения охватывают изменения внешнего смыслового статуса предложения, а деривационные отношения охватывают преобразования его внутреннего смыслового статуса, то приходится признать, что это суть два различных типа отношений между предложениями и что деривационные отношения играют в синтаксической системе столь же существенную роль, как и трансформационные отношения.

Настоящее сообщение посвящено главным образом общей характеристике деривационных отношений на материале тюркских языков.

Предварительно поясним некоторые применяемые ниже понятия. Прежде всего, мы исходим из различия двух типов предложений: а) исходные предложения, б) производные предложения, или предложения-дериваты. Исходные предложения должны удовлетворять следующему требованию: они не должны быть производными от других предложений. Все предложения, не входящие в состав исходных, соответственно являются производными. Производные предложения описываются как возникшие в результате преобразования исходных предложений.

В любом исходном предложении должен быть в наличии смысловой элемент, являющийся носителем элементарного смысла, — «состояние». Этот смысловой элемент является ведущим, главенствующим по отношению к другим смысловым элементам, представленным в исходном предложении¹¹. В роли подчиненных смысловых элементов выступают элементы, обозначающие такие элементарные смыслы, как субъект (состояния), объект (состояния), адресат (состояния), различные обстоятельства (состояния). Для обозначения элементарных смыслов ниже используются термины *каузация*, *агенс*, *пациенс*, *модальность*, *фазовость* и т. д.¹²

Синтаксическая структура предложения описывается с использованием терминологии, принятой для членов предложения. Употребляются также термины типа *подлежащее субъекта*, *подлежащее объекта*, *подлежащее агенса*, *дополнение агенса*. Посредством таких уточненных тер-

⁸ Подробнее об этом см.: В. С. Храковский. Деривационные отношения в синтаксисе. — В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969.

⁹ Примеры здесь и далее частично заимствованы авторами из словарей и грамматических описаний соответствующих тюркских языков.

¹⁰ Ср.: З. С. Хэррис. Указ. раб.

¹¹ Подробнее об этом см.: В. С. Храковский. Проблема доминанции членов предложения и система абстрактных синтаксических структур. — В сб.: «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969.

¹² Ср.: F. Danes. The Semantic Structure of the Sentence. — «Lingua», 1968, 21.

минов указывается, носителем какого элементарного смысла является смысловой элемент, выражаемый тем или иным членом предложения.

Сказуемое мы здесь определяем как любую совокупность глагольных словоформ — личных и неличных, объединенных смысловой и формальной связью¹³, — которые обозначают элементарный смысл «состояние», а также такие элементарные смыслы, как «фазовость», «модальность», «каузация» и т. п., являющиеся вторичными по отношению к смыслу «состояние».

В инвентарь исходных предложений входят предложения двух типов. Предложения первого типа на уровне членов предложения состоят из сказуемого (Ск) и подлежащего (П), а на уровне частей речи — из знаменательного непереходного глагола, обозначающего состояние (с), и имени, обозначающего «субъект» состояния (С-с). Ср.: узб. *уғлим* (П) *адаиди* (Ск) «сын (П) заблудился (Ск)», *дарахтлар* (П) *сарғайди* (Ск) «деревья (П) пожелтели (Ск)»; казах. *бұлбұл* (П) *сайрайды* (Ск) «соловей (П) поет (Ск)», *Әлібек* (П) *тоқтады* (Ск) «Алибек (П) остановился (Ск)»; тур. *fırtına* (П) *koptu* (Ск) «поднялась (Ск) буря (П)», *ben* (П) *dolaşıyorum* (Ск) «я (П) гуляю (Ск)».

Предложения второго типа на уровне членов предложения состоят из сказуемого (Ск), подлежащего (П) и дополнения (Д), а на уровне частей речи — из знаменательного переходного глагола, обозначающего состояние (С), имени-подлежащего, обозначающего «субъект» состояния (С-с), и другого имени-дополнения (Д₁), обозначающего «объект» состояния (О-с). Ср.: узб. *бола* (П) *китобни* (Д₁) *укиди* (Ск) «ребенок (П) читал (Ск) книгу (Д₁)»; казах. *тоқылдақ*₁ (П) *ағашты* (Д₁) *ояды* (Ск) «дятел (П) долбил (Ск) дерево (Д₁)»; тур. *kız* (П) *gülü* (Д₁) *almış* (Ск) «девушка (П) взяла (Ск) розу (Д₁)».

Производные предложения, получаемые в процессе деривации, отличаются от исходных, как указано выше, своим внутренним смысловым статусом. При этом в них обычно вводятся смысловые элементы, которые тем самым становятся семантическими операторами деривации. Специфика смысловых элементов, выступающих в роли семантических операторов деривации, заключается в том, что они являются носителями элементарных смыслов (например, фазовость, модальность, каузативность и т. п.), которые реализуются только лишь тогда, когда в смысловой структуре уже выражен элементарный смысл «состояние». Смысловой элемент, вводимый в ходе деривации, становится главенствующим (хозяином) в смысловой структуре производного предложения, а смысловой элемент, выражающий «состояние», оставаясь главенствующим по отношению к элементам исходного предложения, становится подчиненным (слугой) вновь введенного смыслового элемента. Иными словами, суть деривации заключается в смене главенствующего элемента (хозяина) в смысловой структуре предложения.

Деривационные потенции предложения детерминируются типом его смысловой структуры. Знание только синтаксической структуры предложения оказывается недостаточным для характеристики деривационных возможностей этого предложения. Два предложения, имеющие одинаковую синтаксическую структуру, могут иметь различную смысловую структуру и в силу этого обладать различными способностями к деривации. Ср.: узб. *столга* (Д₂) *сиёх*₁ (П) *тукилди* (Ск) «на стол (Д₂) проли-

¹³ Ср.: Д. Н. Овсянко-Куликовский. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1912.

лись (Ск) чернила (П)» — *складга* (Д₂) *ун вагон кумир* (П) *тукилди* (Ск) «на склад (Д₂) выгружено (Ск) десять вагонов угля (П)».

Любое производное предложение, отличаясь по внутреннему смысловому статусу от исходного, обычно имеет в плане выражения определенный показатель — формальный оператор деривации, который фиксирует происшедшие смысловые изменения.

Синтаксическая деривация в принципе является многостепенным и разнонаправленным процессом. Из каждого предложения с помощью разных смысловых операторов можно построить несколько различных дериватов. Все эти предложения-дериваты образуют деривационное дерево производности. Любое предложение этого дерева имеет свою деривационную историю, что позволяет описать степень его производности, а также эксплицитно выявить те смысловые и формально-грамматические изменения, которые происходят на каждом такте (ступени) деривации¹⁴.

Можно указать несколько различных формальных типов синтаксической деривации предложений.

В первом типе в производном предложении отмечается увеличение количества членов предложения сравнительно с исходным предложением. Такое явление характерно, например, для каузативной деривации, которую можно назвать восходящей.

Второй тип представлен в пассивной деривации, при которой происходит уменьшение количества членов предложения в предложениях-дериватах. Этот тип деривации можно назвать нисходящим.

Как правило, в этих типах деривации производное предложение отличается от исходного как на уровне членов предложения, так и на уровне формальной организации членов предложения.

Рассмотрим каждый из этих двух типов деривации на тюркском языковом материале.

Суть смыслового деривационного процесса каузации состоит в том, что на каждом деривационном такте к исходному набору смысловых элементов добавляется смысловой элемент, выражающий один и тот же элементарный смысл «каузация» (к). Этот смысл всегда имеет своих неизменных спутников: элементарный смысл «агенс» (А-к) — тот, кто каузирует состояние, и элементарный смысл «пациенс» (Пац-к) — тот, кому каузируется состояние.

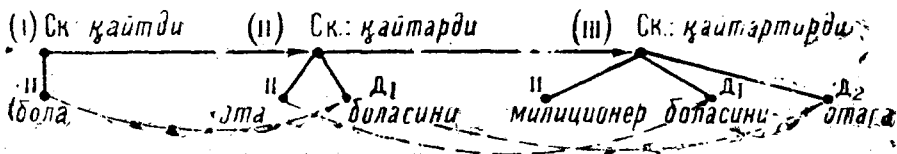
Изменения смысловой структуры закономерным образом вызывают изменения в синтаксической структуре. При этом происходит усложнение формальной организации сказуемого, то есть введение формального оператора деривации, а на уровне членов предложения количество дополнений увеличивается на единицу на каждом такте деривации, так как подлежащее исходного предложения превращается в дополнение, а в предложение вводится новое подлежащее.

В качестве иллюстрации изложенного рассмотрим следующую цепочку предложений: узб. (I) *бола* (П) *к₁айтди* (Ск) «ребенок (П) вернулся (Ск)» ⇒ (II) *ота* (П) *боласини* (Д₁) *к₁айтарди* (Ск) «отец (П) вернул (Ск) ребенка (Д₁)» ⇒ (III) *милиционер* (П) *отага* (Д₂) *боласини* (Д₁) *к₁айтартирди* (Ск) «милиционер (П) заставил (Ск) отца (Д₂) вернуть (Ск) ребенка (Д₁)». Первое, исходное, предложение в этой цепочке на уровне членов предложения состоит из сказуемого (*к₁айтди*) и подлежащего (*бола*), а на уровне частей речи — из глагола, обозначаю-

¹⁴ Подробнее об этом см.: А. П. Володин, В. С. Храковский. Система абстрактных синтаксических структур. — «Ученые записки Тартуского госуниверситета», вып. 232, 3-3 («Проблемы моделирования языка»). Тарту, 1969.

щего состояние, и имени, обозначающего субъект состояния. Каждое последующее предложение в этой цепочке является формальным дериватом предыдущего, имеющим на дополнение больше (II — *боласини*, III — *отага*). Усложнение структуры на уровне членов предложения происходит по следующим правилам: 1) в каждое последующее предложение вводится имя, занимающее в нем позицию подлежащего (II — *ота*, III — *милиционер*), 2) имя, ранее занимавшее позицию подлежащего, переводится на положение 1-го дополнения (*боласини*), на втором такте деривации — 2-го дополнения (*отага*). На каждом такте деривации происходит усложнение формальной организации сказуемого (II — *к₁айт-ар-ди*, III — *к₁айт-ар-тир-ди*).

Этот деривационный процесс отражает следующая схема:

По указанным правилам деривацию можно продолжать и дальше, однако возникающая грамматическая громоздкость накладывает ограничения на этот процесс. Таким образом, производность третьей или даже второй степени (если исходное предложение состоит из сказуемого, подлежащего и дополнения, например: узб. *бола* (II) *китобни* (D₁) *ук₁иди* (Ск) «ребенок (II) читал (Ск) книгу (D₁)» в тюркских языках является, очевидно, предельной для подобного рода деривационных цепочек. Существуют также причины, преимущественно экстралингвистического порядка, которые препятствуют осуществлению каузативной деривации предложений. Довольно часто деривация в цепочках завершается уже на первом такте.

В производных предложениях могут также отсутствовать дополнения, с помощью которых реализуется смысловой элемент, выражающий элементарный смысл «пациенс» (первой каузации) и «субъект» состояния или «пациенс» второй каузации. Отметим, что синтаксическая структура таких предложений не становится эллиптической, иначе говоря, эти дополнения избыточны с точки зрения завершенности структуры. Например, узб. *дарх₁ол* (Обст.) *Афандини* (D₁) *к₁айтартириб* (Ск) *келинг* (Ск) «живо (Обст.) верните (Ск) Афанди (D₁)». В этом предложении не упомянуто лицо («пациенс» второй каузации — D₂), которое должно вернуть Афанди (D₁), то есть «живо [пошлите (Ск) человека (D₂), чтобы он (D₂)] вернул (Ск) Афанди (D₁)». Подобные пропуски дополнения, как правило, наблюдаются там, где сказуемое-глагол однозначно предполагает исполнителя или когда он однозначно предсказывается речевой ситуацией. Ср. также казах. *екі жен₁ге ... екеуінін₁ де он к₁олда-рын алып, біріне бірін ұстаттырды* (М. Әуезов) «обе невестки ... взяли правые руки обоих [молодых людей] и заставили их взять друг друга [за эти руки]»; тур. *asaba beni götürüp de falakaya mi yatirtacak?* «неужели меня увезут и заставят лечь под фалаку?».

Операторами каузации в тюркских языках обычно являются аффиксы, которые в описательных грамматиках называются каузативными, побудительными или понудительными, а глаголы с такими аффиксами называются соответственно каузативными, или глаголами побудитель-

ного (понудительного) залога. К числу таких аффиксов относятся, например, в узбекском языке: -т, -тир||-дир, -ир, -ар, -из, -гиз||-гиз, -киз||-киз; в казахском: -т, -ыт||-ит, -дыр||-дир, -тыр||-тир, -ғыз||-гиз, -кыз||-киз, -ар||-ер, -ыр||-ир, -қар||-кер, -ғыр, -дар, -сет и др.; в турецком: -t, -dir||-tir., -ir||-ür, -ar||-er, -it||-ut и др. Многие из этих аффиксов общетюркские, некоторые из них являются генетически сложными, однако в синхронии они функционируют как простые морфемы¹⁵.

Кроме аффиксов, элементами, выражающими смысл «каузации», могут быть полнозначные каузативные глаголы типа: узб. буюрмок₁ «велеть, приказывать», рухсат этмок₁ «разрешить», имкон бермок₁ «позволить» и др. Ср.: узб. милиционер (П) отага (Д₂) боласини (Д₁) қайтарушини (Ск) буюрди (Ск) «милиционер (П) велел (Ск) отцу (Д₂) вернуть (Ск) ребенка (Д₁)»¹⁶.

Суть пассивной деривации на уровне членов предложения заключается в том, что в производном предложении на дополнение меньше, чем в исходном. Преобразования идут по правилам: 1) из исходного предложения выводится имя, занимавшее в нем позицию подлежащего, 2) имя, занимавшее позицию дополнения, повышается в ранге и переводится на положение подлежащего в предложении-деривате. В процессе деривации происходит усложнение формальной организации сказуемого.

Из указанных правил деривации следует, что условием ее осуществления является наличие в составе исходного предложения сказуемого, подлежащего и дополнения¹⁷. Исходное предложение в составе подлежащего и сказуемого неспособно к пассивной деривации, однако его каузативные дериваты приобретают такую способность¹⁸.

Кратко остановимся на особенностях пассивной деривации на уровне смысловых элементов и элементарных смыслов. В процессе пассивной деривации в сказуемое вводится элемент, реализующий смысл «субъект», который становится главенствующим, а элемент, выражающий «состояние», переходит в подчиненное положение (слуги). Таким образом, изменение смысловой структуры в процессе пассивной деривации сводится к смене главенствующего элемента (хозяина) смысловой структуры. Аналогично изменяется и смысловая структура исходного каузативного предложения.

Смысл данной деривации заключается, видимо, в генерализации субъекта состояния, переводе его с конкретного лексического (поверх-

¹⁵ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962; И. В. Кормушин. Категория каузатива в алтайских языках. Автореф. канд. дисс. Л., 1969.

¹⁶ Отдельные вопросы образования и функционирования каузативных конструкций рассматриваются в книге «Типология каузативных конструкций», поэтому можно ограничиться сказанным выше о каузативной деривации. См.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969; особо статья: Г. Е. Корнилов, А. А. Холодович, В. С. Храковский. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке. Там же, стр. 238—259.

¹⁷ При описании пассивной деривации нами допущено некоторое огрубление реального положения вещей: не учитываются, например, пассивные дериваты исходных предложений с непереходными глаголами типа узб. почтага қандай борилади? «как пройти на почту?»; не рассматриваются также пассивные дериваты исходных предложений с переходными глаголами типа узб. ошиғич телеграммани келтирилди «принесли срочную телеграмму». Пассивные конструкции подобного типа рассматриваются в статье: В. С. Храковский. Конструкции пассивного залога. — В сб.: «Категория залога». Материалы конференции. Л., 1970.

¹⁸ Ср.: «Почти все глаголы в понудительном залоге, а также первообразные переходные глаголы могут стать страдательным залогом» (Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, стр. 302).

ностного) уровня на обобщенный грамматический (глубинный) уровень. Благодаря этому осуществляется логическое выделение конкретного объекта состояния: здесь отсутствует конкретная лексическая информация о «субъекте» состояния.

Рассмотрим цепочку предложений: казах. (I) *колхоз* (II) *мемлекетке* (D₂) *астык*₁ (D₁) *өткізіп* (Ск) *жатыр* (Ск) «колхоз (II) сдает (Ск) хлеб (D₁) государству (D₂)» (II) *астык*₁ (II) *мемлекетке* (D₂) *өткізіліп* (Ск) *жатыр* (Ск) «хлеб (II) сдается (Ск) государству (D₂)». Если в активном предложении (I) смысловой элемент «субъект» репрезентируется подлежащим (*колхоз*), элемент «объект» — дополнением (*астык*), смысловой элемент «состояние» — сказуемым (*өткізіп жатыр*), то в пассивной структуре смысловой элемент, выражающий элементарный смысл «объект», репрезентируется подлежащим (*астык*₁), а смысловые элементы, выражающие смыслы «состояние» и «субъект», репрезентируются сказуемым (*өткізіліп жатыр*). В пассивном деривате сказуемое-глагол передает уже два смысловых элемента и два элементарных смысла: «состояние» и «субъект».

В некоторых случаях при пассивной деривации конкретная лексическая информация о «субъекте» состояния не может быть восстановлена при обратном переводе от пассива к активу, однако смысловая целостность такой пассивной конструкции не нарушается. Ср.: узб. *унинг шах₁дам к₁адам товушлари* (II) *х₁ам эшитилмасди* (Ск) «даже его четкие шаги (II) не были слышны (Ск)»; казах. *сабак₁ кесте бойынша өткізіліп жатыр* «занятия ведутся по расписанию»; тур. *on dokuz yaşlarında askere alındım* «в возрасте примерно девятнадцати лет я был взят в солдаты». Эта особенность тюркской пассивной конструкции, зарегистрированная еще в Словаре Махмуда Кашгарского, единодушно отмечается современными исследователями тюркских языков.

Формальными операторами пассивной деривации в тюркских языках являются показатели *-л||-ил* и *-н||-ин, -ныл*¹⁹.

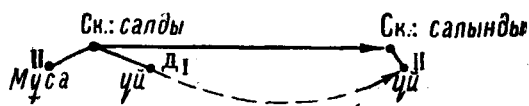
В производном пассивном предложении факультативно может употребляться дополнение субъекта состояния, хотя оно не является структурно обязательным. Например, узб. *бу сурат* (II) *машхур расом* (D₂) *ишлан-ди* (Ск) «эта картина (II) нарисована (Ск) известным художником (D₂)»; казах. *талай жігіт* (II) *жен₁і-л-ген* (Ск) *Еркежаннан* (D₂) (И. Байзаков) «многие джигиты (II) были (Ск) побеждены (Ск) Еркежаном (D₂)».

Синтаксическая структура таких предложений является целостной и при отсутствии дополнения субъекта, более того, она иногда не допускает введения дополнения субъекта. Поскольку смысловые структуры пассивного предложения без этого дополнения и с ним одинаковы, предложение с дополнением мы рассматриваем как факультативную трансформу пассивного предложения без дополнения субъекта. Разница обнаруживается лишь на уровне репрезентации смысловых элементов в членах предложения: в пассивной трансформе смысл «субъект» репрезентируется не только грамматически в сказуемом, но и конкретно лексически с помощью дополнения субъекта. В связи с этим представляется, что вопрос о дополнении субъекта не имеет прямого отношения к процессу нисходящей пассивной деривации. В тюркских языках дополнение субъекта вводится, как правило, при помощи служебных слов *тараф* «сторона», *томон* «сторона» или послелого *билан* ~ *менен* ~ *илэ*. Такие

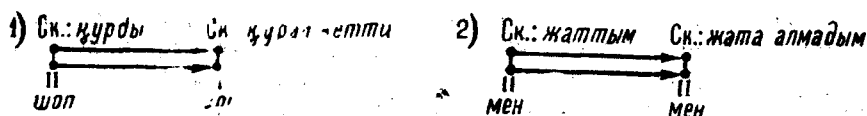
¹⁹ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования ..., стр. 497—512.

конструкции исторически развились в тюркских языках поздно и являются принадлежностью в основном литературного языка²⁰.

Синтаксическая схема пассивной деривации такова:

При каузативной и пассивной деривации происходило не только изменение внутреннего смыслового статуса, но и изменение синтаксической структуры на уровне членов предложения. Однако существует также и такой тип деривации, при котором не затрагивается уровень членов предложения. Образцом этого типа является фазовая и модальная деривация. Сравним предложения: казах. *шоп к₁урды* «трава засохла» — *шоп к₁урап кетті* «трава совершенно засохла». Во втором предложении-деривате добавлен смысловой элемент, который выражает элементарный смысл «фазовость» (исчерпанность действия, доведение до конца), хотя синтаксическая структура уровня членов предложения осталась та же. В паре предложений казах. *мен жаттым* «я лег» — *мен жата алмадым* «я не мог лечь» видно, что во втором введен смысловой элемент, передающий элементарный смысл «модальность» (возможность) при сохранении тех же членов предложения. Сравним схемы:

В ходе подобной деривации происходит усложнение формальной организации сказуемого-глагола. В тюркских языках операторами фазовой и модальной деривации выступают, как правило, различные вспомогательные глаголы²¹.

К указанному типу деривации относится также одноактная пассивно-каузативная деривация. Примером могут служить цепочки: узб. (I) *бола* (П) *кетади* (Ск) «ребенок (П) уйдет (Ск)» $\Rightarrow$ (II) *бола* (П) *кетиши* (Ск) ' *мумкин* (Ск) «ребенок (П) может (Ск) уйти (Ск)»; (III) *бола* (П) *китобни* (Д₁) *ук₁ияпти* (Ск) «ребенок (П) читает (Ск) книгу (Д₁)»; $\Rightarrow$ (IV) *бола* (П) *китобни* (Д₁) *ук₁иши* (Ск) *керак* (Ск) «ребенок (П) должен (Ск) читать (Ск) книгу (Д₁)».

Как упоминалось выше, пассивно-каузативные дериваты могут быть построены в результате двухтактного деривационного процесса: на первом такте из исходного предложения строится каузативный дериват (в нем на дополнение больше, чем в исходном предложении), на втором

²⁰ См., например: М. М. Муждабаев. О страдательном залоге и страдательных конструкциях в узбекском языке. — «Научные труды ТашГУ», нов. серия, вып. 214, Ташкент, 1962, стр. 71—78; К. З. Зиннатуллина. О возвратном и страдательном залогах в татарском языке. — В сб.: «Вопросы татарского языкознания», кн. 2. Казань, 1965, стр. 188, 202.

²¹ См.: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965; М. С. Михайлов. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965; И. Е. Маманов. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата, 1949; А. Хожиев. Узбек тилида кумакчи феъллар. Тошкент, 1966; Л. Н. Харитонов. Формы глагольного вида в якутском языке. М.—Л., 1960.

такте строится пассивный дериват от этого исходного каузативного предложения (в нем на дополнение меньше, чем в каузативном предложении, и таким образом количество дополнений становится равным их количеству в абсолютном исходном предложении). В процессе двухтактной пассивно-каузативной деривации изменяется формальная организация сказуемого. Например, узб. (IV) *бола* (П) *китобни* (Д₁) *ук₁ияпти* (Ск) «ребенок (П) читает (Ск) книгу (Д₁)» $\Rightarrow$ (VI) *ота* (П) *боласини китоби* (Д₁) *ук₁ишга* (Ск) *мажбур* (Ск) *к₁ияпти* (Ск) «отец (П) заставляет (~ вынуждает) (Ск) ребенка (Д₂) читать (Ск) книгу (Д₁)» $\Rightarrow$ (VII) *бола* (П) *китобни* (Д₁) *ук₁ишга* (Ск) *мажбур* (Ск) «ребенок (П) должен (~вынужден) (Ск) читать (Ск) книгу (Д₁)».

Данный деривационный процесс детерминирован смысловым деривационным процессом, суть которого состоит в том, что на первом такте деривации в набор смысловых элементов исходного предложения вводится элемент, обозначающий элементарный смысл «каузация» (он становится главенствующим элементом), а следовательно, и элементы, выражающие смыслы «агенса» каузации и «пациенса» каузации, обязательные спутники смысла «каузация». На втором такте место смыслового элемента, обозначающего «агенса» каузации, занимает элемент, передающий смысл «генерализованный (обобщенный) агент», который и становится ведущим в структуре.

На уровне членов предложения сказуемое-глагол в исходном предложении выражает один элементарный смысл «состояние» (V — *ук₁ияпти* «читает»), в деривате первого такта оно выражает два элементарных смысла: «состояние»+«каузация»=«каузированное состояние» (VI — *ук₁ишга мажбур к₁ияпти* «заставляет ~ вынуждает читать»), в деривате второго такта — уже три элементарных смысла: «состояние»+«каузация»+«генерализованный агент» (VII — *ук₁ишга мажбур* «должен ~ вынужден читать»). В исходном предложении подлежащее-имя выражает элементарный смысл «субъект» состояния (V — *бола* «ребенок»), на первом такте оно, став дополнением (Д₂), сохраняет эту функцию «субъекта» состояния и приобретает еще семантическую функцию «пациенса» каузации, (VI — *боласини* «ребенка»), а место подлежащего занимает введенное имя, передающее смысл «агенса» каузации (VI — *ота* «отец»); на третьем такте имя-подлежащее выражает уже элементарные смыслы «пациенса» каузации и «субъект» (VII — *бола* «ребенок»). Смысл «агенса», который становится «генерализованным агентом», на третьем такте не находит репрезентации на лексическом уровне, а только на грамматическом в операторе пассивного преобразования.

Такие же результаты могут быть получены в ходе однотоктной пассивно-каузативной деривации, суть которой заключается в непосредственном введении в исходное предложение элементов, выражающих элементарные смыслы «каузация» и «генерализованный агент», элемент же, передававший элементарный смысл «субъект», приобретает еще и функцию «пациенса» каузации.

Синтаксическая деривация в этом случае обладает той особенностью, что на уровне членов предложения синтаксическая структура деривата не отличается от синтаксической структуры исходного предложения. Различия наблюдаются в основном на уровне формальной организации членов предложения и в первую очередь сказуемого. Семантические функции слов, выступающих в роли членов предложения, усложняются. В предложениях-дериватах глагольные сказуемые выражают три элементарных смысла: «состояние»+«каузация»+«генерализиро-

ванный, обобщенный агенс» (II — *кетиши мумкин* «может уйти»; IV — *укйиши керак* «должен читать»), имя-подлежащее выражает два элементарных смысла: «субъект» состояния и «пациенс» каузации (II — *бола* «ребенок»; IV — *бола* «ребенок»).

Формальными операторами однотактной пассивно-каузативной деривации в тюркских языках выступают слова типа узб. *керак* «нужно», *мумкин* «можно, возможно», *лозим* «нужно, необходимо, следует», *зарур* «необходимо, нужно», *даркор* «нужно, надо», *шарт* «обязательно, необходимо»; казах. *керек* «надо, нужно, должно», *лазым* «должно, следует», *тиис* «необходимо, нужно», *к1ажет* «нужно, надо», *мумкин* «можно»; тур. *p1itk1in* «возможно», *imkap* «возможно, можно», *lazim* «следует», *gerek* «следует, нужно», *l1z1im* «надо» и др., а также различные формы глагола узб. *булмок1* «стать»; казах. *болу* «быть, становиться»; тур. *olmak* «становиться, быть» и формы некоторых других глаголов. Подобные формальные операторы пассивно-каузативной деривации могут значительно различаться по отдельным тюркским языкам, известные различия наблюдаются по языкам и в правилах морфологического оформления членов таких предложений: имени-подлежащего и глагольного сказуемого (особенно в формах связи знаменательного глагола и оператора деривации)²². Рассмотрение указанных особенностей не входило в задачу авторов, однако следует обратить внимание на специфику тюркских операторов пассивно-каузативной деривации — они практически лишены морфологии, их грамматический статус обычно формально соотносится с формой 3-го лица, морфологические возможности их весьма ограничены, употребляется положительная или отрицательная форма, чаще всего они функционируют в настоящем или обобщенно-настоящем времени и реже в прошедшем.

Рассмотренные выше пассивно-каузативные дериваты в тюркологической литературе относятся обычно к односоставным модальным предложениям или к безличным (модально-безличным) предложениям. Соответствующие предложения без имени пациенса каузации рассматриваются нами как эллипсисы пассивно-каузативных однотактных дериватов. Они употребляются в тех случаях, когда пациенс известен из конкретной ситуации или когда пациенс рассматривается как обобщенное лицо (ср.: узб. *бу ишни икки кунда бажариш мумкин* «эту работу можно выполнить за два дня»; тур. *odaniza girmek olur mi?* «можно войти в вашу комнату?»).

Несомненно, что в тюркских языках, как впрочем и в любых других языках, наряду с рассмотренными выше деривационными цепочками имеются и другие. Описание их всех не входило в задачу авторов, которые стремились лишь обратить внимание тюркологов на возможность описания синтаксиса тюркских языков с помощью метода деривации.

В частности, метод деривации позволяет дать описание деривационных систем предложений в отдельных тюркских языках и затем провести их сопоставление.

²² См., например: М. М. Мухдабаев. Безлично-модальные предложения в современном узбекском языке. — «Научные труды ТашГУ», нов. серия, вып. 229. Ташкент, 1964; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960; М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения. Алма-Ата, 1959; И. Д. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1966; Г. И. Донидзе. Безличные предложения в хакасском языке. Абакан, 1957; М. Р. Федотов. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары, 1963; Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1967 и др.

В. А. ИСЕНГАЛИЕВА

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Законы развития языка носят объективный характер, изменения в его грамматическом строе вызываются объективными потребностями общения и взаимопонимания. А эти потребности непрерывно растут вместе с развитием производства и экономики, науки и техники, политики и культуры, общественной жизни и быта. Язык постоянно приводит свои грамматические и лексические возможности в соответствие с потребностями взаимопонимания между людьми. В противном случае он утратил бы свою роль средства общения. Следовательно, эволюция языка теснейшим образом связана с исторической жизнью народа и развитием понятий.

Наиболее подвижной частью языка, как известно, является словарный состав. Связанный непосредственно с общественной деятельностью людей, он непрерывно изменяется. Постоянные изменения в лексике, ведущие к ее обогащению, происходят как за счет различных процессов словообразования на базе существующих в языке слов (например, калькирования и переосмысления слов родного языка), так и за счет заимствований слов из других языков.

В общей лексической системе языков слова с заимствованными основами представляют собой значительный пласт. Часть из них выступает в качестве межстилевой общеупотребительной лексики, часть имеет стилистически закрепленное употребление в книжной речи и поэтому характеризуется узкой сферой применения (термины, профессионализмы, варваризмы, специфические книжные слова и т. д.).

Слова с заимствованными основами в подавляющем большинстве появились в языке вместе с новыми понятиями и явлениями. Однако немало их вошло в тюркские языки в качестве новых обозначений того или иного понятия, явления, которые имели до этого исконно тюркские наименования.

Лексические заимствования—постоянный источник пополнения словарного состава языков. Заимствованные слова приспособляются к сложившейся языковой структуре. Однако степень интенсивности заимствований и усвоения их иной лексической системой зависит от ряда условий.

Чем же обусловлены лексические заимствования в тюркских языках?

Для заимствования необходим непосредственный языковой контакт, который является реально существующим фактором в условиях двуязычия и интенсивной переводческой практики.

Исторические условия жизни народов складываются так, что в одних языках определенные понятия развиваются раньше, а в других — позже. Следовательно, в случае отсутствия в языке точного адекватного возникает необходимость заимствования готового термина иноязычного происхождения, который отчетливо выражает границы и главные признаки понятия. В связи с этим В. Г. Белинский писал: «Какое бы ни было слово — свое или чужое — лишь бы выражало заключенную в нем мысль, — и если чужое лучше выражает ее, чем свое, — давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хлама»¹.

Следовательно, одна из причин заимствования — необходимость максимально точного и полного выражения новых понятий. Заимствование существующих слов чаще всего имеет большое преимущество перед созданием своих, ибо заимствованные слова уже срослись с обозначаемыми ими понятиями. «Вообще идея как-то просторнее в том слове, в котором она родилась, в котором она сказала в первый раз, — продолжает В. Г. Белинский, — она как-то сливается и срастается с ним, и поэтому выразившее ее слово делается **слитным, сросшимся (конкретным, говоря философским термином)** и становится непереводаемым. Переведите слово *катехизис* — *оглашением*, *монополию* — *единогосподием*, *фигуру* — *извитием*, *период* — *кругом*, *акцию* — *действием* — и выйдет нелепость»².

Если сравнить словарный состав многих тюркских языков народов СССР в дореволюционный период с лексическим богатством русского языка того же времени, то можно найти в первых обилие и разнообразие слов с конкретной семантикой, обозначающих предметы и явления природы, хозяйства, народного быта, животного мира, слов, обозначающих родоплеменные подразделения, родственные и семейно-брачные отношения, богатство выразительных синонимов, художественно-образительную гибкость слов. Но в этих языках в то время не доставало общественно-политических терминов, специальной научной терминологии для обозначения отвлеченных понятий. Другой причиной заимствований являлось отсутствие слов, выражающих оттенки уже существующих общих понятий, то есть необходимость семантической дифференциации, выявления различных сторон этих понятий. Переводы же на тюркские языки новых иностранных слов, выражающих эти оттенки, совпадали обычно лишь в их общем значении, и, как правило, не были адекватными.

Многие коренные слова того или иного языка благодаря их широкой распространенности, а также сочетаемости с рядом других слов, отличаются многозначностью. Их исходные значения часто общие, поэтому они неодинаково реализуются в различных контекстах. Помимо исходных значений они приобретают значения, фразеологически связанные и обусловленные контекстом.

Заимствованные же слова, наоборот, семантически одноплановы, однозначны. В заимствующем их языке они выступают прямыми знаками известных предметов и понятий, теряя присущий им в языке-источнике широкий круг разнообразных значений, лишаются «внутренней формы», сохраняют лишь одно специфическое значение, то есть легко терминологизируются.

Терминологическая определенность заимствованных слов и обуславливает их вхождение в лексическую систему других языков.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 193.

² Там же, стр. 194.

Итак, лексические заимствования обусловлены в основном следующими обстоятельствами³.

Во-первых, необходимостью пополнить недостающими словами лексическую систему языка (главным образом за счет научно-философской и общественно-политической лексики).

Во-вторых, новые заимствованные слова семантически определеннее, «терминологичнее» собственных и совпадают с последними лишь отчасти. Собственные слова семантически шире, поэтому не передают новых оттенков понятия.

В-третьих, понятия, которые обозначаются новыми заимствованными словами, стали интернациональными и в ряде европейских языков (французском, английском, немецком и др.) уже срослись с определенными словами-терминами.

При исследовании заимствованной лексики, естественно, возникает вопрос о языке-источнике заимствованных слов. Как известно, заимствования могут быть непосредственные и опосредствованные. В последнем случае слово заимствуется из одного языка в другой через посредство третьего, в результате чего происходит изменение его семантики и на его форму накладывается отпечаток иной языковой среды. При опосредствованном заимствовании слово может прийти или через разговорную речь соседей, которые усвоили его из первичного (изначального) источника, или через книги. Таким образом, при выяснении источника заимствования возникает целый ряд трудностей. При этом следует различать первичный, или непосредственный, источник заимствованного слова.

Со всеми этими вопросами тесно связана проблема интернациональной лексики⁴.

Заимствованные слова, в частности интернациональный лексический фонд, играют большую роль в развитии любого языка. Они составляют большую часть словаря современных языков и своим образованием в значительной мере обязаны науке и технике, которым чужды национальные границы.

Проблема интернациональной лексики еще не получила достаточного теоретического освещения. К интернациональной лексике принадлежат распространенные во многих языках заимствованные фоморфологические варианты слов, построенные на словообразовательных элементах какого-либо одного конечного языка-источника (например, латинского, древнегреческого, старославянского, арабского, персидского, китайского и т. п.). Вместе с интернациональными словосочетаниями и фразеологическими единицами они составляют общее понятие — **интернационализмы**.

В европейских языках при образовании научной и общественно-политической терминологии в разное время и в различной степени ши-

³ Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, стр. 59.

⁴ См.: А. А. Белецкий. Об интернационализмах. — В кн.: «Наук. зап. Київськ. держ. університету», т. XIV, вып. II. Филологічн. збірн., 1955, № 8; В. В. Акуленко. Об интернациональных словах в современном русском языке (к постановке вопроса). — В кн.: «Труди філологічного фак. Харківськ. держ. університету ім. О. М. Горького», т. VI, 1958; Ю. А. Бельчиков. Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959; М. М. Маковский. К проблеме так называемой «интернациональной лексики». — «Вопросы языкознания», 1960, № 1; О. Б. Шахрай. К проблеме классификации заимствованной лексики. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2; В. В. Акуленко. Существует ли интернациональная лексика? — «Вопросы языкознания», 1961, № 3; И. Ф. Протченко. Из наблюдений над интернациональной лексикой. — «Русский язык в школе», 1962, № 3; Ю. С. Сорокин. Указ. раб., стр. 157—159.

роко использовались элементы латинского и древнегреческого языков. То или иное слово, образованное из этих элементов, может считаться заимствованным только генетически, по структурным элементам, если оно сложилось на почве конкретного языка; или же—заимствованным в виде отдельного готового слова. Так, например, слово *socialisme*, берущее начало от латинского *socialis*, сложилось на основе первоначально заимствованных элементов латинского (*social-*) и греческого (*-ism*) языков. Между тем, оно считается собственным словом английского и французского языков и заимствованным из французского в русский язык⁵. А в языки народов Советского Союза оно вошло через посредство русского языка.

В языках народов СССР слово *социализм* не может быть названо латинизмом. Латинизмом его можно назвать лишь в том случае, когда речь идет о самой первичной, изначальной этимологии. Его вполне оправдано называть русизмом, поскольку оно проникло из русского языка. Ввиду очевидности проникновения подобных слов в русский язык из европейских иногда их называют и европеизмами. Но если иметь в виду, что фonomорфологические варианты слова *социализм* существуют во всех языках нашей страны и в зарубежных языках, то оно, конечно, является интернационализмом.

Таким образом, понятие «интернационализм» мы склонны употреблять в самом широком смысле. С этой точки зрения можно вести речь об интернационализмах-европеизмах (включающих в себя латинизмы, грецизмы, старославянизмы и пр.), интернационализмах-арабизмах, интернационализмах-фарсизмах, интернационализмах-китаизмах и т. д.

В послеоктябрьский период, когда окончательно определилась самобытность многих тюркских языков народов Советского Союза, опирающихся на источники живой народной речи, возникла задача быстрого восполнения недостающих элементов лексико-семантической системы этих языков, развития различных стилей и выразительных средств.

Одним из признаков недостаточного развития лексической системы большинства тюркских языков в послеоктябрьский период явилась потребность в общественно-политических и производственных терминах, а также в словах, обозначающих различные новые понятия.

Недостаток в таких терминах и словах можно было восполнить, например, при помощи калькирования. Однако этот путь не мог быть основным, ибо он сложен, труден, длителен, а поэтому и менее целесообразен.

Тюркские языки в этом отношении целесообразнее и проще оказалось развивать главным образом за счет заимствования установившейся терминологии из русского языка, носящей интернациональный характер (восходящей в основном через европейские языки к классическим языкам — латинскому и древнегреческому). Что касается турецкого языка, то он заимствовал слова непосредственно из западноевропейских языков, преимущественно — из латинского, итальянского и французского. Это обстоятельство вызвало внешнее совпадение многих интернационализмов в тюркских языках народов СССР и в зарубежном—турецком.

Правильность восполнения недостающей лексики за счет общего лексического фонда языков народов СССР и за счет интернационализ-

⁵ Ю. С. Сорокин. Указ. раб., стр. 159.

мов в особенности подтверждается историей русского литературного языка. Благодаря прогрессивной деятельности В. Г. Белинского и передовой русской интеллигенции предпочтение отдавалось усвоению в русском языке именно европейских терминов, прочно сросшихся с определенными понятиями.

История эволюции наиболее развитых языков современности показывает, что самым верным и целесообразным путем обогащения определенного слоя лексики, в частности терминологического, является усвоение интернационализмов.

* Но вместе с изучением языкового влияния в области лексики — в данном случае влияния русского языка на тюркские языки народов СССР — необходимы исследования в области морфологической структуры.

Восходящее к сравнительно-историческому языкознанию широко известное положение об исключительной устойчивости морфологической системы языка нередко противостоит изучению специфических закономерностей развития этой системы, функционального и внутривидового развития языка и иноязычного влияния на различные морфологические элементы. Это, по-видимому, объясняется прежде всего весьма незначительным количеством конкретных лингвистических изысканий. Традиционные представления умирают медленно. И новое в лингвистике, которая в известном смысле сродни математике, нельзя установить путем декларации. При непосредственном изучении этой проблемы оказывается, что непроницаемых звеньев нет и в морфологической системе языка⁶.

Процесс проникновения элементов, в частности лексических основ, в язык, их ассимиляция и акклиматизация далеко неодинаковы для различных частей речи. Наиболее прост путь проникновения имен существительных: они могут заимствоваться как (преимущественно) без словообразовательной, так и со словообразовательной обработкой. Сложнее образование на базе заимствованных основ имен прилагательных (и наречий). Здесь заимствованные основы в большинстве случаев подвергаются словообразовательной обработке (сюда же мы относим и отбрасывание тех или иных элементов). Что касается самой сложной части речи — глагола, — то иноязычные элементы в нем обязательно подвергаются соответствующей обработке⁷.

Слова, заимствованные тюркскими языками из других языков, как уже было сказано, носят преимущественно терминологический характер. Принципы создания терминов в каждом конкретном языке известны. Но какова общая картина и общие закономерности процесса проникновения интернациональных основ в тюркские языки и морфологического оформления этих основ внутри различных частей речи? В чем заключается специфичность тюркских языков? Чем отличаются они друг от друга с точки зрения упомянутой проблемы?

В этом плане весьма интересны основные результаты изучения интернациональных элементов в тюркских языках в новейшую эпоху, когда заимствованные элементы подвергаются меньшей фонетической деформации, чем в предыдущие периоды (фонетического освоения заимствований мы не касаемся: нас интересует их морфологическое

⁶ См.: Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966, стр. 238, 240—241.

⁷ Подробно см.: В. А. Исенгалиева. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. Алма-Ата, 1966.

освоение, вытекающее из особенностей языков, принадлежащих к различным системам—флективного русского и агглютинативных тюркских).

Объектом нашего исследования являются части речи с основами, заимствованными большинством анализируемых языков из русского языка или посредством русского языка. Мы поставили перед собой задачу изучения природы частей речи с заимствованными основами (в широком смысле) в тех или иных тюркских языках, то есть изучения словесного воплощения именных и глагольных понятий, общих для тюркской межнациональной среды. Природа частей речи с заимствованными основами, входящими, таким образом, в общий лексический фонд, в равной степени изучена нами на основе следующих типичных современных тюркских языков: казахского, татарского, башкирского, кумыкского, киргизского, узбекского, уйгурского, туркменского, азербайджанского, турецкого, чувашского, тувинского и хакасского.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

При оформлении тюркских имен существительных в заимствованных основах происходит ряд изменений. Переоформление основ связано с судьбой показателей грамматического рода, числа, аффиксов (префиксов и суффиксов) и своеобразием сложных и сложносокращенных слов языка-источника, в данном случае—русского.

Род. Ввиду отсутствия в тюркских языках грамматической категории рода в некоторых языках на тюркской языковой почве встречаются случаи сохранения пережиточного явления — отбрасывания безударных окончаний слов женского рода на *-а* и *-я*. Например, в азербайджанском отбрасывается не только *-а*, *-я*, но и *-ка*: *пломб* (plomb) «пломба», *програм* (program) «программа», *этажер* (etazer) «этажерка» и т. п.

В чувашском отбрасывание конечного *-я* в словах женского рода и конечного *-е* в словах среднего рода—норма, например: *фамили* (famili), *философи* (filosofi), *экспанси* (ekspansi), *энциклопеди* (enciklopedi), *этнографи* (etnografi) и мн. др.

В чувашском языке в интернационализмах-западноевропейизмах наблюдается внешнее совпадение (однако с разницей в ударении) с соответствующими существительными в турецком языке: *filoloji*, *filozofi* (сравн. фр. *philologie*, *philosophie*) и т. п.

В подавляющем большинстве тюркских языков конечные безударные гласные отбрасывались в старых заимствованиях. В современных тюркских литературных языках происходит процесс унификации старых и новых заимствований.

Число. Имена существительные языка-источника, имеющие только форму единственного или только форму множественного числа, теряют ее. Попадая в сферу влияния грамматических законов любого тюркского языка, они могут приобретать формы обоих чисел.

Аффиксы. Большинство заимствованных имен существительных не нуждается в словообразовательной обработке, но в каждом из тюркских языков имеются заимствованные существительные, сохраняющие аффиксы языка-источника, и существительные, аффиксы которых заменяются соответствующими тюркскими эквивалентами. Причем из большого количества аффиксов словообразования в оформлении заимствованных основ участвуют только самые продуктивные. Естественно, что во всех языках в некоторых разрядах существитель-

ных временно бытуют дублетные, параллельные формы, до полного вытеснения одной формы другой.

Для всех тюркских языков закономерное одинаковое освоение аффиксов как русских, так и интернациональных западноевропейского происхождения. Последние в большинстве случаев проникают в тюркские языки вместе с существительными в неразложимом виде. (Забегая вперед, отметим, что так же обстоит дело с прилагательными и префиксами глаголов с заимствованными основами). Таковы, например, префиксы *авто-* (*автограф*), *анти-* (*антибиотик*), *дис-* (*дислокация*), *изо-* (*изобара*), *ин-* (*инверсия*), *ре-* (*ревизионизм*), *экс-* (*экскурсия*) и др.; суффиксы *-ист* (*журналист*), *-тор* || *-атор* || *-итор* (*директор*), *-ант* || *-янт* и *-ент* (*ассистент*), *-ик* (*академик*), *-ёр* (*дирижёр*), *-ионер* (*акционер*), *-ит* (*бронхит*), *-изм* (*идеализм*), *-ура* (*аспирантура*), *-ация* || *-яция* (*калькуляция*), *-фикаци-я* || *-ификаци-я* (*электрификация*), *-аж* (*инструктаж*) и др.

Сложные и сложносокращенные слова. Они заимствуются тюркскими языками во всех их многочисленных вариантах, иногда без изменений, иногда с заменой какой-либо части собственными адекватными. Общая тенденция большинства тюркских языков — приближение облика заимствованного слова к языку-источнику. Это особенно ярко проявляется при усвоении сложносокращенных слов.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Имена прилагательные в тюркских языках, в отличие от русского, слабо дифференцированы по значению от существительных и наречий. Одно и то же слово, в зависимости от функции в предложении, может выступать и как существительное, и как прилагательное или наречие. Отсюда вытекает сложность оформления новых прилагательных, то есть прилагательных с заимствованными основами.

Прежде всего следует отметить, что на базе заимствований образуются только относительные прилагательные. В тюркских языках имена прилагательные по структуре делятся на корневые и производные прилагательные синтетического и аналитического способа образования.

Корневые прилагательные не заимствуются. Прилагательные синтетического образования с заимствованными основами бывают шести типов:

1. Прилагательные, сохраняющие русские окончания в форме мужского рода (иногда — в деформированном виде), например: алт. *европейский*, *интернациональный*; хак. *центробежной*, *цирковой*; чув. *демисезонной*, *юридически*. В чувашском этот вид прилагательных встречается значительно реже.

В ряде тюркских языков данный тип прилагательных — пережиточное явление, например: каз. *антагонистический*, *кадетски*, *коммунистический*; тат. *дубрый*, *синтральный*; узб. *революционни*, *техническа*, *контрольной*, *биржавой* и др. В современную эпоху прилагательные подобного вида во многих тюркских языках вышли из употребления.

2. Прилагательные с усеченной основой, образованные путем отбрасывания русских суффиксов или родовых окончаний прилагательных (*-ный* || *-ная* || *-ное*, *-ский* || *-ская* || *-ское*, *-ический* || *-ическая* || *-ическое*), например: каз. *акциз*, *маскарад*, *поляр*; тат. *абсолют*, *конкрет*; башк. *итальян*, *монотип*; узб. *абсолют*, *горизонт*, *монолит*; туркм. *абиссин*, *абстракт*; азерб. *програм*, *редактор*; чув. *граждан*; тув. *литов*.

3. Прилагательные с интернациональными основами, представляющие собой усеченные формы, оканчивающиеся на *-ик*, *-ив*, *-ал* || *-л*, *-ион* ||

-цион||-ацион, например: каз. *максимал, региональ*; тат. *контрреволюцион, конфиденциаль, новеллистик*; башк. *монографик*; узб. *агрессив, демократик, комисион, материалистик, механик, оператив, принципиал*; уйг. *максимал, органик*; туркм. *авантюристик, актуал, топографик, коалицион*; азерб. *прогрессив, субстанционал, физиотерапевтик*; турецк. *komisiyon, metodik, narkotik, paradoksal*; тув. *коммунал*.

4. Прилагательные, представляющие именную основу, входящую в изафетную связь второго типа, например: узб. *технология институти* «технологический институт». Подобные прилагательные свойственны всем тюркским языкам без исключения.

5. Прилагательные с заимствованной основой в форме имени, оформленной тюркскими аффиксами, преимущественно *-лы, -лык (-чылык)*, реже—определятельным аффиксом *-ғы*, наречным аффиксом *-ча*, аффиксом абстрактной принадлежности *-нык, ы*, аффиксом множественности *-лар*. Например, каз. *актуальды, детективтік*; тат. *конфликтлы, космополитлык, кызылармеецлар*; башк. *монополиялы*; кирг. *коалициялык, циандуу*; узб. *мальтузианчилик, малярлик, манёврли, яслиники*; уйг. *госпиталлик, материаллар*; туркм. *актерлык, витаминли, панлар*; турецк. *komisyonculuk*; чув. *консервативла*; тув. *апрельдеги, бригадчы*; хак. *цементтиг*.

6. Помимо отмеченных типов в турецком языке бытуют прилагательные новообразования на *-ji* типа *pedagoji* «педагогический», восходящие к французским (ср. фр. *pedagogique*). Небольшое количество их существует и в азербайджанском, например: *филологи* (ср. фр. *philologique*).

В прилагательных, образованных словосложением, заимствованиями могут быть оба компонента, например: башк. *мораль-политик*; кирг. *цианводороддуу*; азерб. *физики-техники*; или один из компонентов, например: тат. *кызылармеец* «красноармейский», *кызылгвардия* «красногвардейский»; башк. *электр үлсәү* «электроизмерительный»; кирг. *көп фазалуу* «многофазный», *көп лампалуу* «многоламповый», *көп полюстуу* «многополюсный», *көп тираждуу* «многотиражный»; *көп ярустуу* «многоярусный»; узб. *техника-иктисодий* «технико-экономический»; тув. *чус миллион* «стоимиллионный»; хак. *кічк калибрліг* «маллокалиберный».

Разновидностей аналитических прилагательных с заимствованными основами в тюркских языках значительно меньше, чем число исходных аналитических прилагательных. К ним относятся словосочетания со всеми падежами (кроме родительного), чаще всего—дательного-направительным, исходным, а также творительно-соединительным, например: тат. *кызыл байрак ордены белән бүләкләнгән* «краснознаменный»; башк. *электр менән дауалау* «электролечебный»; узб. *шагренъдан қилинган* «шагреновый», *умумий теорияга оид* «общетеоретический»; уйг. *партиядан тишқ, иридики* «внепартийный», *пландин ташқ, ири, планда көрсүтүлмигән* «внеплановый»; тув. *империализмге удур* «антиимпериалистический», *фашизмге удур* «антифашистский»; хак. *цетрден чүгүрчен* «центробежный».

Указанные типы прилагательных в различных тюркских языках имеют неодинаковое распространение. Так, прилагательные с усеченной основой, особенно формы с интернациональными элементами *-ик, -ив, -ал||-л, -ион||-цион||-ацион*, которым мы отдаем предпочтение, далеко не во всех тюркских языках продуктивны (больше всего их в уз-

бекском, туркменском и азербайджанском), хотя там, где они привились, обнаруживается тенденция их распространения.

Существование в тюркских языках неоправданных дублетных форм требует их нормализации и унификации.

Так выглядят новообразования именных частей речи — существительных и прилагательных. Значительно сложнее происходит оформление новых глаголов, занимающих по количеству новообразований третье место и имеющих в ряде языков значительные отличия.

ГЛАГОЛЫ

В тюркских глаголах с заимствованными основами, относящихся к общему лексическому фонду, 90% составляют интернациональные основы западноевропейского происхождения.

Как известно, тюркские глаголы делятся на корневые и производные синтетического и аналитического образования. Корневые глаголы, согласно фактическим данным тюркских языков, не заимствуются. Что касается новых глаголов синтетического типа, то, несмотря на большое количество глаголообразующих аффиксов (в казахском языке, например, их более 80-ти без фонетических вариантов), они создаются при помощи продуктивнейшего аффикса *-ла-* и его разновидностей: *-лан-*, *-лаш-*, *-ландыр-* и *-лашдыр-*.

В понятие «аналитический глагол» мы вкладываем широкий смысл (речь идет, конечно, о номинOVERBальных глаголах, то есть конструкциях типа «имя+глагол», а не сложнOVERBальных — «деепричастие+вспомогательный глагол», или перифрастических видо-временных глаголах со вторым компонентом *бол-* или же сочетаниях глагольных основ со связками *иде*, *икэн*, *имеш* и др.).

При синтетическом способе глаголообразования аффиксы оформляют главным образом именные основы (заимствованные существительные и прилагательные с иноязычным стержнем). Кроме того, новым в некоторых тюркских языках является оформление посредством этих аффиксов иноязычных глагольных основ — осложненных (туркм. *матрицирлемек* «матрицировать»), реже — чистых (чувашск. *дифференциле*, каз. *интенсивтедирү*, тат. *секулярлаштыру*, кирг. *денатурдаштыруу*, туркм. *буксаланмак*) и даже (в чувашском языке) инфинитива русского глагола (*мешетле* «мешать», *калитле* «калить»). Существует определенная закономерность присоединения каждого аффикса к заимствованным основам.

Исключительно разнообразен аналитический способ создания новых глаголов. Первый компонент аналитического глагола — чаще всего имя существительное (производное или непроизводное), стоящее во всех приглагольных падежах, реже — прилагательное, второй компонент — глаголы «делать», «быть» (в составных глаголах), а также другие окказиональные глаголы, чаще всего — «дать», «взять».

В некоторых языках в глаголообразовании участвуют отдельные послелогии: *билен*, *аркылы*, *буенча*, *аша*, *кими*.

Новым явлением в тюркских языках следует считать аналитический глагол типа «инфинитив иноязычного глагола+глагол «делать», присущий половине рассматриваемых языков, фактически же их больше, если принять во внимание распространение его в устной речи. Это естественно: в обиходной речи словообразовательные возможности реализуются свободнее.

Совершенно новый способ образования глаголов — использование в качестве второго компонента описываемой модели глагола «быть»

в хакасском языке (*эвакуировать поларга*). Этот факт мы рассматриваем как функциональное употребление глагола *поларга* вместо глагола *идерге* в данном типе составного глагола.

Аналитический глагол типа «иноязычный инфинитив + собственный глагол «делать» (напр., тат. *фиксировать иту*) заслуживает особого внимания языковедов. Он характерен почти для всех младописьменных языков народов Советского Союза. Интересен он также в том смысле, что подобные аналитические глаголы в некоторых младописьменных языках подверглись стяжению и превратились в простые, например: лезг. *демобиловатун* «демобиловать», *консолидироватун* «консолидировать». То же самое — в некоторых тюркских языках, например в караимском: женцэткейт «жениться» (женц эт образован из *жениться + эт*).

Здесь мы видим зарождение качественно новой структуры простого глагола, путь которого лежит через аналитический глагол, причем также качественно нового образования.

В общей сложности нами выделено и изучено более 20 способов синтетического и аналитического образования новых глаголов в различных тюркских языках. Анализ характера образования новых тюркских глаголов позволяет отметить также ряд общих закономерностей в глаголообразовании, главные из которых заключаются в следующем.

В качестве основы при синтетическом и аналитическом способе глаголообразования используются преимущественно существительные непроезводные и производные, тесно связанные с морфологической и семантической природой заимствуемых существительных.

При синтетическом глаголообразовании собственно русские префиксы заменяются тюркскими элементами (башк. *магнитһезләү* «размагнитить»), иностранные префиксы или заменяются тюркскими элементами (каз. *газсыздандыру* «дегазировать»), или сохраняются (кирг. *дегазациялоо* «дегазировать»).

При аналитическом глаголообразовании иностранные префиксы или заменяются смысловыми адэкватами (каз. *формасын өзгөртү* «деформировать», тат. *кире эвакуациялау* «реэвакуировать», узб. *к1арши атака к1илмок1* «контратаковать», тув. *эде организаастаар* «реорганизовать»), или сохраняются (уйг. *дегазация к1илмак1* «дегазировать»).

Аналитический способ глаголообразования доминирует в тюркских языках в тех случаях, когда глагол имеет отвлеченное значение.

Именной компонент аналитических глагольных сочетаний может заменяться своим синонимом (тат. *карточкага төшерү* «фотографировать»), входить в атрибутивные сочетания или в качестве определения (чув. *апелляци жалобине пар* «апеллировать»), или в качестве определяемого (кум. *сынав стажын кютмек* «стажировать»).

Именной компонент глагольных сочетаний может принимать аффиксы *-лык*, *-чылык* в случае необходимости образования производного существительного со значением отвлеченности действия (тат. *жонглёрлык иту* «жонглировать»; узб. *партизанчилик к1илмок1* «партизанировать»).

Таким образом, заимствованные основы при образовании новых глаголов полностью ассимилируются.

Важно отметить и такой факт: в тюркских языках при образовании новых аналитических глаголов и при передаче новых глагольных понятий собственными языковыми средствами расширяется сфера применения глаголов «делать», «дать», «взять» и «быть».

Наконец, общей закономерностью для подавляющего большинства тюркских языков является активизация процесса образования но-

вых глаголов на базе интернациональных основ, главным образом западноевропейского происхождения. Об этом свидетельствует также анализ морфологической структуры глаголов в русском языке, соответствующих новым тюркским глаголам. Так, например, глаголов с суффиксом *-ирова-* насчитывается 53,3%, *-ова-* — 19,3%, *-изирова-* — 11,5%, *-изова-* — 5,9%, *-и-* — 4,7%, *-фицирова-* — 4,3%, *-а-* — 0,6%; *-нича-* — 0,4%.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что в системе многочисленных аффиксов не все аффиксы тюркских языков органически соединяются с интернациональными основами в единое целое. В этой связи возникает ряд следующих вопросов.

1. Почему в оформлении заимствованных основ участвуют далеко не все словообразовательные аффиксы, а лишь самые продуктивные из них?

2. Почему интернациональные аффиксы западноевропейского происхождения (префиксы, суффиксы существительных и прилагательных, префиксы глаголов) проникают в тюркские языки вместе с заимствованными основами, и какую оценку заслуживают эти факты с точки зрения эволюции языков?

3. Как следует расценивать в этом плане появление других новых качественных изменений в тюркских языках? Результатом каких факторов следует считать все эти изменения?

4. Каковы тенденции развития тюркских языков в свете изучаемой проблемы?

Постараемся ответить на эти вопросы.

1. В истории словообразования в тюркских языках, как и в других, действуют общие тенденции развития, обуславливающие смену форм и расширение словообразовательных значений. Говоря об аффиксальном словообразовании в азербайджанском языке, Э. В. Севортян отмечает три тенденции: 1) обобщение и унификацию однородных значений различных форм; 2) обогащение семантического объема и состава центральных значений, которые стали наиболее важными для развивающейся лексики; 3) отмирание значений форм вследствие ограниченности условий воспроизводства⁸.

Если вести речь о синтетическом способе словообразования, то тюркские языки обладают большим количеством аффиксов именного и глагольного словообразования, характеризующихся различной степенью продуктивности. Но в силу действия указанных тенденций ряд аффиксов утратил свою продуктивность, другие же, наоборот, приобрели ее, превратившись в высокопроизводительные аффиксы. К последним как раз и относятся рассмотренные нами аффиксы именного словообразования *-лык*, *-чылык*, *-лы* и глагольного — *-ла*, *-лан*, *-ландыр*, *-лашдыр*.

Если указанные тенденции оказывают влияние на слова, давно уже бытующие в тюркских языках, то тем сильнее проявляется их воздействие при образовании слов на базе заимствованных основ, тем более, что семантика последних позволяет их слияние с названными аффиксами.

Этими факторами, на наш взгляд, и объясняется оформление заимствованных основ самыми продуктивными аффиксами. Они служат средством новейшего словообразования имен и глаголов, способствуя

⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, стр. 15.

активному пополнению языков общенародной и терминологической лексикой. В данном случае тюркские языки испытывают воздействие внешнелингвистических факторов (ускоряющих развитие языков) на основе и в строгом соответствии с внутренними законами этих языков.

2. Интернациональные аффиксы западноевропейского происхождения в некоторых случаях передаются собственными средствами тюркских языков, а в подавляющем большинстве случаев заимствуются в неразложимом виде вместе с основами (корнями), как это имело место с арабо-персидскими заимствованиями (напр., в словах с префиксами *ба-||бе-, но-:* в каз. *бейхабар* «без вести», узб. *ноинсоф* «бессовестный», *бетухтов* «безостановочный» и во многих других языках).

Обычно эти префиксы заимствовались вместе со словом из-за невозможности (или трудности) замены их собственными адекватными.

Аналогичное явление происходит и в процессах заимствования интернациональных основ западноевропейского происхождения в современную эпоху, ибо «легче», «удобнее» заимствовать готовую основу вместе с интернациональными элементами (префиксами, суффиксами), чем находить собственные эквиваленты. Особое значение при этом имеет такой мощный положительный фактор, как двуязычие. Подавляющее большинство носителей тюркских языков народов СССР в современную эпоху хорошо владеет русским языком, через который интернациональная лексика проникает в тюркские языки. Этому большинству обычно известна семантика новых слов (и их формантов), входящих в тюркские языки. Этот фактор, естественно, облегчает проникновение упомянутых формантов вместе с основами слов в неразложимом виде⁹.

В данном случае, на наш взгляд, действуют два принципа: во-первых, принцип **рационализации** (сознательной или неосознанной), то есть избрания наиболее целесообразного пути словопроизводства; во-вторых, принцип **экономии средств выражения**. Оба принципа вызваны опять-таки действием внешнелингвистических факторов, но уже нарушающих внутренние законы развития языка (ибо префиксация как таковая и наличие некоторых суффиксов западноевропейского происхождения — глагольные суффиксы *-ир-, -из-, -изир-, -фицир-* — чужды тюркским языкам) и приводящих к положительному качественному изменению в них.

3. Оставляя в стороне количественные изменения, мы хотим акцентировать внимание на тех качественных изменениях, которые способствуют совершенствованию языков. Эти изменения мы квалифицируем как положительные. Суть их в следующем:

1) Образование новых прилагательных от интернациональных основ путем отбрасывания русских суффиксов или родовых окончаний прилагательных *-ный||-ная||-ное, -ский||-ская||-ское, -ический||-ическая||-ическое*, например: каз. *поляр*; тат. *абсолют*; туркм. *абиссин, абстракт*; азерб. *програм* и т. п.

2) Образование новых прилагательных с интернациональными основами, представляющих собой усеченные формы, оканчивающиеся на *-ик, -ив, -ал||-л, -ион||-фион||-ацион*, например: башк. *монополистик*; узб. *агрессив*; туркм. *актуал, коалицион*; турецк. *paradoksal* и т. п.

3) Образование новых глаголов с интернациональными основами на базе иноязычных глагольных основ (чистых и в особенности ослож-

⁹ Парадоксальным (но только внешне) может показаться такой же результат в более раннюю эпоху развития большинства тюркских языков народов СССР, то есть в начальный период влияния русского языка. Однако он тогда был вызван качественно противоположным фактором — малоизвестностью подобных слов.

ненных) с интернациональными суффиксами *-ир-, -из-, -изир-, -фицир-*, например: туркм. *авансирлемек, компостирлемек* и т. п.

Несколько иную оценку заслуживает употребление в хакасском языке во вспомогательной функции глагола *поларга* вместо *идерге* «делать». Такое употребление из-за явной нелогичности мы вынуждены оценить как нежелательное явление, требующее упорядочения вопросов словотворчества.

4. Анализ природы новых существительных, прилагательных и глаголов в тюркских языках дает возможность установить основные тенденции их развития.

Данные исследований свидетельствуют о сближении тюркских языков, которое происходит на основе появления лексической общности основ имен и глаголов и оформления этих основ, в большинстве случаев, определенными, общими для рассматриваемых языков грамматическими средствами. (Такое сближение, разумеется, не дает оснований утверждать, что имеются предпосылки к слиянию этих языков в единый язык с общей фонетикой, морфологией и синтаксисом).

Возникновение лексической общности новых имен и глаголов тюркских языков (как и остальных языков народов Советского Союза, принадлежащих к другим семьям) объясняется влиянием русского языка. Содержание (качество) этих новых лексических основ следует признать тем более ценным, что они являются интернациональными и принадлежат наиболее развитым языкам современности.

Таким образом, благодаря русскому языку тюркские языки народов СССР в лексическом отношении сближаются в какой-то мере и с другими наиболее развитыми современными языками.

Преимущества лексического сближения различных языков заключаются в том, что, помимо совершенствования их словарного состава, облегчается эффективное изучение других языков и перевод с одного языка на другой, появляется возможность тесного общения носителей различных языков.

Прогрессивность влияния русского языка на тюркские можно ясно видеть при анализе заимствованных именных и глагольных основ, подавляющее большинство которых как в тюркских языках народов СССР, так и в турецком европейского происхождения. Подобные глаголы в турецком языке составляют 39,6%, тогда как в тюркских языках народов нашей страны их значительно больше: в чувашском — 91,1%; хакасском — 86,2%, туркменском — 84,7%, киргизском — 92,5%, татарском — 83,6%, башкирском — 81,6%, кумыкском — 79,4%, узбекском — 78,3%, казахском — 77,8%, тувинском — 71,1%, уйгурском — 60,9%, азербайджанском — 58,3%.

Сопоставление процесса освоения заимствованных основ в тюркских языках и в русском позволяет установить весьма интересный факт. Тюркские языки с точки зрения условий заимствования новых основ находятся в более выгодном положении, нежели русский язык в соответствующий период своей истории. В советскую эпоху тюркские языки имеют преимущественно один источник заимствования — русский язык, через который проникает большое количество интернациональных основ, причем это происходит на той стадии развития русского языка, когда в нем стабилизировался характер иноязычных заимствований и устранена морфологическая и иная вариантность слов.

Характерной особенностью тюркских языков в советскую эпоху является еще и то, что они заимствуют имя существительное, на базе

которого происходит образование и нового прилагательного и нового глагола. Иначе говоря, слова, содержащие общий корень и представляющие словообразовательную матрицу, создаются одновременно, образуя пучки, связанные отношением производности. При создании таких пучков слов тюркские языки СССР имеют в качестве образца готовый пучок слов русского языка—языка-источника. Это способствует облегчению и ускорению процессов заимствования.

В современную эпоху в русском языке имеется большое количество слов с общим корнем, представляющих словообразовательную матрицу: *коллектив—коллективный—коллективизм—коллективистский—коллективизировать* и т. д. Однако эти слова не всегда были связаны отношениями производности, так как часто образовывались в различные периоды активного обогащения русского языка западноевропейской лексикой.

Следует отметить, что целый ряд основ общего лексического фонда тюркских языков народов СССР не случайно совпадает с основами соответствующих слов в зарубежном турецком языке. Это свидетельствует о том, что все тюркские языки вместе с наиболее развитыми языками современности—западноевропейскими и русским—идут по пути развития интернациональной терминологии, даже в такой сложной категории, как глагол.

Рассматривая данные о характере заимствованных интернациональных слов, мы признаем наиболее целесообразным усвоение основ существительных в их номинативной форме, в неизменном виде, прилагательных—в форме усеченных основ, особенно с формантами *-ик, -ив, -ал||-л, -ион||-цион||-ацион*, благодаря чему становится излишней проблема оформления слова тюркскими аффиксами или выбор других способов словообразования.

Что касается глаголов, то мы отдаем предпочтение синтетическому способу, в частности тому способу, по которому слова создаются на базе иноязычных глагольных основ, особенно осложненных (с интернациональными суффиксами *-ир-, -из-, -изир-, -фицир-*), то есть самому идеальному способу, ставшему литературной нормой пока лишь в туркменском языке, в котором 39,7% новых глаголов из общего лексического фонда созданы на базе осложненных основ с аффиксом *-ла*.

Это—самый целесообразный, удобный, легкий и быстрый способ обогащения состава тюркских глаголов, при котором отпадает необходимость выбора производного или непроизводного существительного, не говоря уже об устранении необходимости аналитического способа глаголообразования. В связи с этим хочется привести очень ценное высказывание Гёте о том, что иностранному языку можно завидовать, главным образом, тогда, когда он может одним словом выразить то, что родной выражает только описательным путем.

Решение проблем терминотворчества, выбор способов образования новых существительных, прилагательных и глаголов целиком зависит от упорядочения этих вопросов. Ведь термины—наиболее «управляемая» часть лексики.

Факт глубокого проникновения в тюркские языки (через русский) морфологических элементов словообразования западноевропейских языков, таких, как *-ик, -ив, -ал, -ион* и особенно глагольных суффиксов *-ир-, -из-, -изир-, -фицир-* вместе с основами чрезвычайно интересен для теории глоттогонического процесса мирового языка.

Результаты изучения количественных и качественных изменений в тюркских языках в советскую эпоху свидетельствует о том, что при сознательном воздействии лингвистической общественности на процессы нормализации и развития литературных языков народов СССР следует исходить из наиболее передовых тенденций их эволюции, добиваясь дальнейшего совершенствования (и добровольного сближения) этих языков. Эту мысль хорошо сформулировал Ш. Балли: «Чем больше прогрессирует и облагораживается цивилизация, тем больше подвергается язык обработке и обдуманым изменениям»¹⁰.

К языку в полной мере относятся известные слова К. Маркса о том, что всякая нация может и должна учиться у других.

Сравнительное изучение имен и глаголов с заимствованными основами в тюркских языках позволяет решить ряд актуальных проблем лингвистики путем как комплексного исследования группы тюркских языков, так и изучения фактов каждого языка в отдельности.

Исследование морфологического оформления заимствованных слов интересно было бы распространить на все части речи с заимствованными основами внутри каждого языка, сопоставляя их с собственными языковыми средствами.

Это позволило бы выявить то новое, что рождается под воздействием внешнелингвистических факторов.

Любопытно установить степень проницаемости различных языковых ярусов, а также функционирование каждой части речи с заимствованными основами в различных стилях и жанрах литературного языка и особенно в устной речи.

Мы живем в эпоху колоссального роста потока научной информации, когда все большее значение приобретает проблема унификации терминологии в международном масштабе. Могут ли оставаться в стороне от решения этих задач языковеды народов СССР? Нашими учеными в этом отношении еще не сделано все возможное даже в пределах отдельных языков. Разработка вопросов терминовтвочества какого-либо языка часто ведется изолированно от других родственных языков, а иногда даже от языка межнационального общения—русского.

Сближение социалистических наций, народностей, этнических групп и их культур сопровождается интенсивными процессами взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР.

Поэтому многие вопросы теории и практики языковедческой работы в настоящее время приобретают не только научное, но и общенародное значение.

¹⁰ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.—Л., 1955, стр. 395.

Х. Г. НИГМАТОВ

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И НАКЛОНЕНИЯ В ТЮРКСКОМ ГЛАГОЛЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЯ МАХМУДА КАШГАРСКОГО)

Категория наклонения выражает отношение действия к действительности¹ и представляет собой модальность, формально выраженную в составе формы глагола². Категория времени выражает отношение действия к моменту речи и органически связана с категорией наклонения³.

В языке «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского (XI в.) можно выделить три формально различающихся наклонения: повелительно-желательное, условное и изъявительное.

I. Формы повелительно-желательного наклонения в «Диване» образуются с помощью следующих аффиксов⁴: I л. ед. ч. -ајын, I л. мн. ч. -алім, II л. ед. ч. -Ø, -кїл/ғїл, II л. мн. ч. -(о)н₁(із/лар), III л. ед. ч. -сун, III л. мн. ч. -сунлар.

Это наклонение выражает несовершеншееся, воображаемое, идеальное действие, причиной совершения которого является побуждение (волеизъявление) говорящего: кōрāјин «увижу-ка (я)» (III, 143)⁵, јуйгрālim «(давайте) нападём» (II, 12), ај «скажи» (I, 214), ајғїл «скажи» (I, 357), кїрсун «(пусть) войдет» (I, 342).

В повелительно-желательном наклонении отсутствует противопоставление временных форм⁶.

II. Условное наклонение в «Диване» представлено только формами единственного числа в трех лицах. Форма I л. встречается в фольклорных отрывках и имеет афф. -сам, в то время как II л., по словам автора «Ди-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 581; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 246.

² А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Часть II. Глагол. Братислава, 1960, стр. 470.

³ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 581; С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969, стр. 135; Д. А. Штелинг. О неоднородности грамматических категорий. — «Вопросы языкознания», 1959, № 1, стр. 53—64.

⁴ Здесь и далее указываются варианты аффиксов только с гласными заднего ряда.

⁵ Примеры с указанием тома и страницы «Дивана» даны по кн.: Мах'муд Кошгарий. Девону лугат-ит-турк. Уч томлик. Таржимон ва нашрга тайёрловчи. С. М. Муталлибов, т. I, Ташкент, 1960; т. II, Ташкент, 1961; т. III, Ташкент, 1963. Всюду сохраняется транскрипция, принятая в переводе «Дивана» Махмуда Кашгарского на узбекский язык.

⁶ А. Н. Кононов. Указ. раб., там же.

вана», имеет афф. -сасән (III, 225). Ввиду того, что аффикс -сам встречается только в фольклорных отрывках, можно предположить, что он был присущ народно-разговорному языку, а в литературном языке ему могла соответствовать форма -самән⁷.

Форма III л. образуется с помощью афф. -са.

Условное наклонение, как и повелительно-желательное, выражает идеальное действие⁸ и в «Диване» имеет условно-временное, а в сочетании со словами нэчә, қанча — уступительное значение: im bilcä әр ölmäs «если знает пароль, мужчина не гибнет» (I, 74), қойғашуб йатса «если / когда спит, обнявшись (с ней)» (I, 245), қанча барса «куда бы ни шла» (III, 46), нэчә мундуз әрсә «как бы ни был глуп» (I, 426).

Формы условного наклонения прошедшего времени в «Диване» не представлены. Они встречаются в языке среднеазиатского тefsира и выражают ирреальное действие: ägär болсады раст «если бы было правильным»⁹. В языке «Кутадгу билиг» (XI в.) форма условного наклонения может выражать также пожелание¹⁰.

Сопоставляя особенности повелительно-желательного и условного наклонений, можно сделать следующие выводы:

а) оба наклонения выражают идеальные действия, т. е. действия, совершающиеся после момента речи и находящиеся в плоскости будущего;

б) условное наклонение в отличие от повелительно-желательного имеет временные формы;

в) повелительно-желательное наклонение в отличие от условного не имеет временных форм и выражает только побуждение (волеизъявление) говорящего, в то время как в условном наклонении этот признак остается не выраженным.

III. Изъявительное наклонение имеет развитую систему временных форм. В языке «Дивана» оно представлено временными формами прошедшего категорического, прошедшего на -мїш, неопределенного имперфекта, будущего категорического, ближайшего будущего времени и аориста.

1. Формы лица прошедшего категорического времени образуются с помощью следующих аффиксов: I л. ед. ч. -дїм, II л. ед. ч. -дїн, III л. ед. ч. -дї, I л. мн. ч. -дїмїз, II л. мн. ч. -дїнїз / -дїнлар, III л. мн. ч. -дї(лар). Употребление вместо указанных аффиксов показателя -дукı является диалектным явлением¹¹.

Прошедшее категорическое время выражает действие, имевшее место в прошлом безотносительно к его однократности, многократности, длительности¹² и к модальным оттенкам¹³: қудрукı қатїғ тугдїмїз, тэнїріг өкүш өгдїмїз, кэмшіб атїғ тэгдїмїз, алдаб јана қачтїмїз «(мы) туго связывали хвосты (у коней) узлом, много восхваляли всевышнего, двинув

⁷ См.: А. М. Шербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 146.

⁸ С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 135.

⁹ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 107.

¹⁰ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik. Leiden, 1954, § 185.

¹¹ Об этом см.: И. Вәлиев. Маһмуд Кашгаринин «Дивану лугат-ит-турк»дә кечмиш заманын ифадә васитәләри. — «Ученые записки Азгосуниверситета, серия языка и литературы». Баку, 1968, № 5, стр. 89—96.

¹² С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 142.

¹³ Д. М. Насилов. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 5.

коней, (мы врагов) настигли, обманув (их), повернули назад (и) убежали» (I, 438).

2. Прошедшее на -мїш в «Диване» имеет неочевидное и перфектное значения: ол äвгä бармыш «он, видимо, ушел домой» (II, 63), азакї бїлгä анча тэмш «былые мудрецы так говорили» (I, 115), сэзрämш олгун кїöжак «созревшее просо поредело» (III, 181).

Действие, выражаемое прошедшим на -мїш, хотя и совершилось до момента речи, не разобщено с последним: в момент речи либо наличествует результат этого действия, либо подчеркивается недостоверность его совершённости.

3. Неопределенный имперфект образуется по модели: форма на -(=)р/-мас + эрдї и выражает:

а) ирреальное действие: тутар эрдїм сүсін тарїб «поймал бы (врага), рассеяв его войско» (I, 380), мэн унамас эрдїм ол мэнї унаттї «я не согласился бы, (но) он меня уговорил» (I, 221);

б) длительное действие в прошлом, в момент совершения которого происходило другое действие: кэчä турїб жүрїр эрдїм кїара кїзїл бөрї кördїм «проснувшись ночью, (я) прохаживался, черных, красных волков увидел» (III, 138).

Из приведенных примеров видно, что неопределенный имперфект выражает действие, совершившееся в прошлом и соотношенное с другим действием.

4. Формы будущего категорического времени образуются с помощью афф. -га(j) + показатели лица/числа. Эта временная форма выражает идеальное (несовершившееся) действие, ярко окрашенное модальными оттенками категоричности, долженствования, пожелания и др.: мэн баргаймән жәмү «я обязательно пойду» (III, 254), ол мәнä кәлгәй «он придет ко мне» (II, 70).

5. Формы ближайшего будущего времени образуются с помощью афф. -галір + показатели лица/числа. Махмуд Кашгарский пишет, что форма на -галір выражает готовность субъекта совершить действие; действующее лицо вот-вот совершит действие, или начинает уже его совершать (II, 70). Поэтому действие, выражаемое этой формой, всегда соприкасается с моментом речи и сопровождается оттенками намерения, цели: мэн баргалірмән «я вот-вот уйду» (II, 71), ол тағкїа ағкїалір «он готов (намерен) подняться в гору» (II, 71), олјармакї тәргәлір «он начинает копить деньги» (II, 71).

6. Аорист образуется по модели: причастие на -(=)р/-мас + личные показатели и в «Диване» выражает:

а) вневременное действие¹⁴: кїајнар öгүз кәчиксиз болмас «бурлящая река без брода не бывает» (III, 208), öд кәчәр киши тујмас «время проходит, человек не замечает» (I, 79);

б) действие, совершающееся в момент речи: бїчғас бїтїг кїїлурлар, әндкәй жәмә бәрурләр хандан басут тїләпләр «(они) составляют письменный договор (и) еще присягают (в верности), просят помощи у хана» (I, 427);

в) действие, разобщенное с моментом речи и лежащее в плоскости будущего, т. е. идеальное действие: тїләкни булармән «(я) достигну (своей) цели» (III, 99).

¹⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 461.

Рассмотренные примеры показывают, что аорист может выражать действия как разобщенные с моментом речи, так и не разобщенные.

Категория времени, как и все остальные языковые категории, отражает явления объективной действительности¹⁵, то есть объективное время. Исходной точкой, от которой начинается отсчет времени, является момент речи — настоящее время. Все, что происходило (или не происходило), было (или не было) до момента речи, — это прошедшее время, все, что будет (или не будет) — будущее. «В применении ко времени бесконечная в обе стороны линия, или бесконечный в обе стороны ряд единиц, имеет известный образный смысл»¹⁶. При сегментации (счете) этого ряда принимается, «что единицей, с которой мы начинаем считать ряд, точкой, отправляясь от которой мы производим измерение линии, может быть любая единица в ряде, любая точка на линии, и что для линии и ряда безразлично, где мы поместим эту единицу или эту точку»¹⁷. Следовательно, счет времени, его сегментация в языке возможны в том случае, если точка отсчета, соответствующая моменту речи, находится в любом отрезке бесконечной в обе стороны линии, отделяя прошедшее от непрощедшего.

Это позволяет сделать следующие выводы:

а) настоящее время, которым передается момент речи, выражает действие, «совершающееся вне временных условий»¹⁸, т. е. момент речи может находиться в любом отрезке бесконечной в обе стороны линии; чтобы измерять время, необходима форма, которой фиксируется точка с невыраженными временными признаками, отделяющая прошедшее от непрощедшего;

б) в языке на диалектической основе прошедший временной фон противопоставлен непрощедшему¹⁹, прошедшие временные формы — непрощедшим²⁰.

Формами прошедших времен выражаются действия, реально имевшие (или не имевшие) место, а формами будущих времен — идеальные действия, которые должны (или не должны) совершиться. Поэтому формы непрощедших времен всегда сопровождаются модальными оттенками.

На основе указанных признаков можно представить следующие два ряда привативных оппозиций²¹ системы времен индикатива.

¹⁵ См.: А. В. Исаченко. О грамматическом значении. — «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 31, 33 и сл.

¹⁶ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1967, стр. 45.

¹⁷ Там же, стр. 46.

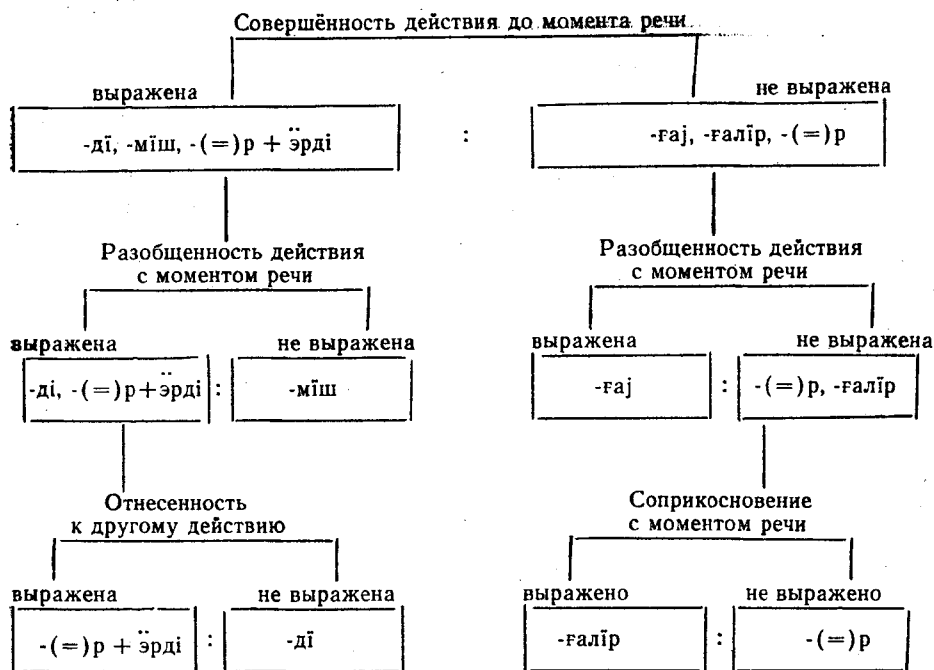
¹⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § 461.

¹⁹ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка, стр. 420.

²⁰ С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 136.

²¹ Здесь и далее мы попытаемся вскрыть природу каждой формы (категории), исходя из двух рядов оппозиций. Это обусловлено противоречивой двойственностью сущности грамматической формы (С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 26). Поэтому значение слабых, немаркированных членов оппозиции определяется нами не как «несигнализация признака сильного члена» (см.: R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums. «Charisteria Gvilelmo Mathesio quinqvagenario. Praha, 1932, p. 74—84; см. также указанные работы А. В. Исаченко; и его же. Бинарность, привативные оппозиции и грамматическое значение. — «Вопросы языкознания», 1963, № 2, стр. 39—56; Ср.: Т. В. Булыгина. Грамматические оппозиции. — Сб. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 175—231), а как «несигнализация признака сильного члена одного ряда оппозиций с сигнализацией признака, маркированного в данной форме (категории) в другом ряду оппозиций».

Первый ряд по признаку выражения отношения действия к моменту речи:

Во втором ряду оппозиций по выраженности модальных значений формы будущего категорического и ближайшего будущего времен являются маркированными, а все непрошедшие времена и аорист — немаркированными.

На основе этих привативных оппозиций можно сделать следующие выводы:

I. Являясь нейтральным к временным и модальным значениям, момент речи, передаваемый аористом, отделяет реальные действия от идеальных, а также модальные значения от немодальных.

II. Из привативных оппозиций первого ряда вытекает, что в определенных условиях формы непрошедших времен должны выражать прошедшее действие, но формы на -ғаж и на -ғалір во втором ряду оппозиций маркированы по признаку выраженности модальных значений, а аорист в этой оппозиции не маркирован. Поэтому из всех непрошедших времен только аорист в сочетании с глаголом әрді может выражать реальное действие, имевшее место в прошлом (см.: значение прошедшего длительного действия в неопределенном имперфекте), а формы на -ғаж и на -ғалір в сочетании с әрді выражают модальность в прошедшем времени > ирреальность.

III. Аорист в обоих рядах оппозиций является слабым, немаркированным членом. Поэтому только он может выражать вневременные действия.

IV. Непрошедшие времена, способные выражать идеальные действия, находятся в тесном соприкосновении с косвенными наклонениями. Поэтому не случаен тот факт, что формы предпосложительных, предположительных, долженствовательных и других модальностей развиваются в тюркских языках именно из непрошедших форм времени.

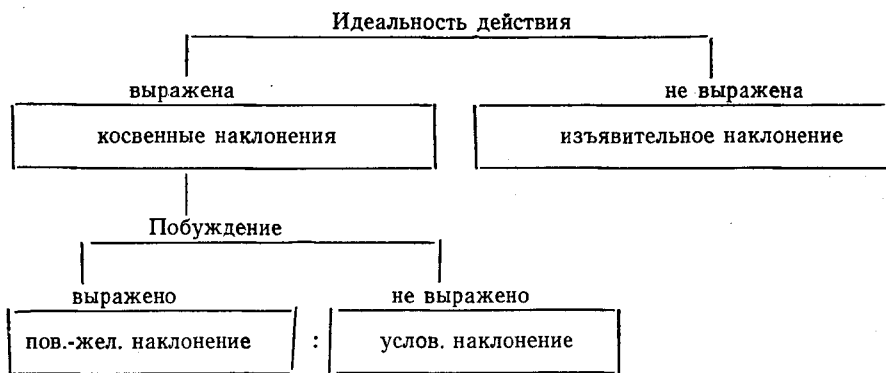
V. Два основных значения неопределенного имперфекта связаны двойственной природой аориста. Аорист со значением будущего действия в сочетании с эрді дает ирреальное значение. С таким значением формы $-(=)p + \text{эрді}$ равнозначны формам $-гај + \text{эрді}$, $-са + \text{эрді}$. Формы на $-(=)p$, на $-гај$ и на $-са$ в этой позиции выражают идеальное действие.

В основе значения прошедшего длительного действия в неопределенном имперфекте лежит значение вневременного действия в аористе.

VI. Прошедшее перфектное и значение прошедшего неочевидного действия в форме на $-мїш$ органически связаны, так как перфект выражает прошлое действие, результат которого налично в момент речи. Если же в момент речи отсутствует результат прошлого действия, то подвергается сомнению сам факт его совершённости.

После рассмотрения значений временных форм индикатива приходим к заключению, что индикатив может выражать как реальное, так и идеальное действие.

На основе приведенного в этом сообщении материала можно представить следующие два ряда привативных оппозиций наклонений:

Во втором ряду оппозиций по признаку наличия формального противопоставления временных форм изъявительное и условное наклонения являются маркированными, а повелительно-желательное наклонение — немаркированным.

На основе приведенного материала можно сделать следующие выводы:

I. Категория времени и категория наклонения находятся в диалектическом единстве. При максимальной выраженности отношения действия к действительности — при выраженности побуждения к несовершившемуся действию (в повелительно-желательном наклонении) — нейтрализуется выражение отношения действия к моменту речи. При нейтрализации выражения отношения действия к действительности (в изъявительном наклонении) всплывает на поверхность развитая система временных форм.

II. Для форм непрошедшего времени разобщенность действия с моментом речи усиливает его модальную окрашенность: чем сильнее разобщенность, тем ярче выражена модальность.

Для прошедших времен закономерно обратное явление: модальность проявляется тем сильнее, чем ближе действие к моменту речи (см.: прошедшее на $-мїш$).

III. Косвенные наклонения, выражающие идеальные действия, противопоставлены изъявительному наклонению, нейтральному к выражению

реальности / идеальности действия. Однако это противопоставление носит диалектический характер. Будущее категорическое время изъявительного наклонения вплотную приближается к повелительно-желательному наклонению, а форма прошедшего времени условного наклонения, в свою очередь, вклинивается в изъявительное наклонение и может стать эквивалентом настоящего-будущего и будущего категорического времен изъявительного наклонения (ср.: -са+эрді=-(о)р+эрді / с ирреальным значением /).

IV. Прошедшее категорическое и будущее категорическое времена могут выражать любые действия, находящиеся в бесконечном удалении от вневременной точки — момента речи. Видимо, по этой причине формы прошедшего и будущего категорических времен и их показатели имеют тенденцию к отрыву от именных форм глагола, к которым они генетически восходят. В «Диване» формы на -гај и на -ді атрибутивно и субстантивно не употребляются. Даже форма прошедшего категорического времени, в именном происхождении которого едва ли можно сомневаться²², в языке данного памятника атрибутивных и субстантивных функций не выполняет.

²² См.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. LXVIII—LXXI; А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. — «Тюркологический сборник», I. М.—Л., 1951, стр. 112—117; Н. А. Баскаков. Причастие на -ды/-ты в тюркских языках. — «Труды Московского Института востоковедения», 1951, № 6, стр. 205—217.

А. М. МАМЕДОВ

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Принято считать, что «в древнетюркском языке между глухими и звонкими смычными (в частности, спирантами и сибиллянтами) существовало резкое различие. В древнетюркском в начале слова встречались только k-, k'-, t-, b- и s- (? s-) внутри и в конце слова -k-, -γ-, -k'-, -g'-, -t-, -d-, (-δ-); -p-, -b-, -s-, -z-, -s-»¹. В употребляемости этих древнетюркских интервокальных и конечных согласных в современных языках принципиальное значение имеет разграничение односложных и многосложных (двух-, трех-, четырехсложных и т. д.) образований. Для тюркских языков в конечной позиции морфем и слов закономерны только глухие согласные, которые в интервокальном положении последовательно озвончаются. В односложных же словах в этом отношении наблюдаются колебания. В одних тюркских языках конечные глухие согласные односложных слов, попадая в интервокальное положение, последовательно озвончаются (ср. тув. *paз* «голова», но *paз-у* «его голова»; *sös* «слово», но *söz-ü* «его слово»; *is* «работа», но *iz-i* «его работа»). В других — наблюдается иное: ср.: тур. *at* «имя», *ad-у* «его имя» в отличие от *at* «конь» и *at-у* «его конь»; *ot* «огонь», *od-у* «его огонь» в отличие от *ot* «трава» и *ot-у* «его трава»; *soк* «много», *soг-у* «многие из них, большинство из них» в отличие от *ok* «стрела», *ok-у* «его стрела»; туркменское слово *at* «конь» — *at-у* «его конь» в отличие от *at* «имя» — *ad-у* «его имя»; *ot* «трава», *ot-у* «его трава» в отличие от *ot* «огонь» — *od-у* «его огонь»².

Широко распространено мнение, что подобного рода колебания конечных согласных, возникающие в односложных словах перед аффиксальными гласными в турецком и туркменском языках, а также противопоставляемость согласных в конце односложных слов по признаку «глухость-звонкость» в азербайджанском языке (*ad* «имя» — *at* «лошадь», *gab* «сосуд» — *gar* «хватай», *äk'* «сей» — *äj* «сгибай», *ax* «течь» — *ay* «белый и т. д.) связаны с «первичной» пратюркской долготой. Ссылаясь на туркменский материал, тюркологи утверждают, что сильные (resp. глухие) p, t, k', ç сохраняются лишь после первоначально краткого первого

¹ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 124.

² Н. К. Дмитриев. Глухие и звонкие согласные в середине слова. — В сб.: «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика, ч. I. М., 1955, стр. 275.

слога и изменяются в соответствующие слабые (resp. звонкие) b, d, g', z , если первоначально этот гласный был долгим³. Аналогичные замечания справедливы также для огузского⁴, карагасского⁵, тофаларского⁶ языков и для языка желтых уйгуров⁷.

Впервые выдвинутое Г. Грёнбеком⁸ предположение о связи первичной долготы с озвончением глухих согласных перед последующими аффиксами, начинающимися с гласного звука, например: тур. at «имя» (но $ad-y$) ~ як. $\bar{a}t$; тур. as «голодный» ($az-y$) ~ як. $\bar{a}s$; тур. ot «огонь» ($od-u$) ~ як. uot и т. д. впоследствии принималось многими тюркологами, однако были и иные мнения на этот счет⁹.

Сам факт существования «первичных» долгот в тюркских языках подвергается сомнению. В истории тюркологии существуют две точки зрения на природу долгих гласных: О. Бётлинга (признание изначально-сти некоторых из них) и В. В. Радлова (полное отрицание их изначально-ности). Впоследствии эти точки зрения положили начало возникновению двух противоположных теорий, которые в принципе продолжают существовать до сегодняшнего дня¹⁰.

Сторонники О. Бётлинга, ссылаясь на некоторые факты древних памятников и на долгие гласные, сохранившиеся в современных тюркских языках (особенно в туркменском и якутском), воспроизводят количественную противопоставляемость гласных в тюркском праязыке. Сторонники же В. В. Радлова, считают, что «первичные» долгие подобно «вторичным», представляют собой инновации, образовавшиеся в результате различных языковых изменений¹¹.

³ В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные t, d, δ . — «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 62.

⁴ М. Ряснен. Материалы..., стр. 128—129.

⁵ М. Castren. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre. St. — Ptb. 1857, стр. 29.

⁶ Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963.

⁷ В. М. Иллич-Свитыч. Указ. раб., стр. 53; С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 163, 32; его же. Уйгурские наречия Синьцзяня. М., 1961, стр. 114.

⁸ А. Бишкев. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963, стр. 23—24; V. Grönbech. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København, 1902. Подробное изложение в журнале «Keleti szemle». IV. Bd., 1903, стр. 230.

⁹ Е. Д. Поливанов утверждал на примере якутского языка как раз обратное, полагая, что долгота предшествующего гласного возникла в результате озвончения последующего согласного. См.: Е. Д. Поливанов. К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке. ДАФ — «Вопросы литературы», 1927, № 7, стр. 151—162. Примерно так же высказывается Ф. Абдуллаев. См.: Ф. Абдуллаев. «Узик унлиларнинг табииати турисида». — «Узбек тили ва адабиёти масалалары», 1959, № 3, по мнению которого Ибн-Муханна для обозначения долготы в словах at «имя», ot «огонь» в конце пишет звонкий согласный: ad и od . Совсем иная трактовка у А. Бишкева (Указ. раб., стр. 8), допускающего существование такого звука $-j$, который «в одних языках, взаимодействуя с гласным, образовал «первичную» долготу, а в турецком, взаимодействуя с последующим конечным глухим согласным, озвончал его.

¹⁰ А. Бишкев. Указ. раб., стр. 11.

¹¹ O. Böhtling. Über die Sprache der Jakuten, Spb. 1851; K. Foy. Türkisch Vokalstudien besonders das Köktürkische und Osmanische betreffend, MSOS, Irg. III, Abt. II. Berlin, 1900, стр. XXII; A. von Gabain. Alt türkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 28; A. C. Emre. Türkcede uzun vokaller, Türk dili, seri III, № 10—11; Istanbul, G 1—3; O. N. Tuna. Köktürk yazıları belgelerinde ve uygurcada uzun vokaller. — ТДАУ, Belleten. Ankara, 1960, S. 213—282; Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в туркменском языке. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков (ИСГТЯ), I, стр. 182—192; Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в якутском языке (ИСГТЯ), I, стр. 192 и сл.; W. W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen, Leipzig, 1882, стр. 72—76; его же. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk Sprachen; St — Ptb., 1908, стр. 8—9; V. Grönbech. Forstudier til tyrkisk lydhistorie. København, 1902 и т. д.

Обе точки зрения достаточно широко анализировались в тюркологической литературе. Поэтому мы ограничиваемся лишь краткой информацией, оставляя открытым вопрос о фонематичности противопоставления долгих и кратких гласных в тюркском праязыке, и констатируем, что для тюркских языков вообще характерны две системы гласных: а) система «первичных» долгих, б) система «вторичных» долгих, которые отличаются структурно-функциональными особенностями и относительной хронологией¹².

В тюркологии происхождение «первичных» долгих гласных объяснялось различными языковыми тенденциями; первичную долготу связывали с «компенсирующим удлинением» (См.; Рясянен¹³, Рамстедт¹⁴: k'ök' ~ монг. k'ök'e «небо»; Л. Лигети¹⁵: тюрк. tuz* (tüz) «соль» ~ монг. — письм. dabusun; К. Г. Менгес¹⁶: тюрк. *ab «охота» ~ монг. письм. aba), предполагали, что развитие долготы (первичной долготы. — А. М.) можно приписать влиянию звонкости следующего согласного¹⁷, считали возможным образование первичных долгих в целях различения омонимов и предохранения гласных от редукции¹⁸ и, наконец, была сделана попытка объяснить происхождение первичной долготы гласных особенностями древней акцентуации¹⁹.

Еще Ю. Немец более полувека назад, сославшись на долготу гласных в односложных словах (М. Рясянен считает, что исконная долгота присуща только односложным словам), утверждал, что некоторые из них были двухвершинными с основной второй вершиной, и эта вторая вершина в многосложных словах перемещалась на второй или третий слог, при этом гласный первого слога, утрачивая одну из вершин, сокращался. Например, в якутском языке в некоторых случаях наблюдается исчезновение долготы (дифтонгности) гласных при изменении односложного слова в многосложное²⁰, ср. biäs «пять», biäskä «пяти», biästän «из пяти», bähis «пятый», biär «дай», biärär «дает», bäris «поделись», «отдай часть», k'iar «форма, модель», kiäbir «хвалиться, фасонить». В турецком языке озвончение глухого смычного, стоящего после долгого, Ю. Немец также объясняет влиянием акцентуации.

А. М. Щербак предполагает, что в тюркском праязыке, где господствовал моносиллабизм, «большую роль играли слоговые акценты, которые, так же как и слоговой сингармонизм, являлись одновременно и различительным и разграничительным (делимитативным) средством»²¹, и,

¹² Что касается сущности так называемых «первичных» долгих гласных, то мы склонны присоединиться к мнению Л. С. Левитской, что пока наиболее разумно лишь констатировать существование «первичных» долгих гласных в общетюркском, не пытаясь выяснить их происхождение». См.: Л. С. Левитская. Историческая фонетика чувашского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1966, стр. 78.

¹³ М. Рясянен. Материалы..., стр. 62.

¹⁴ G. I. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, ISFOu, 38, Helsinki, 1922—1923, стр. 18—19.

¹⁵ L. Ligeti. Les voyelles longues en turc, IA, CCXXX, avril-juin. Paris, 1938, стр. 197—201.

¹⁶ K. Menges. Einige Bemerkungen zur Vergleichenden Grammatik des Türkmenischen. AO, XI, I. Praha, 1939, стр. 19.

¹⁷ Е. Д. Поливанов. К вопросу о долгих гласных..., стр. 151.

¹⁸ Ф. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 29, 23.

¹⁹ I. Nemeth. Die langen vokale im Jakutischen. KSz, XV. Budapest, 1914—1915, стр. 163—164; А. М. Щербак. О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1967, № 6.

²⁰ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 35.

²¹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 45; его же. Сравнительная фонетика тюркских языков. Автореф. докт. дисс. Л., 1968, стр. 24.

«будучи принадлежностью слога в целом, слоговые акценты получали преимущественное выражение в выделении какого-либо слогового компонента, или в способе соединения одного из них с другим»²². По мнению А. М. Щербак, долгота-краткость гласных и озвончение согласных в конце односложных слов восходят к пратюркской корреляции разновершинных слогов (вокально-вершинного и консонантно-вершинного)²³. Относительно способа соединения разных компонентов слога А. М. Щербак констатирует следующее: «Что касается способа соединения разных компонентов слога, в чем больше всего проявляется динамический признак слоговых акцентов, то он лег в основу корреляции примыкания согласному (примыкание через посредство гортанного спиранта и примыкание без этого спиранта), следы которой сохраняются в тувинском языке в виде противопоставления «чистых» и «фарингализованных» гласных (ср.: at «нимя», aht «лошадь»)»²⁴.

А. М. Щербак тюркские слоговые акценты типологически уподобляет датскому толчку и шведско-норвежской и центрально-баварской просодической оппозиции длительности, в основе которых лежит различие двух ритмических типов долгого слога — начальновёршинного и конечно-вёршинного.

Говоря о месте просодического уровня в языковой иерархии, Н. А. Матвеева и другие констатируют, что «просодический уровень имеет особое положение в структуре языка, — он осуществляет связь фонологического и грамматического ярусов. Просодические признаки слова определяются на всем слове, импликатами просодической или суперсегментной «накладки» являются все составляющие фонетического яруса»²⁵. В исторической и сравнительно-исторической фонетике ряда языков рассмотрены некоторые частные случаи взаимодействия фонематической и просодической (акцентуационной) сфер в процессе развития звукового строя²⁶. Что касается тюркских языков, то мы не располагаем какими-либо специальными работами по этому вопросу, так как у нас пока отсутствует научно-разработанная историческая и сравнительно-историческая акцентология тюркских языков, и мы не имеем ясного представления о характере и объеме исторического взаимодействия между просодической и фонематической сферами. Но, несмотря на это (т. е. несмотря на то, что мы не имеем ясного представления о древнетюркской акцентуации и ее взаимодействиях с другими уровнями языковой иерархии), нам кажется, что трактовка А. М. Щербак заслуживает пристального внимания.

Как известно, вопреки предположениям некоторых тюркологов о том, что «в реконструируемой фонологической системе тюркского праязыка ударение, по-видимому, было силовым, падающим на конечный слог многосложного слова»²⁷, факты современных (также и некоторых древних) алтайских и финно-угорских языков и многочисленные закономерности фонологических систем всех или некоторых тюркских языков (гармония гласных, фонологическая значимость всех оппозиций корневых гласных, соотношение долгих и кратких, полных и редуцированных гласных, деп-

²² А. М. Щербак. Сравнительная фонетика., стр. 24.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 25.

²⁵ Н. А. Матвеева. Фономорфологическая делимитация слов. — В сб.: «Система и уровни языка». М., 1969, стр. 71.

²⁶ В. М. Коломиец. Взаимодействие фонематической и просодической сфер в истории звуковых изменений славянских языков. V международный съезд славистов. Киев, 1963.

²⁷ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика., стр. 15.

ласация вершин²⁸ и т. д.) подтверждают предполагаемую Б. Я. Владимирцовым, А. Габен, Ф. Коршем, М. Рясняном, Е. Д. Поливановым, С. Вурмом, М. Черкасским и другими ударность начального слога в пратюркском языке²⁹.

Однако это не означает, что тюркское слово имело только одно ударение — на корне. Большинство тюркологов считает, что ударение в тюркских языках двухполюсное, то есть тюркское слово имеет не одно, а два ударения: главное, падающее на начальный слог, и побочное, падающее на конечный слог; например, по В. В. Радлову, в тюркских языках каждый «склеенный в одно слово комплекс слогов замыкается двумя ударными слогами, первый из которых (коренной) имеет восходящее повышение тона (Tonerhebung) на полтона, в то время, как конечный

слог — полное понижение тона» (например, *káryndas-larymyznu*)³⁰. Положение о двояком характере тюркского ударения принято почти всеми тюркологами, разногласия возникают лишь в связи с вопросами: фиксируются ли эти ударения на определенном слоге или же свободно перемещаются на разные слоги тюркского слова?

«Двухполюсность» ударения отмечается Б. Я. Владимирцовым в монгольском³¹, а Е. Д. Поливановым³² в калмыцком языках, в которых кроме главного имеется и второстепенное ударение на последнем слоге. В угро-финских языках, например в древнемарийском, слово имело двойное ударение: первое, падающее на первый слог, было тонально-силовым (музыкально-динамическим), а второе, приходящееся на второй слог основы, — количественным³³. В корейском языке Е. Д. Поливанов находит именно «двухполюсное» ударение — с аберрацией между первым и последним слогом, в зависимости от синтаксических условий: корейское слово в конце предложения имеет ударение на начальном слоге, а слово, за которым следует продолжение фразы, имеет конечное ударение³⁴. Двухполюсность ударения, так же как и ударность начального слога, распространена в очень обширном евроазиатском языковом ареале и чрезвычайно типична для урало-алтайского языкового строя.

Ударение является символом раздельности и единства слова и отдельные компоненты ударения распределяются по элементам и частям словесной структуры. Каждое изменение ударения неизбежно отражается на фонетическом облике слова, а изменения внутри самого слова немедленно будут перекодироваться в изменения его акцентной структуры. Поэтому тюркская акцентуация должна быть рассмотрена в тесном контакте с фonomорфологической структурой агглютинативного слова и его модификациями.

²⁸ L. Bazin, Structures et tendans communes des langues turques (Sprachbau), Philologie turcicae fundamenta (Ph TF), т. I. Wiesbaden, 1959, стр. 14.

²⁹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольско-письменного языка и халкаскокого наречия. Л., 1929, стр. 97; М. Ряснян. Материалы..., стр. 33; Ф. Корш. Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках («Живая старина», кн. 70—81, стр. 161); Е. Д. Поливанов. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайского» языков. «Статьи по общему языкознанию». М., 1968, стр. 158. S. Wurm. Ueber Akzent und Tonverhältnisse im Ozbekischen, UAIb, XXV, 3—4, 1953, 220—242; его же. Das Ozbekische, PhTF, стр. 494—495; М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 74.

³⁰ М. Ряснян. Материалы..., стр. 34.

³¹ Б. Я. Владимирцов. Указ. раб., стр. 97.

³² Е. Д. Поливанов. Указ. раб., стр. 158.

³³ Л. П. Грузов. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1969, стр. 133.

³⁴ Е. Д. Поливанов. О родственных отношениях..., стр. 159.

В тюркологической литературе обычно констатируется, что для раннетюркской эпохи характерен моносиллабизм³⁵ (т. е. подавляющее большинство слов в древнетюркском языке в начальный период его развития было односложным)³⁶, так как основные слова, составляющие древнейший фонд тюркской лексики, являются односложными, ср.: турец. *g'ök* «небо», *aj* «луна», *jeğ* «земля», *su* «вода», *ot* «огонь», *kar* «снег», *buz* «лед», *g'ün* «день», *tün* «ночь», *je* «ешь», *iç* «пей», *var* «иди», *g'it* «уходи», *al* «бери», *jat* «спи», *dog* «роди», *öl* «умри» и т. д. С другой стороны, общеизвестно, что морфемы агглютинативного слова — как корни, так и аффиксы — исторически самостоятельные слова, т. е. основы. Значит, аффиксы современных тюркских языков, ныне являющиеся носителями одной из ударных вершин, когда-то соответствовали корням и выступали как слова-моносиллабы. Отсюда следует, что для определенного этапа развития тюркских языков было характерно полисинтетическое соединение односложных слов-моносиллабов. Это полностью согласуется с исторически и типологически реконструируемым процессом агглютинации³⁷. Нетрудно заметить, что это состояние (т. е. моносиллабизм, полисинтетический комплекс из односложных морфем-слов) напоминает «структурную связь музыкального ударения, односложности и одноморфемности слова, чисто реляционного грамматического типа и изолирующей техники в ряде языков Юго-Восточной Азии и Африки»³⁸. Для языков Китая и Юго-Восточной Азии характерно, что границы отдельно взятой знаменательной морфемы совпадают с границами фонетического слога, т. е. «означающим морфемы выступает, как правило, слог; морфемы, линейно меньшие, чем слог, невозможны»³⁹, «в семантическом отношении указанная морфема представляет собой одно слово»⁴⁰, при этом количество слогов ограничено, что связано с их организацией.

Особая организация слогов, являющихся основными фонологическими единицами, уменьшает сигнификативные возможности фонологических средств, поэтому в этих языках широко используются тоны: в китайском языке каждый из 400 слогов в ударяемом положении произносится с соответствующей интонацией и из 1600 возможных при этом различий 1250 представляют собой самостоятельные слова.⁴¹

Языковые факты показывают, что возникновение тонов, фонологичность слога и фонетическая дифференциация позиций в слоге обычно

³⁵ О моносиллабичности тюркского корня: *W. W. Radloff*. *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen*. St — pб, 1906; *B. Atalay*, *Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme*. İst. 1942; *Э. В. Севортян*. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, М., 1962; *А. Зайончковский*. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1961, № 2, стр. 28; *А. М. Щербак*. О происхождении..., стр. 44.

³⁶ *В. Асланов*. О путях установления первичных корней слов с непродуктивными аффиксами в тюркских языках (на материале азербайджанского языка). — «Вопросы азербайджанского языкознания». Баку, 1967, стр. 120.

³⁷ Общепринято, что процесс агглютинации имеет несколько последовательных фаз: 1) обыкновенная комбинация нескольких терминов в одной синтагме, 2) собственно агглютинация, т. е. синтез элементов синтагмы в некую новую единицу, 3) все прочие изменения, способствующие превращению прежнего сочетания в едиофонетическое и т. д. *Ф. де Соссюр*. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 163.

³⁸ *В. В. Иванов*. Типология и сравнительно-историческое языкознание. — «Вопросы языкознания», 1958, № 5, стр. 36.

³⁹ *В. Б. Касевич*. Основные вопросы фонологической структуры бирманского языка. Л., 1968, стр. 5.

⁴⁰ *Г. Г. Мхитарян*. Фонетика вьетнамского языка. М., 1959, стр. 19.

⁴¹ *Б. Исаенко, И. Коротков, И. Советов-Чэнь*. Учебник китайского языка. М., 1954, стр. 36, 1.

связаны с переходом от архаического полисиллабизма к моносиллабизму⁴². Например, в кетском языке, где корневое слово чаще всего двусложное и в фонемном составе, в отличие от китайско-тибетско-бирманских языков, позиционный фактор не имеет значения, уже в некоторых северных говорах (например, в пакулихинском) в результате редукции безударного гласного наблюдается переход от двусложности к односложности (пак. $\acute{e}d' \sim$ котт. $e\ddot{a}d, e\ddot{a}di, e\ddot{a}ti$ «соболь», пак. $ko? \sim$ котт. $koax, k'oag'a$ «звезда» и т. д.) с соответствующим усилением фонетической дифференциации позиций⁴³. Аналогичное явление наблюдается в селькупском языке, «где сильная редукция гласного основы приводит к изменению фонетического облика последнего согласного основы. Например, $\ddot{u}ky - \ddot{u}g$ «шапка». Для тибетского тоже характерно отпадение конечного гласного основы (собственно говоря, в тибетском отпадает конечный слог), что приводит к удлинению предшествующего гласного»⁴⁴. В сиро-бирманских языках «сокращение основы влекло за собой образование тоновых различий»⁴⁵.

Можно ли свести изменения, касающиеся фонологической структуры односложных слов в тюркских языках, к процессу сокращения основ и последствиям этого сокращения? Закономерности, наблюдаемые в урало-алтайских языках, в какой-то мере свидетельствуют об этом. Одна из таких закономерностей — слоговая структура основ. Общепринято, что «на первом слоге финно-угорского языка-основы встречались только нелабиализованные гласные а (ä) или е. Последние в основном являлись гласными корня, т. е. корни, первоначально двусложные, оканчивались всегда на указанные гласные»⁴⁶. В то время как одни языки (например, финский) сохранили эти конечные гласные, придававшие в известной степени архаический оттенок звуковой основе финского языка⁴⁷, другие (пермские) языки отличаются «стертостью» тех же гласных: $ol - \text{верхнесылск.}, \text{коми-язв.}, \text{коми-зырян.}, \text{коми-перм.} - \text{«жить»}; ul - \text{мурт. «жить, прожить, пробыть, находиться, населять, водиться, обитать»}; ul - \text{шошм. урсдыгур.}, \text{марийск. } \ddot{a}lem, ilem \text{ и др. финск. } el\ddot{a}\ddot{a}, \text{саам. } \ddot{a}ellet; <\text{фин.-угор. } *el\ddot{a} - ; \text{венг. } \acute{e}l - <\acute{e}l - \text{Допермск. (-фин.-угор.) } *el\ddot{a} - > *el\ddot{a} - > \text{общепермск. } *ol -$ ⁴⁸.

Двусложность основы характерна и для монгольских языков:

мо $kirga$ «резать» ~ тат. $kyrk$

мо $köge$ «пухнуть» ~ др.-тюрк. $kör$

мо $boyo$ «сдавливать» ~ др.-тюрк. boy

мо $\ddot{u}gü$ «тереть, рвать» ~ др.-тюрк. $\ddot{u}z$

мо $kata$ «сохнуть» ~ др.-тюрк. kat — «затвердевать» и т. д.⁴⁹

⁴² Д. М. Сегал. Фонология кетского языка. (Пакулихинский говор). Кетский сборник. «Лингвистика». М., 1968, стр. 35.

⁴³ Д. М. Сегал. Указ. раб., стр. 35.

⁴⁴ Там же, стр. 38.

⁴⁵ Там же, стр. 40.

⁴⁶ Л. П. Грузов. Из истории..., стр. 174.

⁴⁷ Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка. М., 1953, стр. 29.

⁴⁸ В. И. Лыткин. О вокализме финно-угорских языков. — «Вопросы финно-угорского языкознания». М., 1953, стр. 40—41.

⁴⁹ Примеры Л. Г. Герценберга. См.: Л. Г. Герценберг. Алтайская теория с точки зрения индоевропейца. — «Проблема общности алтайских языков». Тезисы докладов. Л., 1959, стр. 20.

Корейский язык, по Е. Д. Поливанову, «оказывается на стороне более прогрессивных в данном отношении турецких⁵⁰ языков и, следовательно, представляет более краткий вид простой основы, обычно в один закрытый слог: *cvc* — в соответствии с двусложным комплексом в монгольском. Например, тур. *ta:s* «камень» (чув. *col*, *cul* (чул||монг. *cilaγun*) и орочанск. *zolo||*кор. *tol* (*tor*); монг. *mōrin* (калм. *mōen*)||кор. *ma!* (*maγ-*) ← *miγ* «лошадь»; монг. *muγen* «река»||кор. *mul* (*muγ*) «вода»; монг. *pidun||*кор. *nun* «глаз» и т. п.»⁵¹.

Е. Д. Поливанов, ссылаясь на факты японского языка, утверждает, что сокращение древнейших открытых слогов связано с редукцией или «стремлением к нулю» узких и притом кратких гласных. Узкие гласные, которые произносятся с меньшей длительностью, чем широкие (типа *a*) или полуширокие (типа *e*, *o* и др.) в том общем процессе «изнашивания», которому постоянно подвержены все звуки, — будут опережать более широкие гласные, находящиеся в одинаковых с ними условиях, быстрее редуцироваться и исчезать из произношения.

Редукция узких гласных широко распространена в урало-алтайских языках. Как в алтайских, так и в уральских языках следует различать два типа редукции: а) редукцию гласных первого слога, б) редукцию гласных не первых слогов. Первый тип редукции в основном распространен в некоторых уральских⁵² (марийский, хантыйский) и тюркских языках⁵³ (чувашский, татарский, башкирский, ногайский). Что же касается редукции второго типа, то она распространяется почти на все уральские, а также алтайские языки. Нужно сказать, что в обоих случаях редуцируются гласные, равноценные по качеству и количеству (узкие краткие), и оба типа редукции в равной мере связаны с безударными положениями⁵⁴. В связи с всеобщностью случаев редукции гласных очень трудно сказать, является ли тюркский моносиллабизм продолжением (т. е. генетическим продолжением) урало-алтайской двусложности ос-

⁵⁰ Для чувашского, в отличие от других тюркских языков, характерна двусложность некоторых основ: *vīze* (*vič'*) «три» ~ туркм. *üs*, як. *üs*, *vyda* (*vyt*), «огонь» — туркм. *ot*, як. *uot*, *vupa* (*yn*) «десять» ~ туркм. *op*, як. *uon*), *k'üle* (*k'ül*) «озеро» ~ туркм. *k'öl*, як. *k'üöl* и т. д.

⁵¹ Исходя из того, что в японском языке был «закон открытых слогов», т. е. основы были двусложные с конечным гласным, Е. Д. Поливанов многие японские моносиллабы возводит к древним двусложным комплексам (Е. Д. Поливанов. К вопросу..., стр. 158).

⁵² См.: М. Веке. Исследования о наречиях черемисского языка. Казань, 1889; W. Steintz. Geschichte des Wogulischen Vokalismus. Berlin. 1955. (см. рец. В. И. Лыткин. «Вопросы языкознания», 1957, № 3, стр. 142—144); E. Itkonen. Die Entwicklung der Vokale der zweiten Silbe sowie des Akzenti und Tonsystems im Urtischeremissischem, F и F, XXIX, стр. 231—244; П. П. Грузов. К проблеме развития редуцированных гласных в языках Волго-Камья. — «Советское финно-угроведение», 1966, № 2; его же. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1969.

⁵³ W. W. Radloff. Zur Geschichte des Türkischen и Vokalsystems. «Изв. Имп. Акад. Наук», XIV, 1901, № 4, стр. 430; В. Г. Егоров. Современный чувашский язык. I. Чебоксары, 1954, стр. 164, 185 и др.; Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I. М., 1955, стр. 54, 106, 109 и др.; М. Ряснен. Материалы..., стр. 76, 78, 84—85 и др.; У. Ш. Байчура. Звуковой строй тагарского языка. I. Казань, 1959, стр. 33—38; А. М. Щербак. О тюркском вокализме. — «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 32 и др.

⁵⁴ Е. Курилович констатирует, что в языках с динамическим ударением, в отличие от языков с тоническим ударением, имеются две категории слогов: слоги с системой полного вокализма и слоги с системой редуцированного вокализма. См.: I. Kurylowicz. L'accentuation des langues indoeuropéennes, 2, me ed. Wrocław — Krakow, 1958, стр. 370.

новы. Но типологическое сопоставление тюркских языков с уральскими и другими алтайскими языками показывает, что противопоставляемость согласных по глухости-звонкости на стыке первого и второго слогов (азерб. *ady/aty*) напоминает ступени чередования согласных в уральских⁵⁵ языках и противопоставляемость глухих и звонких согласных в монгольском языке в интервокальном положении двусложных основ.

При этом тюркские языки больше приближаются к монгольскому языку, что подтверждается следующими тюрко-монгольскими соответствиями (ср.: тюрк. *bäg'* ~ монг. *beg'i* «величие»; тюрк. *bäk'* ~ монг. *bek'i* «мощный»; тюрк. *ärk'* ~ монг. *erk'e* «сила, власть»; тюрк. *ürg'* ~ монг. *ürg'e* «пугается»; тюрк. *ot* ~ монг. *oçin* «огонь, искра»; тюрк. *ot* ~ монг. *otaci* «травя»; тюрк. *dad* (азерб. *dadān*) ~ монг. *dadu, dasu* «привыкать»; тюрк. *tāt* «пробовать на вкус» (турецк. *tad*) монг. *tatδ* (монг. — письм. *taçija* «страстно желать», монгол. *taḍun* «прожорливый»), тюрк. *āt* (азерб. *edir*) ~ монг. *adū* «творить», тюрк. *būt* ~ монг. *būte* «исполняется» и т. д.).

Такое совпадение связано с идентичностью фonomорфологических изменений, происходящих внутри слова как в тюркских, так и в монгольском языках.

Исследования показывают, что для алтайских языков характерны слова со структурной (C)VCCV(C), а также слова с исходом на -С, иными словами в алтайских языках довольно часто встречаются закрытые слоги. Начальные и конечные группы CC для алтайских языков не типичны⁵⁶. Как в тюркских, так и в других алтайских языках интервокальные сочетания согласных (-CC-) происходили и происходят путем сложения типа -C+C- (т. е. на границах между корневыми морфемами и суффиксами)⁵⁷, или же слова со структурой (C)VCVC после прибавления форматива -V(C) в результате редукции безударных слогов⁵⁸ приобретают фонетический облик (C)VCCV. Исходя из вторичности сочетаний согласных как в интервокальном⁵⁹ положении, так и в конце ряда слов можно утверждать, что структура (C)VCCV(C) является позднейшим усложнением более простой структуры (C)VCVCV(C), которая считается исходной для языков мира⁶⁰.

По наиболее характерной для алтайских языков структуре слова (C)VCV(C) можно утверждать, что противопоставляемость согласных по признаку глухость-звонкость на стыке первого (геср. корня) и второго (геср. аффикса) слогов идентична процессу, наблюдаемому в интервокальном положении двусложных основ в монгольском языке (тюрк. *bäg'+λ/bäk'+λ* ~ монг. *beg'i* «величие» / *bek'i* «мощный»). Произошло это следующим образом. Односложные закрытые слова с конечными глухими согласными соединялись с аффиксами (V или VC), попадая в положение, аналогичное интервокальному положению двусложных основ в монгольском языке, и озвончались. Подобное утверждение вполне допустимо и с точки зрения корневыведительности алтайского ударения, так как озвончение позволило дифференцировать подударные корни, являвшиеся носителями основной семантической нагрузки внутри агглютинативного слова. Впоследствии на почве отдельных языков (например,

⁵⁵ А. Пакайме. Чередование ступеней согласных в основе слова в прибалтийско-финских и саамском языках. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 50, 1957.

⁵⁶ В. В. Шеворошкин. Звуковые цепи в языках мира. М., 1969, стр. 114.

⁵⁷ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, I, М.—Л., 1959, стр. 55.

⁵⁸ Н. К. Дмитриев. Вставка и выпадение...

⁵⁹ Ф. Г. Исхаков. Некоторые предположения о происхождении «т» и «г» в словах аст, уст, алд, арт. — Сб. «Академику Гордлевскому...». М., 1953.

⁶⁰ В. В. Шеворошкин. Указ. раб., стр. 77.

в азербайджанском) позиционная звонкость согласных стала конститутивным признаком и распространилась на конечную позицию односложных слов. Аналогичное явление наблюдается в языках, переживающих процесс перехода от полисиллабизма к моносиллабизму: например, в кетском⁶¹ «сегменты *d* и *t* находятся в дополнительном распределении в середине слова, встречаются свободно в начале слова и *t* выступает как архифонема *d* и *t* в позиции нейтрализации — конце слова. В связи с тенденцией к сокращению основы в ряде слов *d* оказывается в речи отдельных информантов в конечной позиции. В пакулихинском говоре этого почти не происходит — всегда после *d* наблюдается отчетливый гласный призвук, след бывшего гласного полного образования (например, *edʷ* «соболь», *wdʷ* «весна»), но в боковых кетских говорах процесс сокращения основы уже закончился, и там видно, что *d* стал трактоваться не как звонкий, а как слабый — *g*, например « — *jeɣ'* кур. (Дульзон), *ыр* — кур. (Дульзон)»⁶². В некоторых других говорах (в суломайском) звонкие корреляты *k'* и *k* тоже «встречаются в конце слова, что позволяет выделять их как самостоятельные фонемы»⁶³.

Что касается объяснения «первичных» долгих и взаимосвязи этих долгих с последующими согласными, то нам придется вернуться к фактам, изложенным в начале данной статьи. Известно, что азербайджанские и турецкие односложные слова с конечными звонкими соответствуют туркменским односложным словам с долгими гласными (азерб. *ad* «нмя» ~ туркм. *ät* и т. д.). С другой стороны, экспериментальные исследования устанавливают следующую зависимость долготы гласных от позиционных условий: максимум $\rightarrow$ в открытом слоге $\rightarrow$ перед слабыми (звонкими) $\rightarrow$ перед глухими (сильными) $\rightarrow$ перед геминатами $\rightarrow$ минимум. Если учесть, что в целом одинарные слабые смычные согласные более чем в два раза короче соответствующих одинарных сильных, тогда как двойные сильные, в свою очередь, превосходят по длительности соответствующие одинарные сильные также более чем в два раза, то нетрудно заметить, что указанная градиция долготы гласных в разных позиционных условиях является следствием сопряженности длительности гласных с длительностью согласных⁶⁴. Аналогичный закон (т. е. закон контрастной корреляции количества или же просодическая корреляция длительности) действует в саамском, а также в шведском и норвежском языках. В нотозерском диалекте саамского языка «чем длиннее гласный первого слога, тем более кратким является следующий за ним согласный. И наоборот, чем длиннее данный согласный, тем более кратким становится гласный первого слога, например: *raállä* «песец», *'rała* «песца» (род. п. вин.), *r'a'llä* «песцу»»⁶⁵. Факты шведского и

⁶¹ Фонологические системы енисейских и тюркских языков типологически очень сходны. Например, «внутренняя реконструкция применительно к языку текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана с одной стороны, и к аринскому и прочим енисейским языкам — с другой приводит к не менее сходному состоянию систем согласных в этих двух языках». См.: В. Н. Топров. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков. Аринско-енисейские соответствия, ч. I. Кетский сборник. М., 1968, стр. 285.

⁶² Д. М. Сегал. Фонология кетского языка (пакулихинский говор). Кетский сборник. М., 1968, стр. 51.

⁶³ Там же.

⁶⁴ У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, т. I. Казань, 1961, стр. 61, 69, 93, 99, 101, 107; Н. Д. Дьяковский. Вокализм якутского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Л., 1966, стр. 15; П. П. Барашков. Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1953, стр. 21, 24.

⁶⁵ В. В. Сенкевич-Гудкова. Закон контрастной корреляции количества. Исследования по фонологии. М., 1966, стр. 368.

норвежского языков показывают, что «в просодической корреляции длительности решающее значение имеет не длительность отдельно взятого гласного или следующего за ним согласного, а соотношение длительности, указывающее на место вершин длительности в ядре слога. Решающим здесь является не парадигматическое противопоставление долгих и кратких фонем, а данное в последовательности элементов (т. е. в синтагматическом плане) различие местоположения вершины длительности»⁶⁶. Во всех этих случаях ни протяженность гласных, ни консонантная длительность сами по себе не являются релевантными и являются собой лишь способы реализации сверхфонемного просодического признака, на основе которого противопоставляются целые слоги. Например, в нотозерском диалекте двум грамматическим формам одного и того же слова «свойственна одинаковая общая длительность всего слова, например *vāgga* — *vāga*, несмотря на различие в длительности всех звуков, кроме начального *v*, имеют одинаковую общую длительность всего слова как целостной структуры»⁶⁷. Сохранением общей длительности слов объясняется и генетическая связь долготы гласных и удвоения согласных, (см. нижеприведенную таблицу), которые, по справедливому замечанию Ф. А. Абдуллаева, «теснейшим образом связаны между собой и выполняют какую-то сходную функцию»⁶⁸.

Др.-тюрк. яз.	Туркмен- ский язык	Огузск. наречие узб. яз.	Кипчак. наречие узб. яз.	Литератур. узбекс. язык	
<i>katy</i>	<i>gaty</i>	<i>katt̃y</i>	<i>katt̃y</i>	<i>kattik</i>	«крепкий»
<i>sasy</i>	<i>sasy</i>	<i>sas̃y</i>	<i>sassy</i>	<i>sassik</i>	«вонючий»
<i>acy</i>	<i>azy</i>	<i>as̃y</i>	<i>aççy</i>	<i>accik</i>	«горький»
<i>sücüy</i>	<i>süjzy</i>	<i>süs̃y</i>	<i>cüccy</i>	<i>cücük</i>	«сладкий»

Обобщая все сказанное, можно прийти к выводу, что исторически для тюркских языков характерен закон контрастной корреляции количества. Все односложные слова-корни являлись ударными и, следовательно, были долгими. Они различались только по месту вершины. Место вершины автоматически определялось другим законом — законом озвончения согласных в интервокальном положении и фонологизацией признака «глухость-звонкость» в конце некоторых односложных слов⁶⁹; там, где имелся звонкий согласный, вершина падала на вокальный сегмент, а там, где сохранялся глухой коррелят, вершиной слога был консонантный сегмент. Таким образом, внутри тюркского слога выделялись два фонологичных⁷⁰ тона — вокальновершинный и консонантнотвершинный.

⁶⁶ С. Д. Кацнельсон. Сравнительная акцентология германских языков. М.—Л., 1966, стр. 85.

⁶⁷ В. В. Сенкевич-Гудкова. Указ. раб., стр. 371.

⁶⁸ Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, стр. 130; см. также: К. Menges. *Qaragairaq Grammar*. New-York, 1947, стр. 42—43.

⁶⁹ Аналогичное наблюдается в китайском языке, где после сокращения основ «тоны в значительной степени отражают старое различие согласных перед гласными и после него». См.: М. Сводеш. Лингвистические связи Америки и Евразии. — Сб. «Этимология», 1964. М., 1965, стр. 294.

⁷⁰ Г. П. Заденко. Краткий очерк системы тонов современного китайского языка. — Сб. «Вопросы китайской филологии». М., 1963, стр. 191; Н. Д. Андреев, М. В. Гордина, О. А. Тимофеева. Система тонов бирманского языка. — «Учен. зап. ЛГУ», 294. Серия востоковедческих наук, 12-филология и история стран Востока, 19161, стр. 71; В. А. Каятковский. Фонологические проблемы великого сдвига гласных. — Сб. «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 388.

Следует отметить, что тоновые противопоставления развивались только в первом ударном слоге, который совпадал с семантически более нагруженной морфемой, т. е. морфемой с вещественным значением. Последующие слоги в силу действия сингармонизма и редукции не имели тоновых различий. Это вполне согласуется с утверждением о том, что музыкальные различия (т. е. тоновые различия) могут развиваться только в ударных слогах⁷¹, т. е. в слогах, имеющих динамическое ударение. Возникновение тональных корреляций в ударных слогах наблюдалось во многих языках. По справедливому замечанию А. Мартине, в данном случае «речь идет о тех языках, где выделение ударного слога сопровождается явлениями мелодического характера, неодинаковыми у разных слов, или мелодического рисунка, играющего различительную роль. Среди языков, имеющих ударение, не существует, по-видимому, ни одного такого, в котором тоны могли бы противопоставляться за пределами ударного слога (имеется в виду «главное», а в языках, где градация ударений в речевом потоке лексикализована, также «второстепенное ударение»)⁷². Примером могут служить острое и облегченное ударение в древнегреческом языке, простое и сложное в шведском и норвежском, восходящее и нисходящее в сербско-хорватском, простое и прерывистое в датском и латышском. Так как «в диахроническом отношении развитие тонов в различных языках оказывается во многих случаях аналогичным (независимо от того, способствуют эти тоны выделению ударных слогов или нет)⁷³, то, следовательно, и в пратюркском языке наблюдалось подобное развитие тоновых противопоставлений, причем в тоновые корреляции входили только начальные слоги тюркского слова, выделенные динамическим ударением. Поэтому все изменения, характерные для консонантизма и вокализма односложных слов, а также изменения, возникающие на стыке первого и второго слогов, должны быть рассмотрены как следствие акцентуации первого — ударного слога.

В одних языках долгота-краткость фонологизовалась для гласных, и поэтому противопоставление последующих согласных по глухости-звонкости стало сопутствующим (в якутском, туркменском). В других же языках глухость-звонкость конечных согласных односложных слов стала дифференциальным признаком, а долгота-краткость гласных — обусловленным свойством (в турецком, азербайджанском). В чувашском языке рефлексом древней слоговой акцентуации является фонологизация признака полнота-редуцированность, а также двойное отражение некоторых общетюркских гласных: (boz «серый» ~ чув. pavar «бурый», но boz «холст» ~ чув. pır «холост»; k'ök' «голубой» ~ чув. kavaк, но kök «корень» ~ чув. kak; ot «огонь» ~ чув. vyt, но ot ~ чув. ыта «трав», ас «голодный» ~ чув. vұса, но ас «открой» ~ чув. ус и т. д.). Утрата слоговой акцентуации произошла, вероятно, после передвижения корневыделительных ударений, при этом указанные изменения возникли в связи с тенденцией языка сохранить функциональную силу корневых элементов.

⁷¹ J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européens. Krakow, 1952.

⁷² А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 210.

⁷³ Там же, стр. 211.

А. И. ЖУРАВСКИЙ

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТЮРКИЗМОВ СТАРОБЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Советское языкознание уделяет все большее внимание изучению взаимодействия между тюркскими и славянскими языками. Этой проблеме были посвящены два симпозиума, проведенных Институтом языкознания Академии наук СССР в Москве (1968) и Минске (1969)*. Симпозиумы признали целесообразность подготовки в ближайшее время специальных словарей тюркизмов в отдельных славянских языках и прежде всего — в восточнославянских, уделив при этом значительное внимание конкретным вопросам составления таких словарей¹.

Составление словарей тюркизмов в славянских языках имеет целью прежде всего дать в руки исследователей конкретный языковой материал для изучения взаимодействия тюркских и славянских языков, или еще более широкой проблемы — взаимоотношений и связей между тюркскими и славянскими народами в различные периоды их истории. Указанной задачей обуславливаются и некоторые особенности построения будущих словарей, прежде всего подбор реестровых слов и способы их лексикографической обработки.

Составление словаря тюркизмов белорусского языка связывается со специфическими задачами, вытекающими из особенностей взаимодействия белорусского языка с тюркскими в разные исторические периоды. Так, например, тюркизмы современного белорусского языка заметно отличаются от лексики тюркского происхождения старобелорусской эпохи как путями проникновения, так и отношением к реальной жизни белорусского населения. Новейшие тюркизмы типа *арба*, *аркан*, *арык*, *аул*, *ашуг* проникают в белорусский язык исключительно через русское посредничество. Их лексико-семантической особенностью является то, что почти все они бытуют в современном белорусском языке на правах экзотизмов и употребляются в художественной литературе преимущественно при описании жизни, быта и обычаев тюркских народов.

В старобелорусский же язык тюркизмы попадали самыми разнообразными путями. Подавляющую их массу составляли слова, несущие сигнификативные нагрузки и выполнявшие на белорусской почве определенные коммуникативные функции. Систематизация и лексикографическая обработка тюркизмов старобелорусского языка по сравнению с

* См. информацию об этих симпозиумах в журнале «Советская тюркология». Баку, 1970, № 3. — *Ред.*

¹ См.: Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. Тезисы докладов второго симпозиума. Минск, 1969.

изучением современных белорусских тюркизмов имеют свои особенности. В связи с этим целесообразно специально остановиться на вопросе отражения старобелорусского лексического материала тюркского происхождения в общем словаре тюркизмов белорусского языка. Отдельному изучению этого вопроса способствует и то обстоятельство, что в связи с подготовкой Институтом языкознания им. Якуба Коласа Академии наук БССР словаря старобелорусского языка учтена большая часть древних тюркских заимствований, тогда как тюркизмы современных белорусских говоров ввиду отсутствия пока еще полного диалектного словаря установлены лишь приблизительно.

Применительно к старобелорусскому языку очень сложным оказывается определение самого понятия «тюркизм». В словарном составе старобелорусского языка имеются слова, заимствованные непосредственно из тюркских языков, главным образом из татарского, в результате прямых военных и хозяйственных контактов, в которые вступали белорусы с татарами в древности. Для старобелорусского периода непосредственными заимствованиями можно считать, например, такие тюркские слова, как *барышъ*, *баскакъ*, *бахматъ*, *боклагъ*, *епанча*, *кабала*, *каланъ*, *камка*, *карачъ*, *кафтанъ*, *кистенъ*, *колпакъ*, *мурза*, *нишанъ*, *ограмакъ*, *олафа*, *орда*, *ормякъ*, *сандчакъ*, *тамга*, *тегилей*, *уланъ*, *улусть*, *уюкъ*, *чалый*, *чамбулъ*, *ярлыкъ*, *ясырь* и др.

С другой стороны, тюркская лексика заимствовалась белорусским языком и через посредничество соседних народов, во многих случаях имевшее эстафетный характер. Через русское посредничество в старобелорусский язык проникли такие тюркизмы, как *булгакъ*, *войлокъ*, *деньги*, *шлыкъ*. По-видимому, через польский язык в белорусский проникли тюркизмы *бехтеръ*, *килимъ*, *кунтушъ*, *сурма*, *чаушъ*, *ярчакъ*. Украинский язык способствовал закреплению в белорусском языке тюркских слов *козакъ*, *сагайдакъ*, *чобанъ*, *яничаръ*. Подобные лексические единицы только условно можно считать тюркизмами, так как в истории формирования словарного состава белорусского языка их роль принципиально ничем не отличается от собственно русизмов, полонизмов и украинизмов. Тюркские слова, проникшие в белорусский язык через последовательное посредничество нескольких языков, почти утратили право быть отнесенными к тюркизмам. Ярким примером такого рода тюркизмов служит слово *гайдукъ*. Проникнув первоначально в венгерский язык, оно было заимствовано польским языком, из которого попало в белорусский. Аналогичный путь, можно предположить, прошли и старобелорусские тюркизмы *белта*, *доломанъ*, *палашъ*, *шишакъ*, *чуга*.

Следует иметь в виду, что через все эти каналы в белорусский язык проникали как исконные тюркские слова, так и тюркские заимствования из других языков. Так, например, греческое слово *αβας* «алмаз» получило распространение в арабском мире, оттуда оно перешло в тюркские языки в форме *elmas* или *almas*, потом было заимствовано русским в форме *алмаз*, а из русского уже перешло в белорусский. Персидское происхождение имеют слова *богатырь*, *дервишъ*, *нефть*, распространившиеся в славянских языках через тюркское посредничество. Таким же образом закрепились в белорусском языке арабизмы *могорычъ* и *кейданы*.

Необходимо отметить, что точно определить понятие «тюркизм» лишь на одном белорусском материале невозможно. Подобное же затруднение возникает и при изучении тюркизмов в других славянских языках. С точки зрения общей теории заимствований тюркизмами сле-

довало бы считать только такие лексические элементы, которые закрепились в белорусском языке в результате непосредственных контактов белорусского населения с тюрками (независимо от истории этих слов в тюркских языках). В этом случае общее количество тюркизмов старобелорусского языка окажется сравнительно небольшим. Однако при современном состоянии изученности словарного состава белорусского языка есть основания относить к тюркизмам все слова, вошедшие в белорусский язык под тюркским воздействием, прямым или косвенным. Включение всех таких слов в словарь тюркизмов будет способствовать более детальному изучению их истории, что в полной мере соответствует и задачам словаря.

Изучение тюркизмов старобелорусского языка неизбежно связано с проблемой установления источников древних тюркских заимствований. В настоящее время почти общепризнанным является предположение о том, что в старину белорусы и украинцы пользовались по существу единым письменным языком. Это обстоятельство создает известные трудности при определении письменных памятников белорусского и украинского языков. Практически национальная принадлежность памятников письменности определяется по одному из трех показателей: месту возникновения памятника, национальности его автора или языковой характеристике. Применение этих критериев варьируется в зависимости от целей и задач исследования. При изучении исторической фонетики и грамматики по письменным источникам первостепенное значение приобретает национальность автора: в памятниках, вышедших из-под пера белорусов и написанных не только на белорусском, но даже на церковнославянском и польском языках, можно обнаружить черты белорусского языка. При установлении же источников белорусского литературного языка правомернее основываться на территориальном критерии, так как исследователя литературного языка интересует вся совокупность языковых средств, употреблявшихся в письменности данного народа, в тот или иной период независимо от особенностей связи между письменным языком и живой народной речью.

Территориального критерия придерживаются и составители словаря старобелорусского языка, поскольку этот словарь они представляют себе как словарь письменного языка белорусов в древний период их истории². Однако этот критерий оказывается недостаточным именно при изучении тюркизмов старобелорусского языка. Дело в том, что определенный слой тюркской лексики зафиксирован в памятниках, хотя и созданных за пределами этнической Белоруссии, но написанных на белорусском языке. Как известно, канцелярским языком Великого княжества Литовского был белорусский³. Этим же языком пользовались в дипломатической переписке также крымские ханы и польские короли. В документах, исходивших из ханских и королевских канцелярий⁴, содержатся тюркизмы как известные по другим письменным памятникам, так и специфичные лишь для данных источников.

Наличие такого рода памятников письменности заставляет несколько расширить критерии их определения как источников для изучения тюркизмов. При составлении словаря тюркизмов белорусского языка, по-видимому, целесообразно использовать материал таких письменных

² Такой подход, иногда вызывающий возражение, обоснован нами в статье «О подготовке словаря старого белорусского языка». — «Вопросы языкознания», 1963, № 4.

³ См.: *Chr. S. Stang*. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935, стр. 163.

⁴ Документы этого рода помещены в публикации «Книга посольская метрики Великого княжества Литовского», т. I—II. М., 1843.

источников, которые, хотя и создавались за пределами Белоруссии, но писались на белорусском языке, так как их авторы в какой-то мере были связаны с Белоруссией политическими и хозяйственными отношениями; а написанные ими документы содействовали распространению и закреплению тюркизмов в белорусском языке.

Совершенно иной характер носит разнообразная мусульманская культовая литература — хамаилы, китабы, тесфиры и тетжвиды, — переведенная на белорусский язык проживавшими в Белоруссии татарами и записанная арабским письмом. Тюркскую лексику из подобных источников нет оснований включать в словарь тюркизмов старобелорусского языка, ибо указанная литература существовала обособленно вне всякой связи с жизнью белорусского населения, а следовательно, и не оказывала воздействия на его язык. А. К. Антонович, исследовавший графико-орфографическую систему перечисленных выше памятников, пришел к выводу, что татарско-мусульманская письменность на белорусском языке не могла служить источником заимствования тюркской лексики живым белорусским языком, так как она носила замкнутый религиозный характер и была совершенно недоступна белорусам, не знавшим арабского письма⁵.

Составителям словаря тюркизмов белорусского языка приходится сталкиваться с тем фактом, что не все тюркские слова, зафиксированные в древних памятниках, имеют одинаковое отношение к словарному составу белорусского языка. Одни из них были заимствованы белорусским языком в связи с необходимостью обозначить новые реалии и понятия, появившиеся в жизни белорусов в результате их экономических и военных контактов с тюрками. Такие тюркизмы, по своей функциональной роли, ничем не отличаясь от исконно белорусских слов, получили широкое распространение в народном белорусском языке, а многие из них сохранились в нем и до нашего времени. Этот основной разряд старинных тюркизмов представлен словами типа: *аламъ, алмазъ, амаилъ, амбаръ, аришнъ, бахматъ, бедевей, бехтеръ, богатырь, булгакъ, бунчукъ, бурый, войлокъ, казна, калека, калита, камка, кантаръ, карбачъ, карый, кафтанъ, кгинчалъ, кейданы, кестень, килимъ, ковчанъ, козакъ, колпакъ, кончеръ, кончукъ, кошъ, кунтушъ, оркишъ, ормякъ, орчакъ, палашъ, сагайдакъ, тегилей, товаръ, торба, тютюнъ, уюкъ, чеканъ, чимбуръ, чоботъ, чуга, шаловары, матеръ, шишакъ, шлыкъ, юхъ* и др.

Вторую группу, меньшую в количественном отношении, образуют так называемые тюркские экзотизмы. Сюда относятся тюркизмы, не связанные с обозначением конкретных реалий и понятий в жизни белорусского населения, а использовавшиеся главным образом в исторической литературе, посвященной восточным народам, поскольку такие слова обычно не поддаются переводу на другие языки: *алхамъ, алкоранъ, баша, кгауръ, килепъ, кумузъ, лиманъ, чаушъ*. Этот разряд тюркизмов не вышел за рамки книжного языка и был доступен лишь узкому кругу образованных читателей. По своей лексико-семантической характеристике к тюркским экзотизмам примыкают и тюркские слова дипломатических документов крымских ханов: *байрамъ, бекъ, нишанъ, ограмакъ, олафа, сандчакъ, улусъ, шерть, юртъ, ярлыкъ*. Тюркизмы этого рода иногда встречаются и в грамотах, адресованных польскими королями крымским ханам: *асаулъ, карачъ, караванъ, оталыкъ, сафаръ, сейтъ, солтанъ, уланъ, чамбулъ*. Особую группу тюркских экзо-

⁵ А. К. Антонович. Восточные слова в так называемых китабах. — «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках». Тезисы докладов второго симпозиума. Минск, 1969, стр. 4.

тизмов образуют тюркизмы, зафиксированные в судебных материалах белорусских татар⁶. В Великом княжестве Литовском судопроизводство велось на белорусском языке независимо от национальности тяжущихся сторон. В тех случаях, когда в судебных процессах участвовали представители татарского населения, в судебные документы, естественно, попадали некоторые татарские слова, связанные со спецификой общественной и духовной жизни татар, например: *дервишъ, кадый, молла, мурза*.

Ввиду семантической и функциональной неоднородности старобелорусских тюркизмов при эксперции их из памятников и дальнейшем отборе для словаря возможны два пути: либо нужно ограничиться только тюркизмами, которые можно квалифицировать как отраженные в письменности лексические факты белорусского народного языка, оставляя без внимания тюркские экзотизмы, либо включать в словарь все тюркизмы, выявленные в обследованных памятниках, независимо от их реального отношения к словарному составу белорусского языка.

Можно считать, что второй вариант во всех отношениях будет более оправданным. Он основывается на двух соображениях: во-первых, по материалам памятников вообще затруднительно делать категорические выводы о фактических сферах употребления того или иного тюркизма в старобелорусском языке; во-вторых, для исторической лексикологии представляет интерес и имеет ценность любой лексический факт, и редкие, единичные слова письменных памятников иногда заслуживают даже более пристального внимания, чем обычные лексические средства языка.

Предварительное ознакомление с тюркским лексическим материалом белорусских письменных памятников показывает, что старобелорусские тюркизмы требуют особого подхода и при их непосредственной лексикографической обработке. В практике лексикографического оформления заимствованной лексики сложилась традиция принимать в качестве заглавных слов исходные заимствованные этимоны, а все дериваты, возникшие на почве заимствующего языка, либо опускать вообще, либо помещать в конце словарной статьи как основное заимствование. Однако в словаре тюркизмов белорусского языка в связи со спецификой материала проблема дериватов должна решаться несколько иначе. В этом словаре в качестве самостоятельных словарных единиц целесообразно помещать как исходные этимоны, так и выявленные в памятниках дериваты, образованные на базе тюркских корневых элементов с использованием собственно белорусских словообразовательных средств — суффиксов и префиксов.

Это вызывается двумя соображениями.

Во-первых, некоторые производные тюркизмы в письменных памятниках иногда отмечаются раньше, чем их производящие основы-этимоны, причем в отдельных случаях такое расхождение во времени оказывается весьма значительным. Например, тюркизм *могорычъ* впервые фиксируется памятником в 1598 году, а производное слово *могоричникъ* — в 1539 году, соответственно *барышъ* (1539) — *барышникъ* (1516), *кабала* (1564) — *кабалный* (1511), *коланъ* (1512) — *коланый* (1497). Такая более ранняя датировка дериватов позволяет с относительной степенью вероятности установить время проникновения в белорусский язык и основных тюркизмов.

Во-вторых, отдельные тюркизмы представлены в письменности только следами в производных формах, тогда как основные тюркизмы —

⁶ Такие материалы содержатся в публикации: «Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Том XXXI. Акты о литовских татарах». Вильна, 1906.

этимоны отсутствуют в памятниках, в связи с чем изучение их истории в белорусском языке наталкивается на большие трудности. Так, например, встречающиеся в белорусских деловых документах конца XV в. производные *ясачникъ* и *ясачный* дают основание предполагать, что в белорусском языке того времени бытовал тюркизм *ясакъ*, который, однако, оказался незафиксированным даже в позднейших памятниках старобелорусской письменности.

Однако при этом надо иметь в виду, что производные могли не только образовываться самостоятельно на белорусской почве, но и заимствоваться в готовом виде из соседних языков — русского, украинского и польского. Типичным примером таких заимствований можно считать производные *ямщикъ* и *ямщина*, проникшие, по-видимому, из русского языка: они отмечаются только в актах, составленных в восточной Белоруссии, которая находилась в более тесных сношениях с русскими землями. В русском языке *ямщик* и *ямщина* образованы от древнего тюркского заимствования *ямъ*, засвидетельствованного древнерусскими памятниками XIII в. Белорусскому языку вряд ли был известен также тюркизм *кочъ*, хотя в памятниках встречаются его производные: *кочевище*, *кочевати*, *выкочевати*, *прикочевати*.

Материал белорусских письменных памятников свидетельствует о том, что в старину в белорусском языке сосуществовали некоторые равнозначные в смысловом отношении, но разные по структуре производные варианты, один из которых образовывался самостоятельно на белорусской основе, а второй заимствовался из соседнего языка. Так, рядом с производным *кочевище*, полностью соответствующим словообразовательной модели белорусского языка, в памятниках отмечается и словообразовательный дублет *кочовиско*, безусловно, польского происхождения. Нет сомнения, что отражение в словаре всех таких производных послужит ценным материалом для тщательного изучения истории тюркизмов в белорусском языке.

В словаре, таким образом, должны найти свое отражение как непосредственные заимствованные тюркизмы, так и их производные, например: *барышъ*—*барышникъ*—*барышовати*, *караванъ*—*караваничикъ*—*караванчикъ*, *козакъ*—*козаковати*—*козацтво*—*козацкий*—*козаччина*—*козакинка*—*по козацку*, *орда*—*ордынский*—*ордынина*, *толмачъ*—*толмачити*—*толмаченье*, *улусъ*—*улусникъ*—*улусный*. В старобелорусском языке особенно продуктивным было образование относительных, притяжательных и качественных прилагательных—разных словообразовательных типов от существительных тюркского происхождения: *богатырь*—*богатырный*, *булгакъ*—*булгачный*, *кабакъ*—*кабачный*, *кабала*—*кабалный*, *китайка*—*китайчатый*, *коланъ*—*коланый*, *мурза*—*мурзинъ*, *сафъянъ*—*сафъяновый*, *тютюнъ*—*тютюнный*, *уюкъ*—*уючный*, *чаушъ*—*чаушовъ*, *юхъ*—*юховый* и т. д.

При составлении словаря тюркизмов белорусского языка приходится решать и проблему вариантов, с которой практически сталкиваются авторы любой лексикографической работы. Несмотря на сравнительно небольшое количество тюркизмов старобелорусского языка (пока выявлено около 140), они характеризуются заметным разнообразием фонетико-орфографических и—в меньшей мере—словообразовательных вариантов, что является следствием разных путей и способов их проникновения в белорусский язык. При этом фонетико-орфографические варианты требуют иного отношения, чем словообразовательные.

В связи с реализацией в памятниках одного и того же тюркизма в нескольких фонетико-орфографических вариантах возникает вопрос:

какой из этих вариантов принимался за основной, открывающий словарную статью, и какие следует признать второстепенными и использовать в качестве ссылочных? В историко-лексикологических исследованиях выделение основного варианта принято определять на основании либо этимологического, либо эмпирического критерия. Например, из вариантов *епанча*, *епонча*, *опанча*, *опонча* и *апанча*, каждый из которых представлен в памятниках почти одинаковым количеством примеров, наиболее близкой к своему этимону является форма *епанча*

(ср. азерб. *јагупзу*), поэтому ее и целесообразно признать основной.

Но этимологический критерий, по-видимому, в ряде случаев должен уступить место эмпирическому, основывающемуся на выделении более распространенной в памятниках формы. Из вариантов *мурза*—*мырза* первый, безусловно, господствует в письменности, хотя другая, совсем редкая форма находится в более близком отношении к своему этимону (ср. тат. *мирза* из перс. *miṛza*). Поливариантностью характеризуются и многие другие тюркизмы: *атаманъ*—*отаманъ*—*отамонъ*—*втамонъ*—*ватаманъ*—*утамонъ*; *баскакъ*—*боскакъ*—*байскакъ*—*бойскакъ*; *бакгазъ*—*бакгазы*—*бакгоза*; *делея*—*делия*—*дилия*—*дылея*; *ерчакъ*—*орчакъ*—*ярчакъ*; *кафтанъ*—*кахтанъ*—*каптанъ*; *кгауръ*—*кауръ*—*гауръ*; *сагайдакъ*—*саадакъ*—*сайдакъ*. В двух фонетико-орфографических вариантах в памятниках зафиксированы тюркизмы: *дервишъ*—*дербышъ*; *ермякъ*—*ормякъ*; *кантаръ*—*кентаръ*; *каланъ*—*коланъ*; *кестень*—*кистень*; *коберець*—*коверець*; *кобенякъ*—*копенякъ*; *сандчакъ*—*санчакъ*; *саранча*—*шаранча*; *сафъянъ*—*зафъянъ*; *товаръ*—*таваръ*; *уланъ*—*вланъ*; *улусъ*—*влусъ*; *юхть*—*юфть*; *яничаръ*—*янчаръ*.

Во всех таких случаях из числа наличных вариантов для заглавного слова целесообразно выбирать форму, либо наиболее распространенную в письменности, либо более близкую к своему этимону. Все же остальные варианты следует помещать после основного в соответствии с алфавитным местом и ссылкой на основную форму.

В противоположность этому в отдельных словарных статьях будут разрабатываться словообразовательные варианты, вроде *карачъ*—*карачий*; *караваничикъ*—*караванчикъ*; *кочевище*—*кочовиско*. Такой подход будет иметь место и в случаях родового различия некоторых тюркизмов: *бедевей*—*бадавея*; *боклагъ*—*боклага*. Безусловно, в отдельных статьях следует разрабатывать стилистически нейтральные тюркизмы и соответствующие слова с диминутивными суффиксами: *боклагъ*—*боклажокъ*; *кабатъ*—*кабати́къ*; *кафтанъ*—*кафтани́къ*; *килимъ*—*килимокъ*; *колпакъ*—*колпачокъ*.

Перечисленными соображениями, конечно, не ограничивается круг проблем, связанных с отражением старобелорусских тюркизмов в общем словаре тюркизмов белорусского языка. Здесь были рассмотрены только некоторые, наиболее важные вопросы, возникающие при предварительном ознакомлении с тюркским лексическим материалом старобелорусских памятников. В процессе непосредственной работы над словарем, безусловно, возникнут и другие лексикографические проблемы, решать которые составителям придется позднее.

А. И. РАБИНОВИЧ

СОЧЕТАЕМОСТЬ СОГЛАСНЫХ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблеме сочетаемости согласных в казахском языке посвящено весьма ограниченное количество небольших по объему работ¹, и до сих пор этот вопрос остается нерешенным. Эта важная область казахской фонетики остается все еще недостаточно разработанной.

Сочетания согласных в казахском языке устанавливались на основе теоретически построенных моделей сочетаемости, которые выверялись затем по словарям и текстам. Принимались во внимание не только исходные формы слов, но и парадигматические классы морфем.

Законы сочетаемости согласных казахского языка рассматриваются нами на уровне звуковых цепей, под которыми понимаются «последовательности звуков речи, отделяемые друг от друга более или менее значительными паузами»².

Дистрибуция звуков казахского языка исследуется нами на уровне классов и подклассов. Таким образом, слово «кілтші» [kiltʃi] может быть изображено в виде класса символов CVCCCV (где C символизирует любой согласный, а V — любой гласный) или в виде подкласса символов TVRTSV (где через T обозначается любой смычный, через R — любой сонант, через S — любой спирант).

Консонантный элемент в звуковых цепях тюркских языков довольно ограничен. Так, например, в каракалпакском языке, генетически наиболее родственном казахскому, консонантный коэффициент составляет всего 1,36³. Этот фактор обусловлен тем, что многим тюркским языкам, в частности казахскому, не свойственны скопления согласных в начале и конце слова. Дистрибутивная система казахского языка обуславливает и специфическую структуру слога. Слоговые модели казахского языка представлены всего шестью разновидностями: 1) V; 2) CV; 3) VC; 4) SVC; 5) VCC; 6) CVCC. Варьирование слогов в пределах слова определяет характерную особенность звуковых цепей.

Ниже анализируются звуковые последовательности в зависимости от занимаемых ими позиций — интервокальной и финальной. Консонантные сочетания в инициальном положении не могут быть рассмотрены, так как

¹ С. К. Кенесбаев. Қазіргі қазақ тілінің буын категориялары. — «ҚазССР Ғылым академиясының хабаршысы», 1954, № 1; С. К. Кенесбаев. Раздел «Фонетика». — В кн.: «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 66—69; М. Раимбекова. Сочетание согласных фонем в казахском языке. — Сб. «Фонетика казахского языка». Алма-Ата, 1969, стр. 108—113.

² В. В. Шеворощкин. Звуковые цепи в языках мира. М., 1969, стр. 3.

³ В. А. Никонов. Фоностатистическое измерение междязыковых расстояний. — Сб. «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 289.

в казахском языке «стечения согласных в начале слова не встречаются...»⁴.

1. Сочетаемость казахских согласных в середине слова

1. Больше половины парных интервокальных сочетаний в казахском языке образуют комбинации, в которые в качестве первого или второго элемента входят сонанты. Ниже рассматривается последовательность, состоящая из двух сонантов (тип -RR-):

	m	n	l	r	w
m			+		
n	+				
ŋ			+		
l	+				
r	+	+	+	+	+
j	+	+	+	+	
w	+		+	+	

Как видно из таблицы, не все сонанты могут участвовать в сочетаниях типа -RR-. Так, например, в качестве первого члена последовательности -RR- не может функционировать сонант /m/ (за исключением позиции перед /l/), сонант /ŋ/ выступает только перед /l/, согласный /n/ функционирует только в позиции перед /m/, а сонант /l/ может появляться только перед согласными /m/ и /w/. Что касается сонорного /w/, то он является первым членом последова-

тельности только в сочетании с сонантами /m, l, r/. Сонанты, выступающие в качестве второго элемента парного интервокального сочетания, также подвержены некоторым ограничениям. Например, сонанты /ŋ, j/ полностью исключаются из последовательности -RR-, так как они не следуют ни за одним из сонантов. Остальные сонорные, сочетаясь между собой, образуют следующие комбинации:

1. -ml-: мемлекеттік [memlekettik]
2. -nm-: менмендік [menmendik]
3. -ŋl-: сінлі [sinli]
4. -lm-: жалмау [zalmaw]
5. -lw-: балуан [balwan]
6. -rm-: арман [arman]
7. -rn-: кернеу [kernew]
8. -rl-: қарлы [qarly]
9. -rr-: зәрредей [zärredej]
10. -rw-: шаруа [sarwa]
11. -jm-: қаймақ [qaimaq]
12. -jn-: ойна [ojna]
13. -jl-: сайлау [sajlaw]
14. -jr-: қайрат [qajrat]
15. -wm-: Тауман [tawman]
16. -wl-: баулу [bawlu]
17. -wr-: тереуін [tegeurin]

2. Более значительный в количественном отношении набор комбинаций представляют сочетания типа -RT-, состоящие из сонанта и смычного.

	p	t	k	q	b	d	g
m	+	+	+	+	+	+	+
n		+	+	+	+	+	+
ŋ		+	+	+	+	+	+
l	+	+	+	+	+	+	+
r	+	+	+	+	+	+	+
j	+	+	+	+	+	+	+
w				+	+	+	+

Ограничения, касающиеся некоторых консонантных последовательностей, распространяются на небольшое число фонем. Так, сонант /n/ не выступает в позиции перед смычными /p/, /q/; сонант /ŋ/ не сочетается со смычным /p/. Сонант /w/ подвержен значительным ограничениям с точки зрения его участия в качестве первого члена сочетания типа -RR-. Исключение составляет смычный /g/, перед которым функционирует сонант /w/.

Сочетания сонантов со смычными могут быть проиллюстрированы на следующих примерах:

1. -mp-: кемпір [kempir]
2. -mt-: тамтық [tamtyq]
3. -mk-: мүмкін [mümkın]
4. -mq-: қамқа [qamqa]
5. -mb-: домбыра [dombyra]
6. -md-: адамдық [adamdyq]
7. -mg-: кәдімгідей [kädimgidej]
8. -nt-: көнтек [köntek]
9. -nk-: зыянкес [zyjankes]
10. -nb-: жанбас [zanbas]
11. -nd-: ендірі [jendigi]
12. -ng-: мінгесу [mingesuw]
13. -nt-: қантар [qantar]

⁴ С. К. Кенесбаев. Раздел «Фонетика», стр. 66.

14. - η k-: кен₁кiлдеу [kenkildew]
 15. - η q-: ма₁н₁қа [ma₁ŋqa]
 16. - η b-: зен₁бірек [zenbirek]
 17. - η d-: едірен₁деу [jedirendew]
 18. - η g-: ден₁гей [dengej]
 19. -lp-: жалпы [zalpy]
 20. -lt-: елтен [jeltēn]
 21. -lk-: кілкілдеу [kilkildew]
 22. -lq-: жалк₁ау [zalkaw]
 23. -lb-: жалбыр [zalbyr]
 24. -ld-: жалдама [zaldama]
 25. -lg-: елгезек [jelgezēk]
 26. -rp-: сорпа [sorpa]
 27. -rt-: ертен₁ [jertēn]
 28. -rk-: еркін [jerkīn]
 29. -rq-: жабырк₁ау [zabyrqaw]
 30. -rb-: дербек [derbek]
 31. -rd-: мардым [mardym]
 32. -rg-: ергіш [jergis]
 33. -jp-: бейпіл [bejpil]
 34. -jt-: тәйтк [tājtik]
 35. -jk-: тәйке [tājke]
 36. -jq-: айкап [ajqap]
 37. -jb-: бейбақ₁ [bejbāq]
 38. -jd-: майда [majda]
 39. -jg-: айгөлек [ajgölek]
 40. -wg-: жаугер [zawger]

	s	z	v s	v z	γ
m	+	+	+	+	+
η	+	+	+	+	+
l	+	+	+	+	+
r	+	+	+	+	+
j	+	+	+	+	+
w	+	+	+	+	+

3. Большое количество консонантных комбинаций дает тип сочетаний -RS-, состоящий из сонанта и спiranта. Однако здесь также обнаруживаются ограничения, распространяющиеся на некоторые фонемосочетания. Из матрицы видно, что парных комбинаций не образуют следующие сонанты и спiranты: /m—z/, /m—γ/, /n—z/, /η—z/, /l—z/, /w—z/, /w—z/. Остальные сонанты, сочетаясь со спiranтами, образуют следующие комбинации:

1. -ms-: кемсiтy [kemsituw]
 2. -mz-: адамзат [adamzat]
 3. -ms-: емшi [jemsī]
 4. -ns-: қансырау [qansyraw]
 5. -ns-: егіншi [jeginsī]
 6. -nz-: енжар [jenzar]
 7. -ny-: онға [onɣa]
 8. -ns-: кеңсе [keŋse]
 9. -nz-: мензеу [meŋzew]
 10. -ns-: заншыл [zaŋsyɫ]
 11. -ny-: данғыл [daŋɣyɫ]
 12. -ls-: малсақ₁ [malsaq]
 13. -ls-: малшы [malsy]
 14. -lz-: малжын [malzyn]
 15. -ly-: талғақ₁ [talɣaq]
 16. -rs-: ырсыл [yrsyl]
 17. -rz-: арзан [arzan]
 18. -rs-: шаршы [sarsy]
 19. -rz-: ыржан [yrzan]
 20. -ry-: жоғарғы [zoɣarɣy]
 21. -js-: қайсы [qajsy]
 22. -jz-: байзақ₁ [bajzaq]
 23. -js-: қойшы [qojsy]
 24. -jz-: бейжан [bejzan]
 25. -jy-: байға [bajɣa]
 26. -ws-: баусыз [bawsyz]
 27. -ws-: баяндаушы [bajandawsy]
 28. -wy-: тауға [tawɣa]

4. Сочетания смычных и сонантов (тип -TR-) достаточно широко не представлены в казахском языке.

	m	n	l	r
t	+	+		
q	+		+	
b			+	+

Большая часть согласных (как смычных, так и сонантов) ограничена в возможности образовывать парные комбинации. Только шесть пар согласных осуществляют сочетания типа -TR-⁵:

1. -tm-: итмұрын [ijtmuryn]
 2. -tn-: қатнас [qatnas]
 3. -qm-: тоқмейіл [toqmejil]
 4. -ql-: мақлұқ₁ [maqluq]
 5. -bl-: қаблан [qablan]
 6. -br-: аброй [abroj]

⁵ Нельзя согласиться с выводами М. Раимбековой, полагающей, что сочетания звонких и глухих согласных с сонорными невозможны в казахском языке (см.: М. Раимбекова. Указ. раб., стр. 113). Фактические данные подтверждают обратное.

5. Последним из парных интервокальных сочетаний, в которые входит сонант, является тип -SR-, состоящий из спираанта и сонанта.

	m	n	l	ɾ
s				+
z	+			
v				
ʒ		+	+	
ɣ		+	+	

Незначительное количество комбинаций, а также примеров, иллюстрирующих последовательности типа -SR-, вызвано тем, что лексемы, включающие указанные консонантные сочетания, являются в основном арабо-иранскими заимствованиями, давно получившими право гражданства в казахском словарном фонде, но тем не менее мало распространенными. В связи с этим с полной уверенностью можно констатировать наличие в казахском языке консонантных сочетаний типа -SR-⁶.

1. -sr-: ысрап [ysrap]
2. -zm-: мазмұн [mazmun]
3. -zn-: мәжімұн [mäznün]

4. -zl-: мәжіліс [mäzlis]
5. -yn-: мағна [maɣna]
6. -yl-: мағлұмат, бағлан; [maɣlumat], [baylan].

6. Интервокальные сочетания смычных со смычными — тип -TT- — представляют в казахском языке достаточно обширную группу. Ограничения, касающиеся сочетаний типа -TT-, проявляются довольно закономерно.

	p	b	t	d	k	q	g
p	+		+		+	+	
b		+		+			
t	+		+		+	+	
d		+		+			
k	+		+		+	+	
q	+		+			+	
g		+		+			

Так, например, невозможны комбинации, где первым элементом являлся бы звонкий смычный, а вторым — глухой.

Нами отмечена возможность сочетания тождественных согласных: -tt-, -dd-, -kk-, -qq-. Следует учесть, что данные комбинации не являются «полноправными» консонантными сочетаниями, так как наибольший интерес представляют сочетания согласных, относящихся к разным категориям. Указанные звукосочетания реализуются в речи в виде одного геминированного согласного. В связи с этим обнаруживается, что смычный /d/ ни с каким другим смычным не образует сочетания, выступая в качестве первого элемента, за исключением соединения с тождественным согласным /d/. Звонкий /b/ образует комбинацию только со смычным /d/.

Сочетания типа -TT- могут быть проиллюстрированы на следующих примерах:

1. -pp-: жаппа [zappa]
2. -pt-: ептеу [jeptew]
3. -pk-: тепкі [tepki]
4. -pq-: шапқы [sapqy]
5. -bd-: ебдей [jebdej]
6. -tp-: сатпақ [satpaq]
7. -tt-: оттық [ottyq]
8. -tk-: өткен [ötken]
9. -tq-: шатқал [satqal]

10. -dd-: мүдде [müdde]
11. -kp-: көкпек [kökpek]
12. -kt-: түкті [tükti]
13. -kk-: киліккіш [kijikkis]
14. -kq-: көккіасқа [kökqasqa]
15. -qp-: дақырт [daqpyrt]
16. -qt-: абақты [abaqty]
17. -qq-: соққы [soqqy]
18. -gb-: дегбір [degbir]
19. -gd-: ерде [jegde]

7. Последовательности, состоящие из смычного и спираанта, образуют сочетания типа -TS-. В отношении ограничений здесь действуют те же основные закономерности, что и в сочетаниях типа -TT-, то есть глухие и звонкие согласные исключают друг друга.

⁶ См.: М. Раимбекова. Указ. раб.

	s	z	^v s	^v z
p	+		+	
b		+		+
t	+		+	
k	+		+	
q	+		+	

При анализе сочетаний типа -TS- обнаруживается, что смычные согласные /d, g/ не могут быть первыми членами парных интервокальных последовательностей, а спирент /ɣ/ — вторым членом. Значительно ограничены в участии также спиренты /z, z/, могущие выступать только в позиции за смычным /b/.

Таким образом, смычные и спиренты, объединяясь в последовательность -TS-, образуют следующие 10 комбинаций:

1. -ps-: сапсыю [sapsyjuw]
2. -ps-: тепшу [tepsuw]
3. -bz-: абзалы [abzaly]
4. -bz-: абжан [abzan]
5. -ts-: бағытсыз [bayytsyz]
6. -ts-: бейбітшілік [bejbıtsılık]
7. -ks-: сексен [seksen]
8. -ks-: екшеу [jeksew]
9. -qs-: тоқсан [toqsan]
10. -qs-: ықшам [yqsam]

8. Модель, обратную описанной, создают сочетания спирента и смычного (тип -ST-). Ограничения сочетаемости проявляются здесь так же закономерно, как и в предыдущих двух типах, то есть глухие и звонкие согласные исключают друг друга.

	p	b	t	d	k	q	g
s	+		+		+	+	
z		+		+			+
^v s	+		+		+	+	
^v z		+		+			+
ɣ				+			

Некоторым ограничениям подвержен спирент /ɣ/, не функционирующий перед /b, d/, а также смычный /g/, не выступающий после /z, ɣ/.

Остальные согласные, сочетаясь между собой, образуют следующие комбинации:

1. -sp-: жоспар [zospar]
2. -st-: ысталу [ystaluw]
3. -sk-: кескек [keskek]
4. -sq-: адасқан [adasqan]
5. -zb-: қазба [qazba]
6. -zd-: кездесу [kezdeseuw]
7. -zg-: безрек [bezgek]
8. -sp-: ашпа [aspa]
9. -st-: бағыштау [bayystaw]
10. -sk-: көшкін [köskin]
11. -sq-: ышкыну [ysqynu]
12. -zb-: күжбан [küjban]
13. -zd-: еждеме [jezdeme]
14. -ya-: бағдар [baydar]

9. Последним типом парных интервокальных комбинаций, возможных в казахском языке, является сочетание из двух спирентов (тип -SS-).

	s	z	^v s	ɣ
s	+		+	
z		+		+
^v s			+	
ɣ		+		+

Спиренты сочетаются между собой на основе тождественности по оппозиции «глухость—звонкость», то есть глухие с глухими, звонкие — со звонкими. Однако многие согласные подвергаются значительным ограничениям в сочетаемости. Так, спирент /s/ не может быть первым, а спирент /z/ — вто-

рым членом в парной консонантной последовательности. Спирент /z/ в качестве первого члена также ограничен в сочетаемости — он функционирует только перед /ɣ/. Остальные согласные образуют следующие комбинации:

1. -ss-: ыссы [yssy]
2. -ss-: қосшы [qossy]
3. -zz-: ләззат [läzzat]
4. -zy-: сызғыш [syzyys]
5. -zy-: шыжғыру [syzyruw]
6. -yz-: бағзы [bayzy]

Следует оговориться, что сочетания -ss-, -zz- произносятся единым артикуляторным движением, поэтому они могут быть рассмотрены не только как комбинация согласных, но и как одна гемината.

10. Типы трехчленных интервокальных последовательностей в казахском языке весьма ограничены. Они состоят главным образом из финальной комбинации (закрывающей в себе сонант или смычный), к которой примыкает третий элемент (спирант или смычный), входящий в состав суффикса, присоединяющегося к корневой морфеме. Ниже рассмат-

	p	t	k	q
nt		+		
ηk		+		
ηq		+		
lt	+	+		
rt	+	+	+	+
jt	+	+	+	+

риваются трёхчленные сочетания типа -RTT-. Как видно из матрицы сочетаемости согласных, наиболее активными комбинациями -RT-, сочетающимися с аффиксальным смычным, являются последовательности -rt и -jt. Из смычных, примыкающих к последовательностям -RT-, самым употребительным, оказывается согласный — /t/. Таким образом, сочетания типа -RTT- образуют следующие комбинации:

1. -ntt-: қ₁антты [qantty]
2. -ηkt-: рен₁кті [reŋkti]
3. -ηqt-: дан₁қы [danqy]
4. -ltt-: кілтпен [kiltpen]
5. -litt-: кілтті [kiltti]
6. -rtt-: тартпа [tartpa]
7. -rtt-: шартты [sartty]

8. -rtk-: түрткі [türtki]
9. -rtq-: омыртқа [omyrtqa]
10. -jtp-: айтпа [ajtpa]
11. -jtt-: айтты [ajtty]
12. -jtk-: жүйткү [züjtküw]
13. -jtq-: айтқан [ajtqan]

11. Вторым, и последним, типом трехчленных комбинаций в середине казахского слова является сочетание финальной группы -RT со спиран-

	s	v s
nt	+	
ηk	+	
ηq	+	
lt	+	
rt	+	+
jt	+	

том аффикса, примыкающего к корневой морфеме. Неограниченное участие спиранта /s/ в трехчленной последовательности -RTS- объясняется высокой частотностью употребления суффикса -сыз/-сіз, выражающего отрицание и примыкающего ко всем морфемам, оканчивающимся на последовательность

-RT. Спирант /s/ более ограничен в участии, так как в семантическом плане этот согласный выступает в

основном в составе суффикса -шы/-ші, выражающего принадлежность субъекта к профессии, специальности (ср., напр., балык₁ «рыба», балык₁-шы «рыбак» и т. д.).

Трехчленная интервокальная сочетаемость согласных типа -RTS- может быть проиллюстрирована на следующих примерах:

1. -nts-: қ₁антсыз [qantsyz]
2. -ηks-: рен₁ксіз [reŋksiz]
3. -ηqs-: дан₁қысыз [danqsyz]
4. -lts-: бұлтсыз [bultsyz]
5. -lts-: кілтші [kiltši]
6. -rts-: мұртсыз [murtсыз]
7. -rts-: жұртшылық₁ [zurtsylyq]
8. -jts-: айтседе [ajtsede]

Таким образом, консонантные сочетания в середине казахских слов образуют следующие комбинации согласных:

а) Двухчленные

1. -RR-	-ml-, -nm-, -ηl-, -lm-, -lw-, -rm-, -rn-, -rl-, -rr-, -rw-, -jm-, -jn-, -jl-, -jr-, -wm-, -wl-, -wr-
2. -RT-	-mp-, -mt-, -mk-, -mq-, -mb-, -md-, -mg-, -nt-, -nk-, -nb-, -nd-, -ng-, -ηt-, -ηk-, -ηq-, -ηb-, -ηd-, -ηg-, -lp-, -lt-, -lk-, -lq-, -lb-, -ld-, -lg-, -rp-, -rt-, -rk-, -rq-, -rb-, -rd-, -rg-, -jp-, -jt-, -jk-, -jq-, -jb-, -jd-, -jg-, -wg-

3. -RS-	-ms-, -mz-, -ms-, -ns-, -ns-, -nz-, -ny-, -ηs-, -ηz-, -ηs-, -ηy-, -ls-, -ls-, -lz-, -ly-, -rs-, -rz-, -rs-, -rz-, -ry-, -js-, -jz-, -js-, -jz-, -jy-, -ws-, -ws-, -wy-.
4. -TR-	-tm-, -tn-, -qm-, -ql-, -bl-, -br-.
5. -SR-	-sr-, -zm-, -zn-, -zl-, -yn-, -yl-.
6. -TT-	-pt-, -pk-, -pq-, -bd-, -tp-, -tt-, -tk-, -tq-, -dd-, -kp-, -kt-, -kk-, -kq-, -qp-, -qt-, -qq-, -gb-, -gd-, -pp-.
7. -TS-	-ps-, -ps-, -bz-, -bz-, -ts-, -ts-, -ks-, -ks-, -qs-, -qs-.
8. -ST-	-sp-, -st-, -sk-, -sq-, -zb-, -zd-, -zg-, -sp-, -st-, -sk-, -sq-, -zb-, -zd-, -yd-.
9. -SS-	-ss-, -ss-, -zz-, -zy-, -zy-, -zz-.

б) Трехчленные

1. -RTT-	-ntt-, -ηkt-, -ηqt-, -ltp-, -litt-, -rtp-, -rtt-, -rtk-, -rtq-, -jtp-, -jtt-, -jtk-, -jttq-.
2. -RTS-	-nts-, -ηks-, -ηqs-, -lts-, -lts-, -rts-, -rts-, -jts-.

II. Сочетаемость согласных в конце казахского слова

1. Финальные комбинации согласных представлены в казахском языке весьма ограниченно. Лексемы, содержащие в себе двухчленные финальные последовательности, характеризуются крайне низкой частотностью. Сочетания, более чем из двух согласных в казахском языке отсутствуют.

2. Первым из двух типов финальных консонантных сочетаний является комбинация из сонанта и смычного (тип -RT). Как сонанты, так и смычные подвергаются некоторым ограничениям в их сочетаемости и в последовательности.

	p	t	k	q
m	+			
n		+		
ŋ			+	+
l	+	+	+	+
r		+	+	+
j		+		

Сонант /w/ полностью исключается из анализа, так как он не образует сочетаний ни с одним из смычных. Кроме того, смычные /t, k, q/ не функционируют в позиции за сонантом /m/, а смычные /p, k, q/ — за сонантом /n/. Сонорный /ŋ/ не выступает первым членом перед смычными /p, t/, сонант /r/ перед /p/, а /j/ перед /p, k, q/. Остальные согласные, сочетаясь между собой, образуют следующие комбинации:

1. -mp: күмп [kümp]
2. -nt: қант [qant]
3. -ŋk: ренік [reŋk]
4. -ŋq: даңқи [daŋq]
5. -lp: жалп [zalp]
6. -lt: салт [salt]
7. -lk: кілк [kil̥k]
8. -lq: сылқи [syl̥q]
9. -rt: ымырт [ymyrt]
10. -rk: күрк [kürk]
11. -rq: қарқи-қарқи [qarq-qarq]
12. -jt: шөлейт [šölejt].

3. Вторым, и последним, типом финальных сочетаний в казахском языке является последовательность, состоящая из сонанта и спираанта

	s	^v s
m		
n		
ŋ		
l		+
r	+	+
ʃ		
w		

(тип-RS). Большинство согласных не могут образовывать сочетания указанного типа. Исключение составляют плавные /l, r/, которые, сочетаясь со сплантами /s, s/, образуют финальные последовательности типа -RS. Лексемы, в которых заключены данные консонантные комбинации, весьма редки в казахском языке. Главным образом они представляют собой звукоподражательную лексику:

1. -ls: к^vалш-к^vалш [qals-qals] «дрожать от холода»
2. -rs: тарс [tars] «стук»
3. -rs: к^vарш-к^vарш [qars-qars] (звукоподражание лязгу, скрипу)

Данные комбинации можно отнести к аномальным консонантным сочетаниям в казахском языке, так как они встречаются только в лексемах с «экспрессивной» окраской⁷.

Таким образом, парные финальные сочетания согласных в казахском языке ограничиваются двумя типами, благодаря которым образуются следующие консонантные комбинации:

1. -RT -mp, -nt, -ŋk, -ŋq, -lp, -lt, -lk, -lq, -rt, -rk, -rq, -jt.

2. -RS -ls, -rs, -rs.

⁷ По вопросу аномальных сочетаний фонем подробней см.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 284—286.

М. И. БОРГОЯКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА «МОЛОЧНЫЙ»

В нижней части Днепра есть две реки, имеющие одинаковое название — «Молочная». В топонимическом словаре В. А. Никонова об этом гидрониме сказано следующее: «Молочная — р. в Приазовье (ранее Токмак, теперь Токмак один из её истоков). Названа за мутноватый **«молочный цвет воды»** (подчеркнуто нами. — М. Б.). Другая река с тем же названием — приток р. Рось в правобережье Днепра»¹. Таким образом, по мнению автора словаря, упомянутые реки названы молочными за цвет воды.

На территории Южной Сибири, Казахстана и в ряде других районов страны встречаются гидронимы, в состав которых также входят слова, переводящиеся как «молочный, -ая, -ое». В Казахстане, например, есть наименование Сүттігенді — ур. Молочный или Сүттібулак — родник с высоким дебитом воды (букв. «Молочный родник»)². В Туве имеются река Бай-Сөйт и озеро Сүт-хөл³. Последнее название некоторыми авторами переводится опять-таки как «Молочное озеро»⁴.

Из приведённых примеров видно, что слова сүтт, сөйт, сүт и в этих случаях понимаются в смысле «молочный», ибо сүт (сөт, сот, сут, суд, үт, сүт, сүйт)⁵ в различных тюркских языках означает «молоко».

Между тем в процессе изучения некоторых топонимов Хакасии, автор настоящей статьи пришёл к выводам, которые расходятся с мнением В. А. Никонова относительно происхождения рассматриваемого гидронима.

В Хакасии имеются родники и урочища, в состав названий которых входит слово sūt (в сагайском диалекте) или sōt (в качинском диалекте). В обоих случаях гласная в этом слове — долгая и образована в результате выпадения интервокального согласного звука.

В долине реки Тея есть лог, в котором имеется родник. Он носит название Хага Sūt. Неподалеку от реки Туим находится урочище Азах Sōt и село с тем же названием (другое его название Малый Спирин). Ниже места слияния рек Белый Июс и Черный Июс (хак. уус) расположено другое урочище, называемое sōttig. В Березовском районе Красно-

¹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 272.

² Г. К. Конкашаев. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963, стр. 104.

³ Тувинско-русский словарь. М., 1968, стр. 637, 642.

⁴ Тувинские народные сказки. Кызыл, 1964, стр. 5.

⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. I, стр. 600; С. Е. Малов. Язык жёлтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 104—106; Туркменско-русский словарь. М., 1968, стр. 597.

ярского края правый приток реки Березовки, впадающий в реку Чулым, также носит название Сютик.

Что же по-хакасски означает слово *sōt* или *sūt*? По данным хакасско-русского словаря, *sōt* (бот.) «тальник», а *sōttig* — «место, поросшее тальником»⁶. В качинском диалекте различные виды тальника носят следующие названия: *ax sōt*, *хага sōt*, *сагыγ sōt*, *sibet sōt*. В Койбальской степи имеется местность, носящая название *Kizek sōt cazyzy*, что буквально означает «степь с тальниковым кустом». *Sōttig* или *süttig*. (в котором *tig* — аффикс обладания), значит «место, поросшее тальником».

В Словаре Махмуда Кашгари слово это зафиксировано в нестяженном виде: *сöкүт* — «ива, тал»; *сöкүтлүк* — «местность, где растёт ива, ивняк»⁷.

В нестяженном виде слово это сохранилось и в современных тюркских языках: *сöгет* — «гора, долина, родник»; *сюгеты* — «верба» (кирг.)⁸. В словаре В. В. Радлова сообщается: *сöйт* (азерб.) = *сöjüt* «ива»; *сöгут* (уйг., кирг.) = *сöйт*, *сöгат* «ива»; *сүгут* (крымск.) = *сöгут*, *сöjüt* «тополь»; *сöт* (койб.) = *сöjüt*; *сöjütlyк* (осм.) «место, обросшее ивами»⁹. В языке желтых уйгуров *сöгут* — «название дерева (ива?)»; *сöгут кол* — «река на северо-западе от кумирни Сахкыс»¹⁰. В туркменском «ива» — *сöвүт*. В Якутии встречаются: *уут күөл* «молочное озеро» (*уут* «молоко»); *Талах-таах күөл* «таловое озеро» (*таллах* «тал»); *Бас күөл* «сосновое озеро»¹¹.

В современном хакасском языке это слово употребляется только в стяжённой форме и имеет долгий гласный в середине. В якутском языке *уот* «ива» и *уут* «молоко».

По-видимому, ещё в древности *sögüt* или *söjüt* в ряде случаев преобразовались в *sōt* или *sūt* (*сүйт*). Впоследствии стяженная форма *sūt/sōt* развилась в *süt/söt*, т. е., как это нередко наблюдается в тюркских языках, долгота гласного постепенно исчезла. То же, к примеру, произошло со словом «сын», которое в тюркских языках бытует в трёх вариантах: 1) *oγul*; 2) *öl, ul*; 3) *ul*. Развитие шло по линии: *oγul > öl/ul > ul*. Последний сокращённый вариант бытует в казахском языке. То же случилось и со словом *бигиз* (узб.) *> биз* (туркм.) и *бис* (тув.) *> pis* (хак.) «шило». В хакасском языке долгий *i* развился в краткий *i*¹².

Как уже отмечалось, рассматриваемый гидроним встречается в сокращённых и несокращённых формах в Туве: *Сут-хөл* и *Бай-сöйт*. В хакасском языке слово это сохранило долгий гласный, а в казахском оно бытует параллельно в двух формах: *сутти булак* и *сöгетi*, т. е. в стяжённой и нестяжённой. В данном случае мы являемся свидетелями действия закона неравномерности развития долгих и кратких гласных в тюркских языках. Таким образом, одно и то же слово, подвергнувшееся стяжению ещё в древности, может одновременно бытовать в современных тюркских языках и их диалектах в нестяжённом варианте.

⁶ Хакасско-русский словарь. М., 1953, стр. 197.

⁷ Девону луғат-ит тюрк. Индекс — луғат. Тошкент, 1967, стр. 229.

⁸ Г. К. Конкашпаев. Указ. соч., стр. 103.

⁹ В. В. Радлов. Указ. соч., стр. 569, 576, 580, 581, 584, 800.

¹⁰ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 104.

¹¹ К. Ф. Гриценко. Из якутской топонимики. — Сб. «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 197—198.

¹² Подробнее об этом см.: М. И. Боргояков. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. — «Ученые записки» Хакасского НИИЯЛИ, вып. XII. Абакан, 1966, стр. 81—98.

Видимо сокращённый вариант рассматриваемого гидронима фонетически давно совпал со словом *sūt* «молоко» (в туркм. *сүйт*), в результате чего образовался омоним, а первоначальное значение слова — «ива» — вытеснилось. В дальнейшем произошло его практическое переосмысление по сходству звучания, и гидроним стал толковаться в народе в значении «молочный». Можно предположить, что в низовьях Днепра в результате контактов тюрков с русским населением произошла топонимическая калька на русской почве. Так, видимо, появились «молочные» реки и в других местах, где когда-то проживали или проживают сейчас тюркоязычные народы.

Выражение «молочные реки» импонировало людям, так как ассоциировалось в их представлении с изобилием. Став популярным, оно перешло постепенно и в фольклор, как символ земли обетованной, где «реки молочные, берега кисельные»... Такое же происхождение имеют, по всей видимости, «молочные озера» в тувинском, хакасском и якутском фольклорах.

В одной из хакасских богатых поэм, например, говорится:

Сүттүг көл хазына читгилер.
Суттүг көлүн, хазында полтыр
Алтын пурлүг пай хазын, өстір.
Анын, көлеткیزیне кирдiler.
Анда сөдерлеп турчалар.

В переводе это означает:

«К молочному озеру прибыли.
У молочного озера была
Ветвистая берёза, с листьями золотыми росла.
В тень её вошли они,
Там, прохладаясь, стоят»¹³.

Выражение *сүттүг көл* «молочное озеро» встречается и в хакасских (сагайских) шаманских текстах: ...*Сүбүр тагда одын, оттан, сүттүг көлде сугадын, ал!*¹⁴, «Пасись на горе Сюбюр, водопой имей на молочном озере». Случайно или нет, но в слове *сүттүг* в первом слоге обозначена долгота гласного, в других случаях слово это у Н. Ф. Катанова даётся без знака долготы.

В Хакасии имеется также *Айран көл* «Айрановое озеро» (*айран* — напиток, приготовляемый из кислого молока), которое ранее, согласно преданию, называлось *Хан көл*.

«Некоторые сказители (якутские) своей современной родине дают особо лестное прозвище «Молочная река», — писал Г. В. Ксенофонтов¹⁵. В этом случае также наблюдается переосмысление стяженного варианта слова *уот* «ива», хотя он ещё окончательно не совпал с *уут* «молоко» в якутском языке. В Хакасии имеется река *Уут* (левый приток Теи).

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что первоначальное значение гидронима *sūt* (*sūt*) было не «молоко» или «молочный» цвет, а «ива», «тальник».

¹³ Сб. «Алыптыг ныхахтар». Абакан, 1951, стр. 123.

¹⁴ Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племён, т. IX. СПб., 1907, стр. 585.

¹⁵ Г. В. Ксенофонтов. Урангхай—сахалар. Иркутск, 1937, стр. 160.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

М. А. УНГВИЦКАЯ

ПРОБЛЕМА ФОЛЬКЛОРИЗМА В ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

(К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Важность изучения проблемы соотношения письменных и фольклорных традиций для любой литературы не подлежит сомнению. Советская наука решает эту проблему, опираясь на марксистскую методологию и обширный фактический материал. И. С. Брагинский делает акцент на методологии исследования данного вопроса и пишет: «Актуальность исследования народного творчества прямо вытекает из марксистского учения о решающем значении народных масс в историческом процессе»¹.

Система воззрений на проблему фольклоризма в целом в трудах ученых-тюркологов разработана недостаточно.

В дореволюционной тюркологии попытки рассмотреть эту проблему в широком теоретическом плане не предпринимались. Мы не знаем специальных теоретических работ (подобных, например, трудам А. Н. Веселовского), в которых рассматривались бы вопросы соотношения фольклора тюркских народов и памятников древнетюркской письменности. Дореволюционные тюркологи ограничивали свою задачу сбором, записью и исследованием отдельных образцов народного поэтического творчества и памятников древней рунической письменности. В процессе этой работы русской тюркологией был накоплен солидный материал, к которому советские и зарубежные тюркологи обращаются и в наши дни.

Ученые-тюркологи многих стран неизменно обращаются, например, к многотомному труду акад. В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен»². Заслуженным авторитетом среди ученых пользуются труды А. Шифнера³ по хакасскому, Н. Я. Никифорова⁴ по алтайскому, И. А. Худякова⁵ по якутскому фольклорам. Во многих трудах зарубежных тюркологов, в частности в широко известной обстоятельной монографии Чэдвиков «Развитие литературы»⁶, фольклор тюркских народностей исследуется почти исключительно на основе названного

¹ И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, стр. 7.

² W. W. Radloff. Proben der volksliteratur türkischer stämme, B. I—VIII, St. Pb., 1866—1896.

³ A. Schifner. Heldensagen der minussinschen Tataren. СПб., 1859.

⁴ Н. Я. Никифоров. Аноосский сборник. Собрание сказок алтайцев. ЗЗСО РГО, т. XXXVII. Омск, 1915.

⁵ И. А. Худяков. Верхоянский сборник. Иркутск, 1890.

⁶ Н. М. Chadwik, N. K. Chadwik. The growth of literature, v. 11. Cambridge, 1936.

труда акад. В. В. Радлова. Первая часть второго тома этой монографии посвящена сравнительному изучению русского былинного эпоса и героического эпоса тюркских народов Средней Азии, Алтая и Саян. Немецкий тюрколог Г. Дёрфер⁷ в статье «Литература тюрков юга Сибири», рассматривая жанры народной поэзии алтайцев, хакасов и тувинцев, также обращается к использованному В. В. Радловым образцам⁸.

Параллельно с исследованием фольклора тюркских народов шло изучение древних памятников орхоно-енисейской письменности. Загадка «каменных книг» предков современных киргизов, казахов, алтайцев, хакасов, тувинцев издавна влекла к себе русских и зарубежных ученых. Памятники орхоно-енисейской письменности были открыты последовательно Д. Т. Г. Мессершмидтом (1721), П. С. Палласом (1793), И. Р. Аспелиным, Н. М. Ядринцевым (1889), а дешифровка их была выполнена В. Л. Томсеном и В. В. Радловым и ими же введена в научный обиход⁹.

В советской и зарубежной науке широко известен труд С. Е. Малова «Енисейская письменность тюрков»¹⁰, в котором описан, переведен, лингвистически прокомментирован и снабжен фотоиллюстрациями 51 енисейский памятник.

В дореволюционной науке исследовались главным образом стихотворные образцы фольклора и памятников письменности тюркских народностей (надгробных эпитафий). Из числа таких исследований можно назвать труды Ф. Е. Корша «Древнейший народный стих турецких племен»¹¹ и В. В. Радлова «О форме связной речи у алтайских татар»¹².

Исследованием тюркского стиха в тот период занимались преимущественно лингвисты. Характерной чертой их научной методики было то, что они не проводили грани между стихом песенных жанров фольклора и стихом письменных памятников. Ф. Е. Корш создал свою музыкальную теорию стиха на основе изучения песен тюркских народов и памятников орхонской письменности, не ставя вопроса о специфике фольклора и литературных памятников. Другие ученые (В. В. Радлов, И. А. Худяков), исследуя тюркский фольклор, не сопоставляли его с памятниками письменности. Изучение фольклора и памятников рунической орхоно-енисейской письменности в то время представляли два независимых объекта исследований в тюркологии, причем проблема фольклоризма для тюркских литератур вообще не ставилась.

Проблема соотношений письменных и фольклорных традиций в тюркских литературах стала важной областью исследований многих ученых-тюркологов в советскую эпоху. Используя опыт, накопленный советской фольклористикой, ученые вели и ведут исследования различных аспектов данной проблемы. Ею занимаются историки, лингвисты, литературоведы-фольклористы.

Разработка этой проблемы началась в связи с изучением вопроса о памятниках тюркской рунической письменности (орхоно-енисейской).

А. Н. Бернштам в 40-е годы высказал мнение, что енисейские эпитафии легли в основу развития всей киргизской литературы¹³. Известно, что

⁷ G. Dörfer. Die Volksliteratur der Türken Süd-Sibiriens. Philologiae turcicae fundamenta, B. 11. Wiesbaden, 1964.

⁸ В. В. Радлов. Указ. соч.

⁹ W. W. Radloff. Alttürkische Inschriften der Mongolei, 1899.

¹⁰ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.

¹¹ Ф. Е. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. ЗВРАО, т. XIX, вып. 1. СПб., 1900.

¹² W. W. Radloff. Über die Formen der Gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. Ztschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, B. 4. Berlin, 1866.

¹³ А. Н. Бернштам. Истоки киргизской литературы. — Труды Ин-та языка, литературы и истории, вып. 1. Фрунзе, 1946.

одним из мест расселения киргизов в прошлом было среднее и верхнее течение р. Енисея. Ввиду этого постановка вопроса о том, что киргизская литература восходит к енисейской письменности вполне правомерна. Однако А. Н. Бернштам, к сожалению, никаких доказательств в обоснование этой концепции не приводит.

Своеобразно трактует вопрос о енисейских эпитафиях М. И. Богданова. Она стремится проследить генезис первых письменных памятников, их связь с фольклором киргизов, особенно с народными причетами (кошоками), прижизненными одами и другими панегирическими жанрами народного поэтического творчества киргизов.

М. И. Богданова отмечает, что «...жанры народной поэзии, при соответствующей сюжетной доработке, были использованы аристократией кочевого общества, тюркской знатью в качестве одного из средств идеологического воспитания членов рода»¹⁴. По мысли исследователя, первые образцы письменной литературы имели теснейшую связь с фольклором (главным образом с лирическими жанрами) и возникали на основе творческой переработки этих жанров. Эта мысль представляется нам весьма плодотворной и перспективной для разработки проблемы фольклоризма.

М. И. Богданова выдвигает новую концепцию соотношения литературы и фольклора, высказывая предположение, что последующее развитие фольклора, а именно его эпических жанров, связано с древней орхонской и енисейской письменностями. Ряд особенностей стиха древних енисейских эпитафий свойствен и эпическим произведениям киргизского фольклора, в том числе и героическому эпосу «Манас»¹⁵. Она считает, что орхонская и енисейская письменности генетически предшествуют, а затем дают начало «более сложным эпическим формам, вплетающимся в основу народного героического эпоса»¹⁶. Таким образом, М. И. Богданова создает следующую схему: фольклор (лирика) — письменная литература (памятники рунической письменности) — героический эпос («Манас»).

Еще большую близость между киргизским эпосом «Манас» и орхонскими памятниками находит М. Ауэзов, проводя параллель между памятниками в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука и киргизским героическим эпосом «Манас». М. Ауэзов видит в орхонских памятниках Кюль-Тегина и Тоньюкука образцы не лирического, а повествовательно-эпического жанра. Он отмечает, например, что из надписи, посвященной полководцу Кюль-Тегину, встает «образ непобедимого богатыря, подобного героям древних былин»¹⁷. Подчеркивая эпический характер орхонских памятников, которые, по его мнению, «равноценны любой исторической хронике»¹⁸, М. Ауэзов утверждает, что каждый внимательный исследователь может провести параллель между обстоятельствами, предшествовавшими походам Кюль-Тегина и «подвигами Манаса, Алмамбета, Чубака, Сыргака, изображавшимся в киргизском эпосе «Манас»¹⁹. Это не значит, конечно, что исследователь рассматривает орхонские памятники и «Манас» как синхронно созданные. Но он считает, что орхонские рунические надписи (VI—VIII вв.) предшествовали эпосу «Манас» (IX—X вв.), вобравшему в себя множество источников,

¹⁴ М. И. Богданова. Киргизская литература. М., 1947, стр. 12—13.

¹⁵ М. И. Богданова. Указ. соч., стр. 13.

¹⁶ Там же.

¹⁷ М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас». — В сб. «Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961, стр. 54.

¹⁸ Там же, стр. 55.

¹⁹ Там же.

в том числе и фольклорных (кошоки—причеты и керез — песни-завещания).

И. В. Стеблева пишет о возможных связях среднеазиатских эпосов «Алпамыш» и Кер-оглы» с древнетюркской рунической поэзией.²⁰ С. С. Суразаков же утверждает, что наличие сложившегося героического эпоса алтайцев в период создания орхонских памятников можно считать доказанным²¹.

Таким образом, большинство ученых-тюркологов приходит к выводу, что сопоставление памятников орхоно-енисейской письменности и героического эпоса киргизов и алтайцев вполне правомерно.

Против такой точки зрения возражает В. М. Жирмунский. Считая неоправданным «рассматривать надписи как генетический прототип или как отражение тюркского героического эпоса»²², он, однако, допускает такое сопоставление с более ранними формами эпоса, которые обозначаются им термином «богатырская сказка», соответствующим термину В. Я. Проппа «догосударственный эпос». Последний, на наш взгляд, наиболее полно и четко определяет сущность древнейших форм эпоса.

Надо сказать, что единство мнений среди тюркологов по этому вопросу в основном достигнуто. Все ученые (фольклористы, лингвисты и историки) признают орхонские и енисейские памятники образцами письменности, а не фольклора, равно как многие из них считают правомерным сопоставление рунических эпитафий с жанрами фольклора — народными причетами (кошоками), прижизненными одами, завещаниями (керез).

Спорным остается вопрос о возможности сопоставления рунических эпитафий с героическим эпосом тюркских народов. Причина нерешенности этого вопроса кроется главным образом в том, что отдельные исследователи не допускают возможности формирования героического эпоса и создания орхонских и енисейских эпитафий в одну и ту же эпоху, т. е. в VII—XII вв. (Эта датировка в отношении енисейских эпитафий принадлежит историку-тюркологу Л. Р. Кызласову²³. Орхонские же надписи общепринято датировать VI—VIII вв.).

Наиболее определенно эту точку зрения высказывает Е. М. Мелетинский. Он пишет: «...в орхоно-енисейских надписях походы каганов часто воспеваются очень образно и в стихотворной форме, характерной для тюркского эпоса в целом. Можно предположить в этих героических эпитафиях использование местных фольклорных источников, хотя, конечно, считать, опираясь на рунические надписи, что уже в ту эпоху существовал жанр героического эпоса, нет достаточных оснований»²⁴.

Таким образом, в советской тюркологической науке сложилась традиция изучения образцов классической средневековой тюркской литературы и литературных памятников на основе прослеживания их связей с фольклором. Начало этой традиции было положено Е. Э. Бертельсом, который в своих трудах постоянно обращался к фольклорным источникам. Особенно полно прослеживает Е. Э. Бертельс эти связи в процессе изучения творчества узбекского классика Алишера Навои, различных версий романа об Александре Македонском, начиная от

²⁰ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VII вв. М., 1965.

²¹ См.: С. С. Суразаков. Алтайский героический эпос. — Дисс. 1949.

²² В. М. Жирмунский. Орхонские надписи — стихи или проза. — «Народы Азии», 1968, № 2, стр. 82.

²³ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 43.

²⁴ Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, стр. 251.

произведений средневековых иранских поэтов, например, поэм «Шах-наме» Фирдоуси и «Зерцало Искендера» индо-персидского поэта Амира Хосрова, а также анализируя образ полководца в произведениях поэтов от Низами (поэма «Искендер-наме») до Навои (поэма «Вал Искендера»)²⁵. Проблема фольклоризма у Е. Э. Бертельса не является главным объектом исследования. Свои замечания по этим вопросам он делает лишь попутно. Тем не менее даже его разрозненные высказывания представляют столь серьезный научный интерес, что каждое из них может стать отправным пунктом для дальнейших исследований связей литературы и фольклора. Так, например, он приводит эпизод из поэмы Амира Хосрова «Зерцало Искендера» о пленном воине, оказавшемся девушкой, которая по завещанию отца должна выйти замуж за того, кто одолеет ее в бою. «Индийский поэт, — пишет Е. Э. Бертельс, — дополнил этот эпизод древним мотивом добывания жены, широко известным в тюркском фольклоре»²⁶.

В древнем слое хакасского героического эпоса также встречаются образы женщин-богатырей, часто покоряющихся воле победившего их в поединке богатыря-мужчины²⁷.

У того же Е. Э. Бертельса имеются высказывания о фольклорных источниках тюркоязычного памятника XI в. «Кутадгу билиг»²⁸.

Одним из первых в советское время к изучению тюркского фольклора и памятников письменности обратился В. В. Бартольд. Он — автор первого русского перевода памятника огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркуда», работа над которым была завершена в 1922 г.

«Книга моего деда Коркуда» — средневековый эпос, сложившийся в XV в. В нем нашли свое воплощение особенности героического эпоса, легенд и других фольклорных жанров не только древнего народа огузов, но и этнически близких к нему туркмен, азербайджанцев и анатолийских турок. В статье «Турецкий эпос и Кавказ» В. В. Бартольд прослеживает фольклорные источники, легшие в основу этого письменного памятника: восточные сказки, предания о Коркуде, бытовавшие среди казахов, киргизов, туркмен, анатолийских турок. В них Коркуд — это певец-шаман, умудренный опытом старец²⁹, а в письменном памятнике он — «патриарх, главный выразитель и хранитель народной мудрости; его нравственному авторитету подчиняется весь народ»³⁰, эпический певец, воспевающий подвиги героев «Книги моего деда Коркуда» — Богач-джана, Салор-казана, Бамси-бейрека и др.

Огромная работа по исследованию фольклорных источников этого эпоса выполнена В. М. Жирмунским. В его труде «Огузский героический эпос и «Книга Коркуда»³¹ дается историографический обзор всех исследований огузского памятника, на основе обширного фактического материала прослеживаются его фольклорные источники, имеющиеся у многих тюркских народов — алтайцев, казахов, каракалпаков, туркмен,

²⁵ См.: Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.—Л., 1948.

²⁶ Там же, стр. 83.

²⁷ М. А. Унгвицкая. Указ. автореф., стр. 7.

²⁸ Е. Э. Бертельс. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — «Советское востоковедение», т. IV, 1947.

²⁹ В. В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ. «Книга моего деда Коркуда» (под ред. В. М. Жирмунского и А. Н. Кононова). М.—Л., 1962, стр. 112—120.

³⁰ В. В. Бартольд. Китаби-Коркуд. I. ЗВО, т. XII. СПб., 1894, стр. 204.

³¹ В. М. Жирмунский. Огузский героический эпос и «Книга Коркута». (Книга моего деда Коркуда. Изд. подг. В. М. Жирмунским и А. Н. Кононовым). М.—Л., 1962, стр. 131—258.

анатолийских турок. В работе впервые с поистине энциклопедической полнотой рассматриваются различные жанры этих фольклорных источников — народные легенды, песни, эпические сказания, богатырские сказки, а также древние домусульманские версии преданий и сказаний о Коркуде и более поздние многочисленные истолкования его образа в духе представлений ислама.

К достоинствам труда В. М. Жирмунского следует отнести также и то, что в нем анализируются отдельные этапы творческой переработки древних эпических сказаний и легенд, которая нашла свое завершение в «Книге моего деда Коркуда». «Легендарный Коркут — собирательный образ, созданный народным преданием и типичный как социальное обобщение знаменательного века кочевых народов Средней Азии»³², — пишет автор. Образ Коркута, по его мнению, восходит к образу героя народных сказаний — первого узана (певца), учителя народа, прорицателя.

В заключительной части работы автор сопоставляет композицию, стиль и особенности стиха народного эпоса и «Книги моего деда Коркуда»: традиционные формулы или эпические клише, параллелизмы, рифма, повторения (в разнообразных вариантах), ступенчатое развитие действия. Раскрывая творческий подход составителя «Китаби деде-Коркут» к фольклорным источникам, В. М. Жирмунский подчеркивает народный характер памятника. «Литературная обработка, — отмечает он, — оставила текст огузских эпических рассказов в основном нетронутым. Об этом свидетельствует художественная форма самих рассказов, характерная для устного народного творчества»³³.

В 50—60-е годы сфера деятельности тюркологов, занимающихся изучением связей памятников древнетюркской письменности и фольклора, расширяется.

Значительный интерес представляет статья А. А. Валитовой, посвященная «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского³⁴. Подчеркивая самобытность памятника, отмеченную в свое время В. В. Бартольд, А. А. Валитова раскрывает манеру использования Юсуфом Баласагунским различных жанров народной поэзии тюркских племен — поучений, пословиц, героического эпоса. Проследившая влияние эпической тюркской традиции на подбор имен героев поэмы, А. А. Валитова отмечает, что в соответствии с этой традицией богатыри в поэме сравниваются с соколами, волками, тиграми и другими хищными животными и ловчими птицами. А. А. Валитова особо останавливается на вопросе использования в литературе художественно-образительных средств фольклора тюрков Средней Азии и Туркестана: олицетворений, сравнений, метафор, проводя широкие сопоставления с фольклором киргизов, узбеков, туркмен, казахов. В целом проблему фольклоризма А. А. Валитова изучает в генетическом аспекте.

Аналогичное направление имеет и исследование Х. Г. Короглы «Огузский героический эпос»³⁵. В этой работе изучаются многочисленные фольклорные источники, начиная с наиболее древних, питавшие героический огузский эпос XV в. «Китаби деде-Коркут»³⁶, а также ряд письменных памятников, например, уйгурская рукопись XIV в. «Огузнаме», которая в свою очередь включила в себя древние огузские ми-

³² В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 173.

³³ Там же, стр. 149.

³⁴ А. А. Валитова. К вопросу о фольклорных источниках поэмы «Кутадгу-билиг» — «Советское востоковедение», 1958, № 5.

³⁵ Х. Г. Короглы. Огузский героический эпос. (Героические дастаны «Огузнаме»). Автореф. докт. дисс. М., 1962.

³⁶ Там же, стр. 21.

фы и легенды. Анализируя в своем труде эпос «Китаби деде-Коркут» Х. Г. Короглы рассматривает проблему фольклоризма на конкретном материале. Например, в процессе анализа третьей части эпоса в работе прослеживается связь этого памятника не только с узбекским эпосом «Алпамыш» (как отмечал В. М. Жирмунский, герой последнего в «Китаби деде-Коркут» — это Бамси-бейрек), но и с распространенным в Средней Азии дастаном «Юсуп и Ахмет», а также с героическим эпосом «Героглы», известным у многих тюркоязычных народов³⁷.

В разделе, посвященном анализу идейно-художественного своеобразия «Китаби деде-Коркут», Х. Г. Короглы выделяет моменты, свидетельствующие о связи этого огузского эпоса с фольклором, в частности такие, как манера обрисовки образов богатырей, сочетание прозы и стихов; форма обращения и монологи героев, тирадная структура стиха и параллелизм, эпические клише, т. е. все те приемы, которые берут свое начало в поэтическом творчестве огузов и других древних тюркских народов.

Приходя к выводу, что в «Китаби деде-Коркут» имеет место «литературная обработка фольклорного материала»³⁸, автор высказывает предположение о возможной связи огузского памятника с орхонскими надписями. «В сказаниях «Китаби», — пишет он, — доминирует дух военно-кочевой жизни, описания бесконечных набегов и военных столкновений сменяют друг друга... В отдельных боевых эпизодах слышится даже эхо орхонских надписей, а мифологические и сказочные эпизоды и мотивы переносят нас в еще более отдаленные времена, в глубь истории»³⁹.

В книге «Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов»⁴⁰ Б. А. Карриев касается другого аспекта проблемы фольклоризма, а именно переработки народного эпоса в духе определенной стилиевой традиции. Рассматривая вопрос об эпосе «Кёр-оглы» в фольклоре тюркских народов — азербайджанцев, анатолийских турок, туркмен, узбеков, казахов и тобольских татар, — автор прослеживает национальное своеобразие эпической традиции у каждого из этих народов. Он сопоставляет содержание эпоса с историей этих народов, сравнивает его тюркские версии с таджикскими и кавказскими.

Автор анализирует также ряд образцов литературных обработок эпоса. Он отмечает, к примеру, что И. Шопен, сохранив в основном сюжетную канву южно-азербайджанской версии «Кёр-оглы», стилизовал ее в духе романтической школы (1840). У этого автора Кёр-оглы — благородный разбойник, который изображается на фоне романтического горного пейзажа. В конечном итоге автор превращает его в смиренного монаха. Анализируя литографированные турецкие издания «Кёр-оглу», в которых акцент делается на разбойничьих деяниях героя эпоса, «умыкании им красивых девушек», автор книги усматривает в такой интерпретации образа героя попытку «представителей господствующих сословий изобразить популярного и любимого народного героя в соответствии со своими классовыми интересами и представлениями»⁴¹. Этим литературным подделкам Б. А. Карриев противопоставляет роман турецкого писателя Мурада «Прославленный народный герой Кёр-оглу» (1959), в котором автором бережно сохранена

³⁷ Х. Г. Короглы. Огузский героический эпос. (Героические дастаны «Огузнаме»). Автореф. докт. дисс. М., 1962.

³⁸ Там же, стр. 38.

³⁹ Х. Г. Короглы. Указ. соч., стр. 43.

⁴⁰ Б. А. Карриев. Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968.

⁴¹ Б. А. Карриев. Указ. соч., стр. 89.

фольклорная основа образа героя, представленного «бесстрашным, простодушным и честным защитником справедливости, борцом против насильников и тиранов»⁴². Литературная обработка должна не только способствовать сохранению лучших фольклорных творений, но и усиливать их демократическую направленность — таков вывод Б. А. Каррыева.

Советские тюркологи исследуют также связи фольклора с творчеством классиков тюркских литератур XIX—начала XX в. В статье «Литература и фольклор» Н. С. Смирнова анализирует отношение к фольклору Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева. Автор статьи отмечает творческий подход И. Алтынсарина к фольклору, подчеркивая, что он в своем творчестве использует вполне определенные фольклорные жанры — сказки, эпос, песни, оказывающие сильное эмоциональное и воспитательное воздействие на подрастающее поколение⁴³. Прослеживая тесную связь творчества А. Кунанбаева с фольклором, автор приходит к выводу, что песенные жанры фольклора, их поэтика влияли на становление письменной поэзии Абая, что «значительная часть интимной лирики поэта корнями своими уходит в бытовую обрядовую песню», а также, что «гражданская лирика Абая вырастает из традиций обличительной песни»⁴⁴.

Наиболее глубоко разработан в статье вопрос о творческом развитии фольклорных традиций в казахской советской литературе. На конкретных примерах Н. С. Смирнова раскрывает «опыт создания стихов в духе традиционных устно-поэтических народных и акыньских жанровых форм»⁴⁵, тематическую связь советской поэзии с фольклором. Для иллюстрации она ссылается на творчество поэта Жумагали Саина, разрабатывающего тему «поэт и поэзия». «В его «Толгау» — пишет в цитируемой статье Н. С. Смирнова — ...искусство поэта сравнивается с пением соловья, а песня уподобляется жемчугу и золоту, т. е. использованы все типичные для казахского фольклора и акынов средства возвышения песнопения»⁴⁶. Вместе с тем автор отмечает, что характерным для творчества поэтов Советского Казахстана является сочетание новаторства с художественными традициями фольклора. В пейзажной лирике, к примеру, закономерно как обращение к традиционному арсеналу народной поэтики (соловьиные напевы по весне, «сытный и чистый воздух», сравнения «как мед», «как ветер», «как солнце» и т. д.), так и принципиально новое изображение природы, преобразованной советским человеком.

Детально прослеживая методику обращения М. Ауэзова к фольклору в романе «Абай», Н. С. Смирнова отмечает, что в этом произведении «вырисовывается процесс развития казахского фольклора более чем за полстолетия, и что особенно важно — показывается формирование новых явлений народной поэзии как явлений перспективных»⁴⁷. Автор подчеркивает, что в романе показано формирование акынов нового типа — грамотных, начитанных, культурных, литературно образованных, что, рисуя образы акынов во главе с Абаем, М. Ауэзов показывает, как развивается казахский фольклор под влиянием поэтов-просветителей.

⁴² Б. А. Каррыев. Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968.

⁴³ Н. С. Смирнова. Литература и фольклор. — Сб. «Казахский фольклор». Алма-Ата, 1968, стр. 46.

⁴⁴ Там же, стр. 417.

⁴⁵ Н. С. Смирнова. Указ. соч., стр. 423.

⁴⁶ Там же, стр. 440.

⁴⁷ Там же, стр. 442.

Н. С. Смирнова характеризует связи романиста с фольклором как широкие и многосторонние. В заключительной части статьи автор пишет о воздействии писателей на фольклор, выражающемся в обращении акынов к современной тематике.

Как видно из всего сказанного выше, советским литературоведением проделана немалая работа по исследованию проблемы фольклоризма в литературе на материале устного творчества ряда народов. Настала пора разработки проблемы фольклоризма и в хакасской литературе. Работа эта у нас в Хакасии, можно сказать, только начинается.

Исследователей хакасского фольклора занимает тот же круг вопросов, о которых говорилось выше. Свое мнение по ним нам необходимо высказать хотя бы уже потому, что связь между формами фольклора и рунической енисейской письменностью следует проследить прежде всего на материалах хакасского фольклора, так как стелы с надгробными эпитафиями расположены на территории современной Хакасской автономной области и Тувинской АССР, которые с VI по XII вв. составляли единое Древне-Хакасское государство. Поэтому поиски самых тесных связей между хакасским фольклором и рунической енисейской письменностью вполне естественны. Для выполнения этой задачи важно решить вопрос о периодизации героического эпоса хакасов. Такая периодизация, предложенная автором настоящей статьи, разработана не только на основе рунических надписей, но и на базе изучения идейно-художественных особенностей героического эпоса хакасов как сложившегося на определенной конкретно-исторической почве в условиях древнего государства Хягас (с VI по XII вв.)⁴⁸. Героическому эпосу предшествовали еще более архаические формы «догосударственного эпоса», в частности, героическое сказание о женщине-богатыре Алтын Арыч, в котором В. Е. Майнагашева обнаружила древние сюжеты и мотивы⁴⁹. Более детальное и углубленное изучение проблемы фольклоризма на материале фольклора и письменности периода Древне-Хакасского государства представляет собой одну из важных задач ближайшего будущего.

Вопросу фольклоризма была посвящена опубликованная в 1956 г. работа автора настоящей статьи «Развитие фольклорных традиций в советской хакасской литературе»⁵⁰. В ней рассматривался вопрос об использовании хакасскими поэтами идейных и художественных богатств фольклора при создании массовой стихопесни. Творческая переработка фольклорных образцов прослежена нами на примерах поэзии Николая Доможакова, Ивана Котюшева, Ивана Костякова, Михаила Кильчичакова, а также пьесы последнего «Всходы». В статье обосновывался тезис о плодотворности творческого подхода хакасских писателей к родному фольклору. Такой подход проявляется в переосмыслении идей и образов народных легенд и песен, усилении звучащих в них прогрессивных мотивов и использовании приема параллелизма, характерного для устного народного творчества.

П. А. Трояков включил в книгу «Очерки развития хакасской литературы» раздел «Фольклорные традиции в поэзии раннего периода»⁵¹,

⁴⁸ М. А. Унгвицкая. Хакасское народное поэтическое творчество. Автореф. докт. дисс. Абакан, 1965, стр. 7—23.

⁴⁹ В. Е. Майнагашева. Хакасское героическое сказание «Алтын Арыч». Автореф. канд. дисс. Новороссийск, 1967, стр. 5—12.

⁵⁰ М. А. Унгвицкая. Развитие фольклорной традиции в хакасской литературе.—«Ученые записки» Абаканского госпединститута, вып. II. Абакан, 1956.

⁵¹ П. А. Трояков. Очерки развития хакасской литературы. Абакан, 1963.

в котором анализируются примеры обращения литературы к фольклору в 20—30-е годы.

Разработка проблемы фольклоризма в хакасской литературе — важная задача. Пришло время обратиться к истокам хакасской литературы, к первым, наиболее древним ее образцам — памятникам енисейской письменности, которые изучены еще недостаточно.

Необходимо также проследить путь освоения хакасской советской литературой богатств устного народного творчества по этапам развития литературы от 20-х до 60-х годов, изучить проблему фольклоризма, отражение фольклора в творчестве отдельных писателей.

И. В. СТЕБЛЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЮРКСКОГО СТИХА

Изучение тюркского фольклора и реконструкция Ф. Е. Коршем возможной древнейшей формы тюркского стиха надолго определили точку зрения исследователей на характер тюркского стихосложения. Ф. Е. Корш считал тюркский стих силлабическим, хотя и находил в нем ямбическо-хореическую каденцию, восходящий и нисходящий порядок ударений¹. В работе Т. Ковальского, которую можно рассматривать как наиболее полное исследование стиха тюркских народов, тюркское стихосложение квалифицируется как силлабо-тоническое². Чрезвычайно любопытные наблюдения В. В. Радлова над особенностями ритмики стиха алтайцев³ не укладывались в схему, созданную Коршем—Ковальским, и поэтому остались как бы вне их поля зрения. Анализируя фольклорные тексты, Ф. Е. Корш и Т. Ковальский искали в них признаки, соответствующие теории силлабо-тонического стиха. Наблюдаемая в тюркском стихе тенденция к равнотактию объяснялась свойственным языку грамматическим ударением на последнем слоге слова (учитывались и сравнительно редкие исключения). Однако наряду с главным ударением, приходившимся на конец слова, были отмечены второстепенные ударения, падавшие и на другие слоги многосложных слов. Возникло стремление установить соотношение ударных и безударных слогов с использованием уже известных из европейской поэтики понятий и терминов. Так, в тюркском стихе были отмечены ямбическая и хореическая каденции, стопность (ямб, хорей, анапест, амфимакар, диподия) и цезура.

Большинство современных исследователей стремится как можно ближе подойти к решению вопроса о подлинной природе тюркского стиха. За последние годы появились работы, специально ориентированные на специфику того или иного языка. Одной из таких работ является интересное исследование А. С. Тогуи-оола⁴. Тем не менее следует признать, что данная проблема пока еще далеко не решена.

¹ Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XIX, вып. II—III. СПб., 1909.

² Т. Kowalski. Ze studjów nad formą, poezji ludów tureckich. Kraków, 1921.

³ W. Radloff. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren, — «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd IV. Berlin, 1866, стр. 85—114; *его же*. Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd — Sibiriens, Th. III, Kirgizische Mundarten, St-Pbg, 1870, стр. III—XXVII.

⁴ А. С. Тогуи-оол. Опыт исследования тувинского стихосложения. — «Ученые записки Тувинского исследовательского института языка, литературы и истории», вып. I. Кызыл, 1953.

Цель предлагаемой статьи — показать несоответствие реальных фактов тюркской ритмики тем определениям, которые ей даются в ряде работ по теории тюркского стиха, таких, например, как книга З. А. Ахметова⁵, а также обратить внимание исследователей на некоторые особенности тюркского стиха, пока еще не полностью выявленные и проанализированные.

Концепция З. А. Ахметова основана на следующих выводах:

1. Казахское стихосложение — силлабическое. Условием ритмического строения стиха является сохранение в строке нужного количества слогов при относительно слабом различении ударных от безударных.

2. При рецитации стихотворные строки естественно распадаются на ритмические части: в большинстве случаев — на три, иногда — на две.

3. Ритмические части стиха строятся из сочетаний одно-, двух- и трехсложных слов, образующих слоговые группировки, содержащие не более четырех слогов (реже пять) и не менее двух. Слоговые группировки служат средством фиксации ритма.

4. Границей ритмических частей, сформированных слоговыми группировками, является «постоянный словораздел», который может совпадать с интонационно-логической паузой, но возможен также и при отсутствии последней.

5. В случае несовпадения с интонационно-логической паузой постоянный словораздел обозначается «ритмико-мелодическим переломом», «изменением в движении тона» (Ахметов, стр. 64).

6. Постоянный словораздел — явление, вызванное ритмическим строением частей строки, а не самостоятельный элемент структуры стиха. Он зависит от группировки слогов, обусловленной фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями казахского языка.

7. Соблюдение равносложия начинается с создания ритмических частей внутри строки и завершается образованием одинакового количества слогов во всех строках, т. е. силлабическим строем казахского стиха.

8. Перечисленные выше факты в той или иной степени характерны и для поэзии других тюркских народов — «узбекской, киргизской, татарской, каракалпакской, башкирской» (Ахметов, стр. 107).

Данной концепции нельзя отказать в стройности, и с ней можно было бы согласиться, если бы в практике тюркоязычного стиха не наблюдались явления, которые не охватываются созданной З. А. Ахметовым схемой. Помимо собственных наблюдений автора данной статьи, это можно установить из той же работы З. А. Ахметова. Так, например, вопреки собственному утверждению о «силлабическом» характере казахского стихосложения З. А. Ахметов признает, что семисложник почти не встречается в чистом виде: «...очень редко можно встретить стихотворное произведение, которое было бы сложено одними семисложными стихами. В большинстве случаев они с исключительной легкостью перемежаются с восьмисложными стихами...», причем «чередование их бывает только свободным». Восьмисложные строки могут перемежаться с девятисложными (Ахметов, стр. 102). Добавим, что 11-сложные строки иногда сочетаются с 12-сложными, а иногда с 13- и даже 14-сложными строками (см., пример ниже). Таким образом, и сам З. А. Ахметов отмечает, что для казахской поэзии характерно не только относительное равносложие, но также и разносложие: в «Восьмистишиях» Абая, где размер отличается сочетанием коротких пятисложных стихов со стихами в семь и

⁵ З. А. Ахметов. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964. (Далее: Ахметов).

восемь слогов, ощущение ритмической близости коротких и более длинных строк в значительной степени создается именно благодаря особенностям метрического деления стихов на части» (Ахметов, стр. 103). Справедливо замечание З. А. Ахметова о том, что и в прозе могут встретиться рядом стоящие фразы, которые случайно состоят из одинакового количества слогов, но они не производят впечатления мерной речи, потому что сочетания слов в них не подчинены принципу определенного группирования слогов. В то же время строки в пять и восемь слогов могут быть ритмически однозначными, потому что в них имеются необходимые для осуществления ритма группировки слогов. Следовательно, в казахском, якобы силлабическом, стихе изосиллабизм представляется не обязательным условием осуществления ритма. Говоря о типах слоговых группировок, З. А. Ахметов признает, что довольно редко встречаются стихотворные строки, в которых ритмические части — слоговые группировки — равносложные (Ахметов, стр. 97; ср. выше, пункт 7). Если рассматривать «строфу под углом зрения расположения в ней ритмических частей, то нельзя не согласиться с тем, что периодичность ритма, образуемого собственно группировкой слогов в строках, имеет в размерах указанного типа (6- и 8- сложник. — И. С.) в общем неравномерный характер. В еще большей степени сказанное относится к таким размерам, как одиннадцатисложник или семисложник, семи—восьмисложник и другие» (Ахметов, стр. 97). Следовательно, в казахском стихосложении, «универсальным законом» которого является «принцип упорядоченной группировки слогов в строках» (Ахметов, стр. 107), не только существуют разносложные стихи, но даже при соблюдении равносложия ритм стиха образуется с помощью разнотипных и произвольно чередующихся группировок слогов: например, в так называемом 8-сложнике группировка слогов 3+2+3 сочетается с группировкой слогов 2+3+3 или 4+4 (Ахметов, стр. 89, 96). В 11-сложнике наблюдаем сочетания: 3+4+4 с 4+3+4 и 4+4+3.

Согласно концепции З. А. Ахметова, словесное ударение в казахском стихе не играет роли в образовании ритма, потому что: а) за редким исключением оно не выполняет смысловоразличительной функции; б) сравнительно слабо выделяет ударные слоги по сравнению с безударными; в) в синтагмах легко нивелируется, замещаясь фразовым ударением (Ахметов, стр. 35). Но одновременно с этим З. А. Ахметов пишет, что явление постоянного словораздела, который неизбежно появляется в стихе, коренится в самом строе казахского языка и связано с «агглютинацией, сингармонизмом и характером ударения» (Ахметов, стр. 61). Далее сказано, что «ударение в казахском стихе чаще всего приходится на последний слог в каждой ритмической части строки», и это закономерно для всех размеров и форм стиха (Ахметов, стр. 69). Такое равномерное расположение ударений является следствием группировки слогов, «реально проявляющейся как группировка слов, которые в казахском языке имеют ударение преимущественно на последнем слоге» (Ахметов, стр. 68). Следовательно, независимо от того, состоят ли ритмические части строки из двух-, трех- или четырехсложных слов или представляют собой комплекс двух слов, ударение, словесное или фразовое, будет на последнем слоге слова. Так как ритмических частей в строке как правило, три или две, то естественно, что в двух или нескольких стихотворных строках при наличии в них равного или неравного количества слогов (и при наличии однотипных или разнотипных группировок слогов) количество ударений всегда будет одинаковым, т. е. ударений будет столько, сколько постоянных словоразделов.

Далее З. А. Ахметов говорит, что выделение трех ритмических частей в каждой строке одиннадцатисложника (так же, как при другом количестве слогов. — И. С.) связано с особым приемом чтения стиха нараспев (Ахметов, стр. 53). Такое «удлинение и выделение последнего слога в каждой ритмической части строки может быть ошибочно принято за ударение. Между тем ритмическое выделение слога путем его некоторого удлинения — явление прежде всего музыкальное — и не всегда совпадает со словесным или фразовым ударением» (Ахметов, стр. 36). В другом месте книги З. А. Ахметов, ссылаясь на Н. И. Ильминского, решительно высказывается против того, чтобы протяжение последнего слога ритмической части стиха связывалось с его ударностью (Ахметов, стр. 41). Таким образом, отмечая удлинение последнего слога ритмических частей строки, З. А. Ахметов не признает его связи со словесным или фразовым ударением последнего слога слоговой группировки, что противоречит сказанному выше.

Экспериментальными исследованиями установлена наблюдаемая во многих тюркских языках⁶ зависимость длительности гласных от ударения. Известно, что ударные гласные произносятся дольше, чем безударные⁷. Следовательно, с точки зрения фонетических законов тюркских языков вполне объяснимо удлинение последних ударных слогов слоговых группировок. Но имеется еще одно важное обстоятельство, которое большинство исследователей тюркского стиха не учитывает. Хорошо известно, что в тюркских языках существуют: 1) фонологическая долгота гласных: первичная, или этимологическая (якутский, туркменский) и вторичная, или комбинаторная (вся алтайская группа языков, киргизский, турецкий и др.) и 2) акустическая долгота гласных (во всех тюркских языках). Если принять во внимание тот факт, что особенности стихотворной речи определяются фонетическими законами языка, то нельзя не признать разницы между относительно более долгими и более краткими гласными в тюркских языках, которая должна была найти закономерное отражение в структуре поэтической формы. Например, в казахском языке длительность гласных в односложных словах зависит от их качества (широкие—долгие, узкие—краткие); в двухсложных словах она зависит от структуры слога, от позиции гласного в слоге и в слове, от качества гласного в соседнем слоге и от степени эмоциональности интонации⁸. При этом «отношение длительности широких-долгих и

⁶ См.: У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, ч. I. Казань, 1959.

⁷ А. М. Щербак. Тюркские гласные в количественном отношении. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 161.

⁸ Явление разной протяженности гласных (нефонематической долготы и краткости) известно и в других тюркских языках. Так, в узбекском выделяют три ступени долготы гласных в изолированном произношении: «наиболее длительные» (гласные нижнего подъема), «менее длительные» (гласные верхне-среднего подъема) и «краткие» (гласные верхнего подъема). Одновременно отмечается большая длительность гласных в односложных словах по сравнению с многосложными, а также различная позиционная долгота гласных, связанная с характером соседних согласных (см.: В. В. Решетов. Узбекский язык, ч. I. Введение. Фонетика. Ташкент, 1959, § 49, стр. 146—148). В различных комбинаторных положениях устанавливаются «полудолгие», «краткие» и «весьма краткие» (иррациональные) гласные (см. там же, стр. 147). Аналогичным образом характеризуются краткие гласные киргизского языка, в котором имеются и фонологические долгие (см.: И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946, стр. 34—35) и туркменского языка (см.: А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 29). Две ступени протяженности кратких гласных в турецком языке устанавливает Э. В. Севортян, отмечая, однако, что среди «наименее протяженных» узких гласных «минимальную протяженность» имеет *i*, длительность которого равна приблизительно половине длительности *a* (см.: Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 34).

кратких-узких в целом равно примерно 2:1⁹. В ряде тюркских языков длительности ударных и безударных гласных приблизительно соотносятся как 2:1¹⁰. П. Е. Кузнецов, изучавший произношение в современном узбекском языке, установил соотношение между относительно «долгими, полудолгими, короткими и иррациональными» как $\frac{1}{4}:1 = \frac{1}{2}:2$ (т. е. иррациональный гласный так относится к полудолгому, как краткий к долговому)¹¹. Различная степень долготы и краткости тюркских гласных не может не влиять на структуру поэтической речи. Возьмем пример из современной казахской поэзии:

Сені ойласам / тербеледі / жү регім
 Сені ойласам / келер көзден / ыстық жас
 Сені өмірімнін / тән ірісі деп білемін
 Саған мән ігі / борыштымын / кі арындас¹².

Согласно определению З. А. Ахметова, процитированное четверостишие написано одиннадцатисложником, большее число строк остальных восьми строф стихотворения имеет 11 слогов, перемежающихся кое-где с 12-сложными строками. В приведенном катрене чередование слогов 12—12—14—11. Причем только последняя строка полностью соответствует схеме одиннадцатисложника типа 4+4+3 с двумя постоянными словоразделами, выделяющими три ритмические части (или условно — стопы) в строке. Первая и вторая строки четверостишия содержат по 12 слогов, потому что их первые стопы образуются вопреки общему правилу из пятисложных группировок. Третья строка вообще имеет 14 слогов: 6+4+4 (шесть слогов, которые мы встречаем в первой стопе, в казахской поэзии явление сравнительно редкое)¹³. Кроме того, третья стопа содержит четыре слога, а не три, что более характерно для поэзии тюркских народов и было бы естественнее в приведенном примере. Вместе с тем данная строка инструментирована главным образом узким гласным *i*, который, как известно, во всех тюркских языках может редуцироваться вплоть до полного выпадения¹⁴. Если в этом примере учесть редукцию при произношении, то 14-сложная строка катрена сведется к 11 слогам:

Сені өмірімнін / тән ірісі / деп білемін.

То же должно произойти с пятисложными стопами первой и второй строки.

Рассмотрим так называемый восьмисложник из современной киргизской поэзии:

Күн тийбес / жагы / ушундай,
 Чөлдөгү / жемсиз / кузгундай.
 Эленин / көрсөн / көптүгү,
 Гималайдын / тоосундай¹⁵.

В этом четверостишии количество слогов в строках: 8—8—8—7 рас-

⁹ У. Ш. Байчура. Указ. раб., стр. 97. (Длительность казахских гласных). Такое соотношение характерно также для долгих и кратких гласных в татарском языке.

¹⁰ Там же, стр. 75. (Длительность хакасских гласных). 81 (Длительность азербайджанских гласных).

¹¹ П. Е. Кузнецов. Продолжительность гласных в живом узбекском языке. — Сб. «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927.

¹² Жумағали Саин. Тандамалы шығармалар. Алматы, 1952, стр. 88.

¹³ Стопа в шесть слогов отмечена В. В. Радловым в поэзии алтайских народов (см.: W. Radloff. Ueber die Formen, стр. 92).

¹⁴ См.: У. Ш. Байчура. Указ. раб., стр. 79, 97 и др.; М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 39.

¹⁵ Телен Шамшиев. Тынчтык жана эмгек. Фрунзе, 1952, стр. 72.

пределяется по типу 3+2+3 с двумя постоянными словоразделами. Если следовать схеме З. А. Ахметова, то последняя строка четверостишия представляет собой как бы некую ритмическую вариацию трех первых: 7-сложник типа 4+3 с одним постоянным словоразделом (оо передает долгий гласный). Такова графическая форма стихотворной строки, наряду с которой существует и акустическая. При рецитации количество ритмических частей строки и постоянных словоразделов восстанавливается до обычной нормы:

Гималай / дын₁ то / осундай,

где недостающий (по типу 3+2+3) слог второй стопы восстанавливается с помощью долготы в основе тоо. Подобных примеров практически можно привести бесчисленное множество, поскольку это не исключение из правил, а используемая в стихе закономерность языка. Например:

Жолоо / чулар / өткөндө	(7 слогов)
Көрүнөт / экен / бир түп тал	(8 слогов) ¹⁶ .

В первой строке недостающий слог (по типу 3+2+3) первой стопы компенсируется долготой второго гласного в слове *жолоочулар*.

Или:

Суу / ордуна / кан агат	(7 слогов)
Байкуш / эл кантип / жан багат	(8 слогов) ¹⁷ .

Долгота в слове *суу* приравнивает его к двухсложному слову второй строки по типу 2+3+3.

В приведенных примерах можно заметить еще одну особенность — несовпадение в некоторых случаях постоянного словораздела с границами слов. В киргизском стихе это отнюдь не редкое явление. Те же факты можно наблюдать и в казахской поэзии:

Күлпыра / берші / кен ₁ дала,	(8 слогов)
Гүлінді / күнде / терейін!	(8 слогов)
Жапыра / ғын ₁ мен / жасыршы	(8 слогов)
Көйөңн ₁ а / мен / енейін!	(7 слогов) ¹⁸ .

Правомерность такой разбивки третьей строки на ритмические части подтверждается фоническим параллелизмом трех стоп: күлпыра—жапыра—көйөңн₁а. В последней строке вторая стопа, состоящая из одного ударного слога, к тому же акцентированного интонацией, длится двойное время¹⁹.

Допускаемые в стихе редукция кратких гласных и растягивание долгих имеют одну цель — уравнивать время произнесения неравносложных стоп (или слоговых группировок). Наличие различных по происхождению долгот, а также растягивание по необходимости ударного слога позволяют продлить двухсложную стопу (стопа из односложного слова — сравнительная редкость) до некоего среднего времени, к которому стремится с помощью синкопирования и многосложная (4, иногда 5, редко 6 слогов) стопа. Поэтому практически не имеет принципиального значения, являются ли стихотворные строки равносложными,

¹⁶ Там же, стр. 75.

¹⁷ Там же, стр. 76.

¹⁸ Жумагали Саин. Указ. раб., стр. 61.

¹⁹ Ср. с замечанием В. В. Радлова, что в алтайской поэзии стопа может состоять из односложного слова с долгим гласным (W. Radloff. Ueber die Formen, стр. 92).

относительно равносложными или состоят из разного количества слогов: время произнесения будет одинаково. Не имеет также значения и то, каким образом чередуются разнотипные слоговые группировки на протяжении всего поэтического произведения. Важно сохранение единства времени, а это как раз и можно осуществить путем произвольного употребления разнотипных слоговых группировок, потому что только при этом условии может реализоваться в стихе вся совокупность количественных различий тюркских гласных.

Если учесть тот факт, что в поэзии разных тюркских народов, начиная с древнейших времен и до наших дней, чаще всего встречается трех-слоговая группировка, то вполне справедливо предположить, что для тюркского стиха характерен трехдольник с пределами повторности от двухкратности до шестикратности. В древнетюркском стихе трехдольная стопа имела в среднем большее количество слогов, чем в современном, допускалось также сочетание стихотворных строк, значительно расходящихся по количеству слогов²⁰. Однако с течением времени, в процессе развития стихотворной практики, возникло стремление избегать чрезмерно ускоренного произнесения одних слогов и затягивания других, что, в свою очередь, должно было привести к относительному равносложию, а в отдельных случаях — к изосиллабизму, которые, по-видимому, следует рассматривать как явления вторичного порядка.

Немаловажное значение для утверждения в тюркской языковой среде силлабических стихов имело проникновение в тюркскую поэзию аруза с его силлабометрическими размерами. Чем большее влияние арабо-персидской поэтики (прямо или через поэзию на языке тюрки) испытала стихотворная практика того или иного тюркского народа, тем последовательнее прослеживается в ней принцип силлабического стиха. Достаточно сравнить поэзию хакасов, тувинцев и якутов, развивавшуюся вне мусульманских традиций, с узбекской, туркменской и турецкой, чтобы убедиться в правомерности подобного вывода.

²⁰ См.: И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965, стр. 12—26; *ее же*. Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии. — «Народы Азии и Африки». М., 1969, № 2, стр. 125—133.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Л. А. СЕРГЕЕВ

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Изучение диалектов и говоров чувашского языка может послужить своеобразным ключом для раскрытия многих «тайн» в истории языка, а также в чувашской этнографии и фольклоре. Начало исследованию чувашских диалектов было положено трудами выдающегося тюрколога и чувашеоведа проф. Н. И. Ашмарина, 100-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. Еще в конце прошлого века им была дана схематическая характеристика диалектных подразделений чувашского языка. Однако всестороннее научное изучение чувашских диалектов началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. В работах известного чувашеоведа Т. М. Матвеева были впервые на научной основе выделены группы говоров чувашского языка и установлены их примерные границы.

Общепризнано, что важной ступенью изысканий в области диалектологии любого языка является исследование его методом лингвистической географии, то есть путем составления диалектологического атласа. На IV региональном совещании по тюркской диалектологии в г. Фрунзе академик В. М. Жирмунский подчеркнул огромное значение диалектологических атласов: «Не карта, а атлас, состоящий из многих карт, фиксирующих изоглоссы отдельных диалектных признаков, должен быть целью диалектологического исследования и соответствует его современному научному уровню»¹.

Как известно, диалектологические атласы в западноевропейской лингвистике появились в конце прошлого века. Их создателями были француз Жильерон и немецкий лингвист Венкер. С тех пор лингвистическая география сделала большие успехи.

В чувашском языкознании вопросами лингвистической географии до последнего времени не занимались. Первую попытку выделения этнографических групп чувашского населения и определения общих контуров диалектов и говоров чувашского языка мы находим в труде Г. И. Комиссарова².

Изучение говоров чувашского языка методом лингвистической географии, наряду с их монографическим исследованием, приобретает чрезвычайно важное значение. Без создания лингвистического атласа говоров и диалектов затруднительно дальнейшее изучение чувашского язы-

¹ В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 5—6.

² Г. И. Комиссаров. Чувашаи Казанского Заволжья. — ИОАИЭ, т. XXVII, вып. 5, Казань, 1911.

ка. Следует также отметить, что подобные атласы дают много ценного материала историкам и археологам для выяснения древнейших границ различных племенных образований и их миграций.

Картографирование диалектных фактов, как известно, позволяет: а) определить диалектное членение чувашского языка с точки зрения изоглоссных характеристик всех уровней его структуры; б) уточнить ареальные контуры диалектных подразделений — диалектов, говоров и подговоров, а также «зону вибраций», то есть переходных говоров; в) выявить возможные причины, обусловившие формирование диалектных подразделений и их границ; г) установить направление движения языковых инноваций от центра иррадиации и др. Кроме того, диалектологический атлас для языковедов является надежным источником, позволяющим не только выяснить различные факты формирования чувашского национального языка, но и решить также ряд проблем исторической диалектологии и сравнительно-исторического изучения поволжских тюркских языков.

Диалектологический атлас чувашского языка (далее: ДАЧЯ) явился результатом 15-летнего изучения автором чувашских говоров на территории Чувашской АССР. При картографировании диалектных различий чувашского языка нами был тщательно изучен и использован опыт лингвистов Москвы, Белоруссии, Украины³ и др. Составители ДАЧЯ почерпнули много интересного и поучительного также в зарубежных лингвистических атласах, опубликованных в последнее время в Чехословакии, Польше, ГДР, Болгарии⁴.

Карты атласа дали возможность не только уточнить диалектное членение чувашской языковой общности, но и наглядно показать пути диалектных миграций, приведшие к теперешней их локализации. В картах нашли отражение и явления, объясняющиеся влиянием субстрата. Атлас может служить пособием в работе не только лингвиста, но и историка и этнографа. Помимо научного атлас имеет также практическое, прикладное значение для разработки научно-обоснованных орфоэпических и орфографических норм современного чувашского литературного языка. Например: глагол 3-го лица настоящего времени единственного числа в отрицательной форме в говорах чувашского языка имеет варианты *kajmas'* и *kajmas* «он не уходит». Артисты драматического театра и дикторы радио употребляют оба варианта. Какой из этих вариантов (*kajmas'* или *kajmas*) следует принять за литературную норму, сказать трудно. Лингвогеографическое изучение этих вариантов указывает на то, что *kajmas'* имеет широкий ареал распространения, а вариант *kajmas* употребляется на ограниченной территории. Следовательно, на нормативность может претендовать именно форма с исходным *s'* — *kajmas'*. Таких примеров можно привести множество.

ДАЧЯ состоит из двух частей. Первую часть составляют: вступительные статьи, комментарии к картам и справочный материал.

Вступительные статьи содержат следующие разделы: 1) Введение. 2) Состав Атласа. 3) Из истории изучения чувашских диалектов. 4) Общая характеристика собранного диалектологического материала. 5) Сеть

³ Здесь имеются в виду следующие атласы: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957; Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958; Дзялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск. 1963.

⁴ Linguistig atlas and survey of irish Dialekts, 1958; Maly atlas gwar Polskich, 1957; Български диалектен атлас. София, 1964; Siebenbürgisch-Deutscher Sprachatlas. Marburg, 1967; Deutscher Sprachatlas. Marburg, 1967; Atlas linguistique des Pyrenees orientales par Henri Guiter, 1966 и др.

исследования. 6) Типы карт и принципы их построения. 7) Фонетическая транскрипция. 8) Краткая история Чувашии и ее географические особенности. 9) Дialeктное членение чувашского языка.

В комментариях указываются тема каждой карты, ее назначение и вопрос «Программы по собиранию материалов о говорах чувашского языка», на основании которого составлена карта. В отдельных случаях даются этимологические заметки, характеризующие природу каждого слова (относится ли оно к фонду общетюркской лексики или является заимствованным из контактирующих языков и др.). По мере необходимости помещаются замечания о языковом материале, фиксируются различные фонетические варианты лексических изоглосс, указываются колебания в языке того или иного населенного пункта.

Так, например, в комментариях к картам соответствия интервокальных геминат с озвонченными согласными указывается, что это явление — один из различительных признаков при выделении диалектов чувашского языка: геминаты верхового диалекта соответствуют звонким согласным низового диалекта, сравн. верх. *s'ŭkkŭg* и низов. *s'ugŭg* «хлеб»; верх. *tottŭg* и низов. *tudŭg* «платок»; верх. *kŭkkŭg* и низов. *kugŭg* «грудь» и т. д.

Однако в говорах верхового диалекта рассматриваемые слова не всегда произносились как *tottŭg*, *kŭkkŭg*, *s'ŭkkŭg*. Известно, что еще в XVIII в. они имели другой фонетический облик: в письменных памятниках чувашского языка, относящихся к XVIII в., эти слова зафиксированы с гласным ауслаутным *у* в форме *сукру* «хлеб», *кукру*, *кокро*, *кокра* «грудь», *тотра* «платок», *кокро* «криво» и т. д. У Страленберга мы находим такие слова: *sukru* «хлеб», *kukru* «грудь». Эти же слова в рукописных словарях XVIII в., обнаруженных историком В. Д. Дмитриевым, а также в первой печатной грамматике чувашского языка имеют аналогичную фонетическую огласовку: *кокра*, *кокро* «грудь», *сукру* «хлеб». Другие слова этого звукового ряда также представлены здесь в идентичной огласовке с гласным ауслаутом: *тотра* «платок», *кокро* «криво» и т. д. То же самое находим и в труде академика Герарда Миллера: *sukru* «хлеб», *kukru* «грудь».

Эти факты свидетельствуют о том, что в начале XVIII в. слова рассматриваемого звукового ряда произносились с ауслаутной огласовкой *-gŭ* (*-ri*), *-lŭ* (*-li*) на значительно большей части чувашезычной территории. До последнего времени даже не был известен факт бытования в современных говорах слов *kukgŭ* «кривой», *kŭkgŭ* «грудь», *s'ŭkgŭ* «хлеб», *kukl'ŭ* «пирог», *witrŭ* «сквозь» и т. д., хотя в «Словаре» Н. И. Ашмарина зафиксированы отдельные из них: *сăкра* (Ашм. XIII, 16) — без указания географической пометы, *кукльа* (Ашм. VI, 269) — в одной загадке без точного указания его значения (*йумах йупльа, хури кукльа* — ножницы)⁵. Этот факт также подтверждает широкое распространение указанных форм на значительной территории верхового диалекта. Сейчас эти формы здесь совершенно исчезли, сохранившись в виде реликта лишь в говорах саратовских⁶ и ульяновских чувашей.

⁵ Указанная загадка Н. И. Ашмариным записана в с. Тораево, которое ныне входит в Моргаушский район Чувашской АССР.

⁶ См. об этом в нашей статье «Из наблюдений над говором саратовских и пензенских чувашей» («Материалы по чувашской диалектологии», вып. III. Чебоксары, 1969).

Одним из доказательств прежнего распространения в верховом диалекте слов на ауслаутные -гү, -лү является 3-е лицо посессивных форм: здесь рассматриваемые слова в 3-ем лице употребляются всегда с аффиксом -i, а в низовых диалектах — с аффиксом -i.

Срав., например:

верх.	низоз.	
kokl'i	kugyl'i	«его пирог»
s'ykr'i	s'ygyr'i	«его хлеб»
totr'i	tudyr'i	«ее платок»

Появление в этих словах посессивного аффикса -i можно объяснить лишь гласным ауслаутом, в противном случае, как и в низовых диалектах, здесь мы имели бы аффикс -i: верх. s'ykrü+i > s'ykr'i «его хлеб», низ. s'ygyr+i > s'ygyr'i «его хлеб».

Таким образом, в начале XVIII в. в верховом диалекте чувацкого языка слова рассматриваемого звукового ряда употреблялись с гласным ауслаутом, а современные интервокальные геминаты верхового диалекта образовались позднее. Из рассматриваемого звукового ряда нами картографированы слова: kugug «кривой», kugyl' «пирог», kugug «грудь», s'eg'il' «крюк», s'ygyr «хлеб», tudyr «платок», widir «сквозь». Кроме того, картографированы отдельные слова, не относящиеся к этому звуковому ряду: k'ir'ep'g'e «фунт», serkke «рюмка», питај «много», руги «полба», kis's'e «войлок», kul'an «горевать».

Карта на произношение слова kugug «грудь» составлена на материале пункта «а» вопроса 65 «Программы».

Это слово общетюркское, никаких следов ауслаутного k в говорах чувацкого языка не обнаружено, видимо, оно выпало в глубокой древности. Данные других тюркских языков позволяют вывести древнюю форму чувацкого слова и его модификации: * kuguguk > * kugug > диал. kugug > диал. kugug в говорах верхового диалекта; в говорах низового диалекта можно предполагать форму * kugug > kugug.

В современных говорах чувацкого языка (на территории республики), по данным карты, оппозиция бинарная: kugug ~ kugug. Форма kugug распространена во всех говорах верхового диалекта (за исключением чебоксарского).

Для ряда населенных пунктов в комментариях приведены оба варианта: kugug и kugug и даны указания по картографической обработке.

Карта на произношение слова *kugyl'* «пирог» составлена на материале пункта «а» вопроса 65 «Программы». Слово *kugyl'* финно-угорского (марийского) происхождения проникло в чувашский язык в глубокой древности. Сопоставление чуваш. *kogyl'* с азерб. *gogal*, *kökä* «лобок», туркм. *köke* «чурек, оладья» не обоснованно. Марийская форма *kogyl'o* позволяет вывести чувашский архетип в период его заимствования: * *kogyl'y* > *kokl'y* *kokl'i* > *kokkyl'* в говорах верхового диалекта, * *kugyl'y* > *kugyl'* — в низовом диалекте.

Ареал *kokkyl'* одинаков с ареалом *kökkyl'*. На предыдущей карте для отдельных населенных пунктов были даны формы с геминатами, здесь этого явления нет.

Бинарное противопоставление на карте выглядит четко.

Справочный материал ДАЧЯ содержит: списки обследованных населенных пунктов (по современному и дореволюционному административному делению), алфавитный указатель к списку обследованных населенных пунктов, вспомогательный список обследованных населенных пунктов (с указанием источника и года собирания материала); список условных сокращений, индекс слов, встречающихся в легендах карт атласа.

Вторая часть ДАЧЯ состоит из самих карт (их всего 448, в том числе вспомогательных — 14, карт отдельных языковых явлений — 399, свободных карт языковых явлений — 35).

Карты представлены в трех томах: в первом томе даны вспомогательные и фонетические (вокализм) карты; второй том посвящен фонетике (консонантизм) и грамматике (морфология и синтаксис); третий том составляют лексические и сводные карты языковых явлений.

В качестве приложения к ДАЧЯ дан «Словарь чувашских народных говоров». Он состоит из двух частей: в первой части содержатся лексические диалектизмы (эта часть объемом 10,0 а.л. издана отдельной книгой в 1968 г.⁷), а во второй — фонетические диалектизмы. В «Словаре» для сравнения включен материал из рукописных и печатных словарей XVIII в. с соответствующими пометами, указывающими на их источник.

Исходным материалом для картографирования явились отчеты диалектологических экспедиций, проведенных Научно-исследовательским институтом при Совете Министров Чувашской АССР в послевоенные годы, курсовые и зачетные работы по чувашской диалектологии студентов чувашского отделения пединститута. Использованы также материалы корреспондентов института, богато представленные в научном архиве. Автором просмотрены и использованы материалы известного чувашеоведа Т. М. Матвеева, собранные им во время диалектологических поездок, организованных АН СССР в 1926—1928 гг. (Этот материал ныне хранится в научном архиве ЧНИИ).

Значительный фактический материал для составления ДАЧЯ почерпнут из «Словаря чувашского языка» и других работ Н. И. Ашмарина, а также из диалектологических работ, опубликованных в последние годы.

⁷ Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968.

Для картографической обработки привлекались многочисленные полевые записи автора, собранные им во время диалектологических экспедиций и командировок в 1951—1969 гг. В ходе работы над картами автор обследовал 42 населенных пункта, включенных в атлас, и ряд смежных с ними селений. Имевшийся в нашем распоряжении диалектный материал не всегда был доброкачественным и иногда вызывал законные сомнения. В этих случаях данные по какому-либо селению требовались повторно для выяснения ряда возникших вопросов, и тогда приходилось выезжать на места. В отдельных случаях сомнения устранялись путем сопоставления диалектных данных говора картографируемого села с данными соседних селений, отстоящих от него на расстоянии от 1 до 4 км. Идентичные ответы, полученные в этих селениях, устраняли сомнения и давали возможность составителю продолжать свою работу по картографированию.

В ДАЧЯ включен 201 населенный пункт. Обследованные селения находятся одно от другого в среднем на расстоянии 5-7-9 км, а в отдельных случаях и ближе. В лесистой местности (Шумерлинский, Шемуршинский районы), а также в степных районах юга (Яльчикский и Батыревский районы) эта сеть обследования несколько разрежена. Это объясняется тем, что языковой ландшафт северных районов Чувашской АССР более разнороден и характеризуется значительной пестротой диалектных фактов. Южный ареал более однороден, здесь отсутствует языковая пестрота. В связи с этим на юге обследовано значительно меньшее количество населенных пунктов, нежели на севере республики, хотя при лингвистическом картографировании первостепенное значение придается также и числу обследованных пунктов.

Для удобства пользования картой в качестве географических ориентиров в ДАЧЯ включены такие общеизвестные города, как Чебоксары (столица республики), Канаш, Алатырь, Шумерля, Ядрин, районные центры и поселки городского типа, хотя в языковом отношении они не однородны (в них проживают представители разных национальностей) и, как правило, не обследовались. В Атлас по возможности включались крупные населенные пункты (часто это центры сельских Советов), имеющие многолетнюю историю. Почти все из них зарегистрированы в «Списке населенных мест Российской империи» (1859 г.).

На карте населенные пункты отмечены кружочками. Вместо названий рядом с кружочками поставлены цифры от 1 до 201. Названия пунктов и различные дополнительные сведения о них даны в четырех «Списках обследованных населенных пунктов».

Как уже было сказано, в ДАЧЯ представлены карты трех типов: вспомогательные, карты отдельных языковых явлений и сводные карты.

Под вспомогательными понимаются различные исторические, политические карты исследуемого ареала, физическая карта республики, карты лесов и рек Чувашии, карты топонимических индикаторов, которые должны помочь раскрыть некоторые вопросы образования диалектных единиц чувашского языка. Так, например, в ДАЧЯ имеются карты распространения топонимических индикаторов -паг (-ner), asl'ŭ ~ pizyk ~ тун < «большой», которые с учетом исторических фактов дают возможность правильно группировать диалектные единицы чувашского языка. Топонимический элемент -апаг (-ep), -паг (-ner), являющийся марийским по своему происхождению, в названиях чувашских селений встречается лишь в верховом диалекте. По карте распространения слов asl'ŭ ~ pizyk ~ тун <

«большой» мы также можем судить о границах диалектов чувашского языка в прошлом⁸.

К числу вспомогательных относится карта, показывающая, сколько названий (одно, два или три) имеет каждый из включенных в Атлас населенных пунктов.

Карты отдельных языковых явлений составляют основной тип карт атласа. В нашем Атласе это фонетические и лексические карты.

Карты фонетических диалектных различий составлены на произношении отдельных слов. Такова, например, карта, которая показывает произношение слова *kütke* «муравей». В этих картах находят отражение

отклонения в произношении каждого отдельно взятого слова. Это частные фонетические карты. Однако несколько таких карт объединяются одной темой, раскрывающей то или иное общее фонетическое явление. Так, например, Атлас открывается картами на произношение отдельных слов, характеризующих явления оканья и уканья: *pos' ~ rus'* «голова», *ot ~ ut* «шагать», *sorux ~ surux* «овца», *oks'a ~ uks'a* «деньги», *хога ~*

хига «черный» и т. д. Все они уточняют территориальный аспект фонетического соответствия *о ~ и*. Отразить на одной карте это общее явление оканья-уканья невозможно, так как каждое слово имеет свой ареал распространения. Приведенные в Атласе карты дают возможность выделить ареалы чистого оканья и чистого уканья: ареал чистого оканья образуется изоглоссой слова *og'an* «пахтанье», севернее которой не встречаются укающие формы. Условно эту границу можно назвать изоглоссой чистого оканья. Ареал чистого уканья по материалам ДАЧА выделяется изоглоссой слова *jul* «оставаться», южнее которой отсутствуют окающие формы. Условно эту изоглоссу назовем изоглоссой чистого уканья. Между этими ареалами лежит широкая полоса — зона смешанного оканья или «зона вибраций *о ~ и*».

ДАЧА содержит 126 фонетических карт, посвященных вокализму и раскрывающих следующие фонетические явления: соответствие гласных *п ~ о*, губной сингармонизм однородных кратких гласных, соответствия

гласных *а ~ е*, *а ~ ү*, *а ~ и*, *ү ~ и*, *и ~ ү*, *е ~ ү*, *и ~ и*, *ү ~ и*, *и ~ е*, *и(о) ~ а*, *и(о) ~ ü*, *и ~ үw* (*үwү*, *үw*, *үwү*), *үwa ~ oa*, *ü ~ i*, *iwe ~ öe*, *ü ~ iwi*, *ү ~ ү*, *ү ~ и*, выпадение гласных (I том Атласа).

В области согласных картографированы следующие явления (II том Атласа): фонетические соответствия *k ~ kk*, *t ~ tt*, *m ~ mm*, *г ~ rr*, *z' ~ s's'*, *l ~ l'*, *w ~ l*, *w ~ p*, *w ~ m*, *w ~ n*, *k ~ x*, *l ~ j*, *l ~ n*, *m ~ n*, *p ~ k*, *s ~ s'*, *c ~ s'*, *t ~ k*, *t ~ c*, *s ~ s'*, метатеза, выпадение согласных *l*, *j*, *w*, *m*, *k*, *s*, выпадение слогов, вставка согласных в анлауте и инлауте.

В Атласе также имеются морфологические и синтаксические карты, показывающие ряд соответственных явлений. Карты эти включены во II том.

⁸ И. С. Галкин. Топонимика марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа. — «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967, стр. 203; М. Р. Федотов. Чаваш республикинчи хаштер ял ячесем синчен. — «Таван Атал». Шулашкар, 1970, № 1, стр. 61—62.

Лексические карты отражают диалектную синонимику чувашских говоров в плане картографической проекции. Они характеризуют разные названия предметов и действий. В ДАЧЯ представлены следующие лексико-семантические группы слов: названия явлений природы, географические термины, термины родства и свойства, анатомические термины, названия болезней, одежды, кушаний, различных строений и их частей, домашней утвари, домашних животных и слова, связанные с животноводством, названия сельскохозяйственных культур, деревьев, диких животных и птиц, различные глаголы, наречия и слова нетерминологического характера.

Фонетические разновидности лексических диалектизмов нами на картах не отражаются, хотя и приведены в легендах к картам. В комментариях к картам указаны варианты произношения и номера населенных пунктов, в которых зафиксированы те или иные фонетические формы.

В ДАЧЯ картографированы противопоставленные диалектные различия, характерные для фонетической, грамматической и лексической систем чувашских говоров. Например, в лексике противопоставлены слова *as* и *kagaĵ* «мясо». Первое из них употребляется в верховом диалекте, а второе — только в низовом.

Непротивопоставленные диалектные различия в ДАЧЯ отсутствуют, за исключением слова *sobuġ* «женский летний халат», которое характерно для говоров северных районов Чувашии, а на юге республики в связи с отсутствием данной реалии не употребляется. Поэтому данная карта имеет этнографический характер.

Противопоставление диалектных различий в системе говоров чувашского языка бывает двучленное (бинарное) и многочленное. В приведенном выше примере *as* ~ *kagaĵ* «мясо» мы имеем двучленное противопоставление. Из многочисленных противопоставлений можно привести, например, следующие: в системе одних говоров для выражения понятия «спина» употребляется слово *s'ugum* *s'ogum*, а в другой группе говоров — *t'ür't'*, в третьей — *kaz'an*. Здесь налицо трехчленное противопоставление. Или еще пример: в диалектах чувашского языка понятие «дедушка со стороны отца» выражается словами: *maz'ak*, *azat't'e*, *ad'ikka*, *ad'et't'e*, *paĵaj*, *t'ot't'o*. Это уже многочленное противопоставление.

Противопоставленные диалектные различия на карте обозначаются цветными кружочками. На картах ДАЧЯ применены следующие цвета: красный, синий, зеленый, желтый, коричневый, черный, темнокрасный.

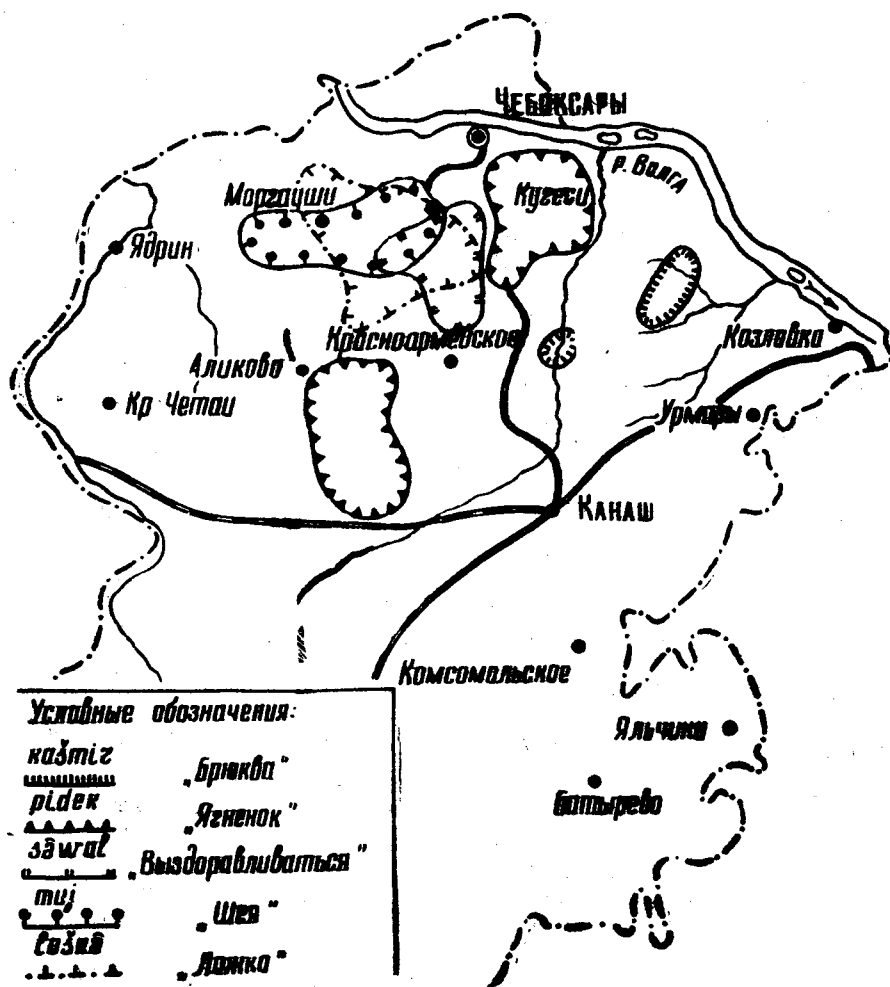
При двучленном противопоставлении диалектных различий, естественно, употребляются два цвета, при трехчленном — три и т. д., то есть структурные соотношения противопоставляемых явлений показаны противопоставлением соответствующих цветов.

Прежде чем перейти к характеристике третьего типа карт ДАЧЯ, необходимо кратко остановиться на понятии «изоглосса».

Обычно под изоглоссой понимается линия на карте, «показывающая территориальное распространение того или другого языкового явления»⁹, «граница территориального распространения отдельного явления в его соотносительных вариантах»¹⁰. При этом, естественно, изоглосса должна

⁹ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 170.

¹⁰ Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, стр. 14.

Карта № 1

указывать на границу распространения либо противопоставленных диалектных отличий по обе ее стороны, либо непротивопоставленного диалектного различия. Однако при картографировании ареалы противопоставленных диалектных явлений на отдельных участках часто взаимно накладываются друг на друга, в результате чего на карте практически образуется не линия как таковая, а определенной ширины полоса, так называемая «зона вибраций». Схематически это можно изобразить так: допустим, что на какой-то определенной языковой территории имеются два противопоставленных явления А ~ Б; причем изоглосса явления А

проходит по линии *вг*, а изоглосса явления Б — по линии *аб*. В промежуточной полосе *абвг* употребляются оба варианта указанных противопоставленных диалектных отличий, что и является «зоной вибрации» явления А ~ Б.

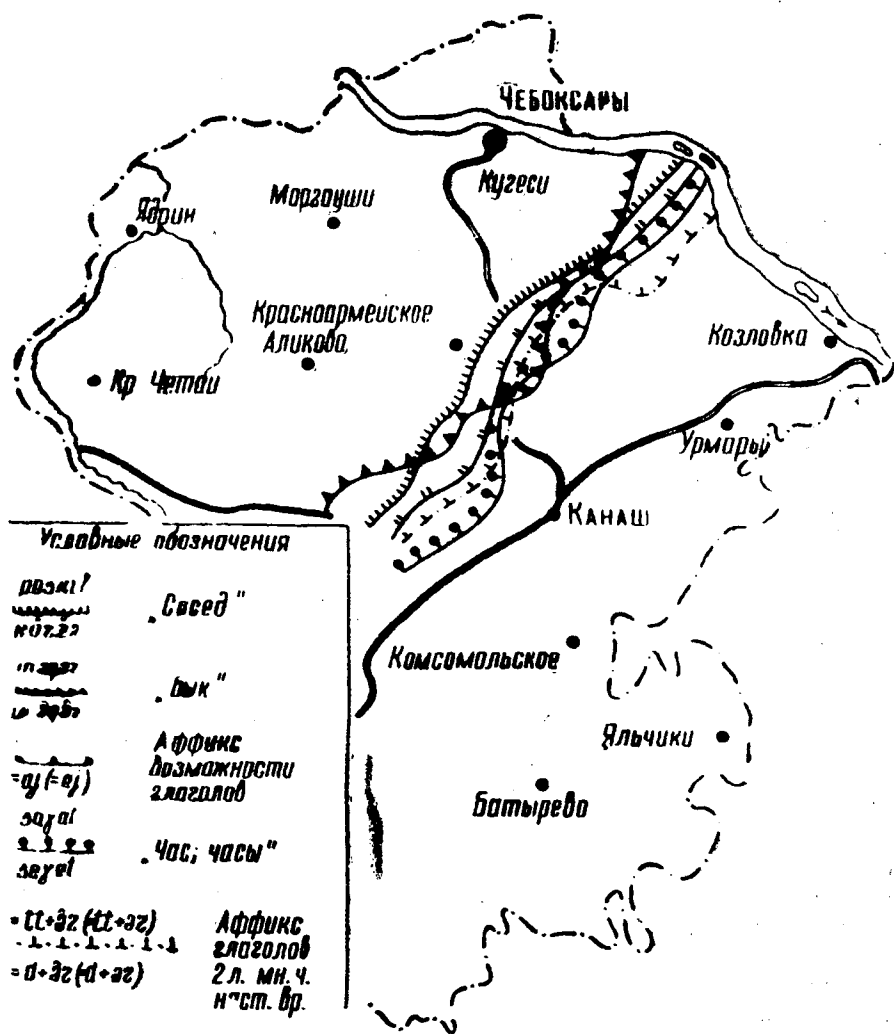
В данном случае провести изоглоссу соответственного явления А ~ Б не представляется возможным, на карте можно провести лишь изоглоссу либо одного члена А, либо члена Б, то есть изоглосса нами рассматривается как граница распространения одного из членов явления¹¹. Это положение нами учитывалось при картографировании различных явлений чувашского языка. В бинарных противопоставлениях один из членов соответственного явления всегда является диалектизмом, а второй — литературным эквивалентом. В таких случаях на картах проводилась изоглосса диалектизма, а не изоглосса литературного члена соответственного явления. Проведение изоглоссы литературного члена привело бы нас к ошибочному представлению об истинных ареалах членов этих явлений, особенно диалектного члена.

Карты ДАЧЯ показывают, что относительные члены языкового явления не всегда имеют сплошные границы в виде линий, в некоторых случаях они образуют островки, замкнутые линии. Таковыми, например, являются изоглоссы слов *kussym* «брюква», *muĵ* «шея», *wul'ĭŭ* «сильный», *puġkka* «индюк», *muġ'ŭ* «орех», *muġ'aga* «рог» и др. (см. карту № 2).

Третий тип карт ДАЧЯ составляют сводные карты. Это такие карты, на которых представлены изоглоссы разных языковых явлений — фонетических, лексических и грамматических. На одной карте обычно объединяются изоглоссы, имеющие одинаковую конфигурацию, сходный ареал распространения. Обычно на одной сводной карте приводятся данные 5-7 языковых явлений, различных по своей структуре, независимо от того, связаны они между собой или нет (см. карту № 1).

На сводных картах ДАЧЯ распространение диалектных различий показано при помощи цветных линий, по одну сторону которых нанесены перпендикулярные «усики». Эти «усики» показывают направление распространения того или иного диалектного явления. По другую сторону линии (изоглоссы) наблюдается противопоставленное диалектное явление.

¹¹ Такого же мнения придерживается О. Н. Мораховская, которая рассматривает изоглоссу как границу распространения одного члена. Изоглосса же, как граница распространения двух членов соответственного явления, ею считается частным случаем. См.: «Общие проблемы диалектологии и истории языка. Ответы на вопросник». М., 1969, стр. 38.

Карта № 2

В отдельных случаях из-за отсутствия материала по некоторым населенным пунктам возникла трудность проведения той или иной изоглоссы в виде сплошной линии. В таких случаях сплошная линия заменялась пунктирной, прерывистой, указывающей примерную границу распространения явления на этом участке.

По происхождению мы различаем изоглоссы внутриязыковые или междиалектные, имеющие историческую подоснову, и маргинальные или адстратные. Внутриязыковые, междиалектные изоглоссы в большинстве своем отражают реликты древних родоплеменных языков. Разумеется, явления, характеризующиеся каждой из этих изоглосс, возникли в разное время и имеют различную историческую судьбу. Материалы сводных карт показывают, что рассматриваемые изоглоссы отличаются большой пестротой с точки зрения их конфигурации и направленности распространения изоглоссных явлений.

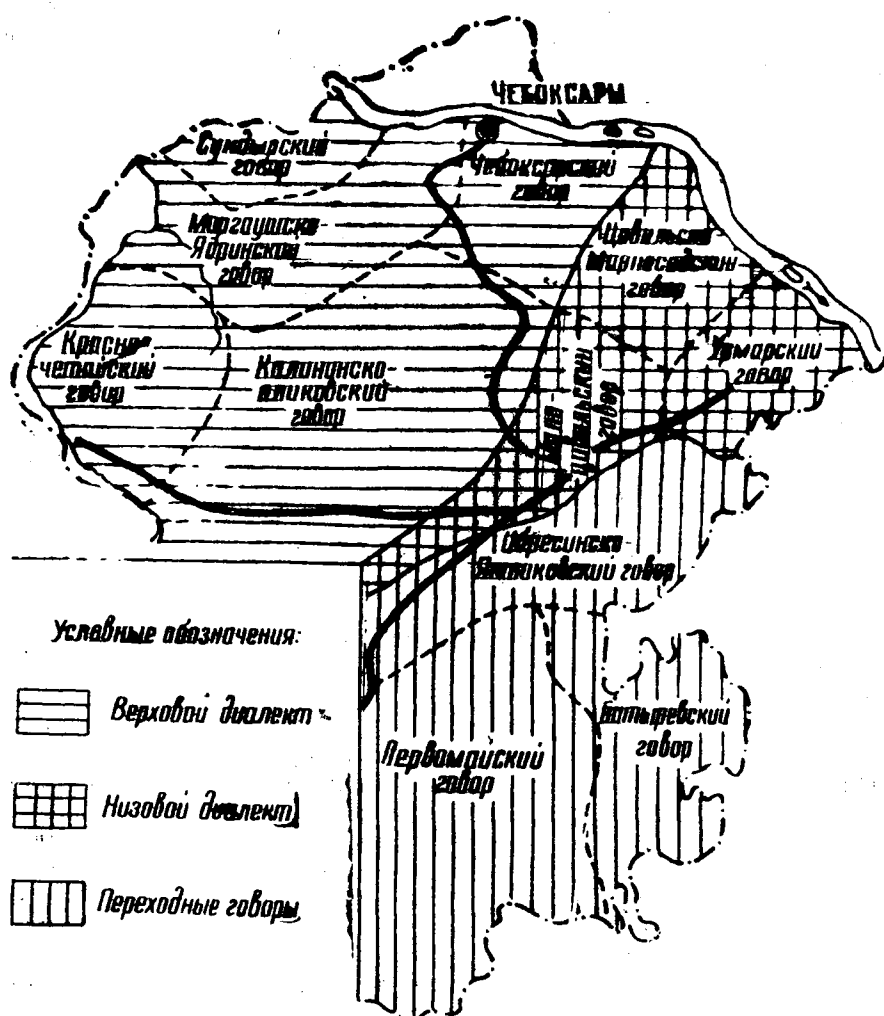
Изоглоссы маргинальные или адстратные — следствие контактов говоров чувашского языка с русским, марийским и татарским языками. Рассматриваемые изоглоссы характерны для окраинных территорий чувашского языка и по сравнению с изоглоссами первого типа имеют узко локальное распространение. Они характерны в большей степени для лексики, и в меньшей — для фонетики. Так, например, на севере Чувашской АССР локализованы марийские изоглоссы, а на востоке и юго-востоке распространены изоглоссы татарских лексических заимствований и фонетических явлений. Все они являются результатом проникновения иноязычных элементов в структуру окраинных говоров родного языка.

В некоторых случаях при заимствовании возникает семантическая дифференциация в употреблении иноязычного и своего слова¹². Примером семантической дифференциации может служить русизм *sis ~ cos* (русс. *тес*), который в ареале своего распространения не вытеснил исконно чувашское *хупа* «доска», а употребляется в значении «кровельный тес, кровельная доска». В связи с этим, естественно, несколько сузилась семантика природной лексемы *хупа*. В противопоставленном ему ареале такой дифференциации нет, здесь *хупа* имеет оба значения.

Маргинальные изоглоссы чувашского языка, вытесняя чувашские формы, распространялись от центра иррадиации в глубь языкового массива с той или иной степенью интенсивности в зависимости от различных причин лингвистического и экстралингвистического характера (например, от значимости и удобопроизносимости заимствованной единицы, от степени сопротивляемости чувашского эквивалента и др.). Поэтому для каждого конкретного слова мы имеем свою маргинальную изоглоссу: карты ДАЧЯ показывают степень и глубину распространения иноязычных (марийских, татарских и русских) элементов в чувашском языке, направление движения этих изоглосс.

В отличие от марийских и татарских изоглосс, которые локализованы на севере и востоке Чувашской АССР, русские лексические изоглоссы, как показывают карты ДАЧЯ, иррадировали с трех сторон — с запада, востока и севера. Изоглоссы, проходящие в направлении с севера на юг, делят чувашезычную территорию на два противопоставленных ареала — восточный и западный; другие изоглоссы проходят с востока на запад и выделяют две противопоставленные территории — се-

¹² Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, стр. 150.

Карта № 3

верный и южный ареалы. Третья группа изоглосс не имеет строгой направленности и представляет собой замкнутые образования. Такого типа изоглоссы образуют «островки» иноязычных элементов.

Характерно, что отдельные русские изоглоссы имеют два или три центра иррадиации. К таковым, например, относятся изоглоссы слов *куг'is* «крыса», *кул'ukka* «голубь» и др.

Пучки сходных изоглосс определенного направления показывают, откуда шла иррадиация и куда тяготело в прошлом население тех или иных районов. Например, изоглоссы западного ареала указывают на культурно-экономические и административные связи этих районов с городами Ядрин и Курмыш; пучки изоглосс русских лексических проникновений, делящих верховой диалект чувашского языка на северный и южный ареалы, могут быть объяснимы экономическим, политическим и культурным влиянием городов Козьмодемьянска и Чебоксар, бывших уездных центров Казанской губернии. В свою очередь восточные изоглоссы образовались не без влияния таких центров, как Буинск, Тетюши и др.¹³

Сводные карты изоглосс позволили провести диалектное разделение на основании сходства пучков изоглосс определенной конфигурации. По существенным особенностям всех ярусов языка (фонетики, грамматики и лексики) и их проекцией на карту в чувашском языке выделяются два диалекта, две территориальные разновидности. Эти бинарно противопоставленные разновидности не являются продуктом спонтанного развития праязыка, а представляют собой «единство не исконно данное, а сложившееся исторически, в процессе общественно обусловленного взаимодействия с другими диалектами общенародного языка, как результат не только дифференциации, но и интеграции: единство развивающееся, динамическое, как о том свидетельствует характер изоглосс языковой карты, наглядно отражающей связь истории языка с историей народа»¹⁴.

Эти два диалекта нами условно названы вслед за историками и этнографами *верховым диалектом* и *низовым диалектом*. Термины *верховой* и *низовой* сначала закрепились в науке как этнографические для названия двух больших групп чувашей — верховых и низовых, получивших эти названия по месту расселения относительно реки Волги, то есть по географическому положению¹⁵ (см. карту № 3).

На стыке двух диалектов — верхового и низового — в ходе исторических междиалектных контактов образовалась довольно широкая переходная зона, связанная «одними своими признаками с одним диалектным массивом, другими — с соседним массивом, противопоставленным первому»¹⁶. Карты диалектологического атласа показывают, что для зоны переходных говоров характерно совпадение разнообразных, независимых друг от друга изоглосс отдельных явлений верхового и низового диалектов. В конечном счете такое совпадение различных изоглосс служит доказательством существования усиленных междиалектных связей, в процессе которых на месте столкновения двух диалектных систем явно обозначался процесс своего рода стирания, выравнивания острых

¹³ Подробно об этом см. в нашей статье: Изоглоссные явления русских лексических проникновений в чувашском языке. — «Ученые записки» ЧНИИ, вып. XXXII. Чебоксары, 1966, стр. 113—130.

¹⁴ В. М. Жирмунский. О некоторых проблемах лингвистической географии. — «Вопросы языкознания», 1954, № 4, стр. 23.

¹⁵ Т. М. Матвеев. Краткий обзор чувашских диалектов (опыт районирования). — «Материалы по чувашской диалектологии», вып. I. Чебоксары, 1960, стр. 17; И. А. Андреев. Чувашский язык. — «Языки народов СССР», т. II. М., 1966, стр. 62.

¹⁶ В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков.

диалектных различий. По существу, зона выравнивания острых диалектных различий является зоной переходных говоров («зоной вибраций»).

Однако здесь нужно заметить, что отдельные территориальные участки в зоне переходных говоров, давно сложившись в языковом отношении в устойчивое целое, обладают рядом характерных признаков, которые отсутствуют даже в верховом и низовом ареалах.

Все диалектные подразделения — диалекты и зона переходных говоров — выделяются на основании изоглосс фонетических, грамматических и лексических явлений.

В составе верхового диалекта четко очерченные пучки изоглосс и общность их конфигурации позволяют выделить следующие говоры: сундырский, моргаушко-ядринский, краснотетайский, чебоксарский и калининско-аликовский.

В низовом диалекте изоглоссы сходных конфигураций выделяют три говора: первомайский, батыревский и ибресинско-янтиковский.

Зона переходных говоров занимает промежуточное положение между верховым и низовым диалектами. Специфика указанной зоны определяется взаимоналожением изоглосс двух диалектных ареалов чувашского языка, то есть распространением на территории переходных говоров противопоставленных явлений обоих диалектов.

Если выделение крупных диалектных единиц производилось компактными пучками изоглосс, то деление диалектов на говоры основывалось в большинстве случаев на изоглоссах сходной конфигурации, чаще всего не составляющих на карте какого-либо пучка. Это особенно характерно для зоны переходных говоров и низового диалекта. Вообще следует отметить, что выделение мелких диалектных подразделений (говоров и в особенности подговоров) находится в прямой зависимости от густоты сетки обследования, характера лингвистического ландшафта и объема картографируемого материала. При редкой частоте сетки обследования и малом объеме материала труднее выделить мелкие диалектные единицы.

Следует отметить, что современные границы диалектных признаков являются продуктом длительного развития языка, исторического взаимодействия двух диалектных структур, в процессе которого старые границы стираются, размываются и устанавливаются новые. Например, калининско-аликовскому говору в целом присущи все особенности верхового диалекта, за исключением лишь оканья. Исторически уканье этого говора является качеством, приобретенным в результате тесных междиалектных контактов. В ходе интенсивных междиалектных общений произошло постепенное оттеснение оканья на северо-запад. В последнее время этот процесс ускорился благодаря воздействию литературных норм на местные особенности языка.

В числе факторов, обуславливающих образование границ диалектов или говоров, исследователи указывают также на факторы внелингвистические, например, исторические политические границы¹⁷. Поэтому при диалектном членении мы старались привлекать не только лингвистические карты отдельных слов, явлений, но и административно-территориальные карты прошлого, а также учитывать естественные границы — географический ландшафт (реки, леса, горы), — которые в той или иной степени помогают раскрывать условия образования и развития территориальных диалектных единиц. Разумеется, диалектные границы не мо-

¹⁷ М. А. Бородина. Контуры лотарингского диалекта и причины, обусловившие их формирование. — Сб.: «Проблемы сравнительной филологии». М.—Л., 1964, стр. 243—246.

гут в точности совпадать с границами прошлых административных делений (здесь можно говорить лишь о «тенденции к совпадению»), что нельзя не учитывать. Так, например, развитие сундырского говора верхового диалекта нельзя объяснить без учета того, что до революции территория этого говора в административном отношении долгое время находилась в составе Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Это обстоятельство не могло не сказаться на формировании указанного говора со всеми его фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями.

Большая раздробленность верхового диалекта, многочисленные расхождения в фонетике, грамматике и лексике объясняются помимо всего прочего также условиями жизни верховых чувашей. Совершенно справедливо замечание Н. И. Ашмарина, высказанное им по этому поводу на Всечувашском краеведческом съезде в Чебоксарах 20 июня 1928 г.: «Анатри жили в степях, а вирьялы в лесах. Это и исторически известно, что та местность, где живут вирьялы, была покрыта лесами, здесь было огромное количество рек и болот, и эта особенность природы ни в коем случае не способствовала объединению диалекта и групповых оттенков, а наоборот эти оттенки развивались и способствовали выработке отдельных местных диалектов. Возьмите Ядринский уезд и Чебоксарский. Чебоксарский уезд известен тем, что здесь чуть ли ни в каждом селении особый диалект; это очень интересно для исследователя, так как диалекты вырабатывались под влиянием своеобразных местных условий»¹⁸.

Низовой диалект, напротив, не отличается той раздробленностью, какая наблюдается в верховом диалекте. Здесь немного изоглосс, расчленяющих диалект на дифференцированные мелкие подразделения, и они не образуют компактных пучков. Эта общность признаков, видимо, свидетельствует о том, что в прошлом этот диалект представлял собой некое единство, и уже в последующем подвергся процессу дивергенции.

¹⁸ Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи. — НА ЧНИИ, отд. IV, ед. хр. № 13, стр. 38—39.

Э. А. УМАРОВ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

За последние годы тюркологи добились значительных успехов в области изучения тюркской фразеологии. Ими выявлены основные лексико-грамматические особенности фразеологизмов и высказано много ценных замечаний. Тем не менее представление об объекте фразеологии до сих пор остается несколько неопределенным. Ряд ученых понимает фразеологию весьма широко: по их мнению, все устойчивые сочетания представляют собой фразеологизмы. Другие, хотя и возражают против этого мнения, однако четкого определения не дают. Неопределенность объекта фразеологии сказывается на материале, охватываемом как одноязычными, так и двуязычными фразеологическими словарями.

Первым одноязычным фразеологическим словарем в тюркологии следует считать словарь «Татарская фразеология, пословицы и поговорки»¹.

В этот словарь включено около шести тысяч пословиц, поговорок и фразеологизмов, которые составители не разграничивали между собой.

Словарь состоит из двух частей: I. Мәгънәдәш фразеологик берәмлекләр «Совпадающие по значению фразеологические единицы» (стр. 9—165), II. Аерым сүзләргә илгезләнеп ясалган фразеологик берәмлекләр «Фразеологические единицы с одним общим компонентом» (стр. 187—239). В первой части примеры распределены по шестидесяти

тематическим группам. Например: il, vatan турында «о родине», gomer, jasāu hām ülem турында «о жизни и смерти», kölü, elau турында «о смехе и плаче», bajlyk, jarlylyk турында «о богатстве», duslyk, dosmanlyk, köncelelek, jaklasu турында «о дружбе и вражде» и т. д.

В каждой тематической группе приводится от 25 до 100 пословиц, поговорок, фразеологизмов. В тематической группе aldaу, jalganlau, maktancyklyk hām ysanycsyzyk турында «об обмане, хвастливости и недоверии» приводится 102 примера: agas atka atlandyу «обмануть», букв. «посадить на деревянную лошадь», ürdäk birep kaz alu «вводить в заблуждение», букв. «давая утку, берет гуся», bodaj kursätep arpa satu «вводить в обман», букв. «показав пшеницу, продает овес» и т. д.

Некоторые примеры подтверждаются иллюстративными материалами из произведений Каюма Насыри, Габдуллы Тукая, Мажида Гафури и других татарских авторов.

Во второй части собраны в основном словосочетания, связанные со стержневыми словами bas «голова», аjak «нога», avuz «рот», күз «глаза», күңел «сердце».

Например, со словом күңел приводится около пятидесяти пословиц, поговорок, фразеологизмов с вариантами: ak күңел «чистосердечный», kın күңел «добрый», күңел birep aslāu «работать с аппетитом», күңел ranziе «обижаться» и т. д.

Аналогичные примеры даны со словом tel «язык»: tel bolgau «сплетничать», tel Kievga ilter «язык до Киева доведет», telenne kyska tot «язык держи за зубами», telsez kalu «остаться без языка» и т. д.

В этой главе приводятся и такие сочетания, в которых опорными словами являются: adām «человек», at «лошадь», bala «ребенок, дети». Со словом bala даны следующие

¹ Л. Жәлғей, Н. Борһанова, Л. Мәхмүтова. Татар теленен фразеологиясе, мәкаль һәм әйтеһмәре. Казан, 1957.

примеры: *baladan kotylu* «освободиться от ребенка», *balaly öj — bazar, balasyz öj* — пазар «дом с детьми — базар/шумно/, дом без детей — кладбище/тихо/».

Не умаляя значения этого словаря в целом, нельзя не отметить, что понятие фразеологизм авторы толкуют слишком широко.

В словарь включено большое количество разнообразных устойчивых сочетаний: *küz kysu* «подмигивать», *süzgä osta* «оратор», *küz aldu* «на глазах», *ber avuz süz* «одно слово», *süz kuzgatu* «начать разговор» и даже формы проклятий: *nälät jaysun* «пусть будет проклятием», *jözeñ kaga bulgury* «пусть опозорится», которые не являются фразеологизмами.

Очень интересны по замыслу «Материалы по карачаево-балкарской фразеологии» З. К. Жарашуевой².

Из одноязычных фразеологических словарей наиболее интересным является словарь Ш. Рахматуллаева³.

Во введении автор совершенно справедливо указывает, что до сих пор в узбекском языкознании (да не только в узбекском, но и в других тюркских языках) из-за неразработанности некоторых теоретических вопросов фразеологии многие устойчивые соче-

тания и фразеологизмы считались сложными словами. Например, сочетания *osik küngil* «чистосердечный», *ilik uzuldi* «он ослаблен», «он чувствует себя плохо»⁴, многие узбековеды считают сложными словами.

В настоящее время, когда разрабатываются теоретические вопросы фразеологии, начали определяться их материальные основы и то, что относили к сложным словам, в действительности, следует считать фразеологизмами или устойчивыми сочетаниями⁵.

Автор подчеркивает, что он является сторонником узкого понимания фразеологии /тор тушунир таарфдори/ и излагает свою точку зрения на предмет фразеологии.

Иногда он отступает от своей позиции, включая в словарь сочетания типа: *zavob bermok* «ответить», *ahamijät bermok* «придать значение», *bosdan o'jok* «с ног до головы», *savol bermok* «задать вопрос», *oila kurgmok* «построить семью», *kulok solmok* «слушать». Эти примеры представляют собой по сути дела устойчивые словосочетания, а не фразеологизмы.

В словарь включены фразеологические синонимы, антонимы и омонимы. Интересно авторское разграничение фразеологических вариантов и тождественных фразеологизмов, подтверждаемое иллюстративными материалами из произведений узбекских советских писателей.

Характерные фразеологизмы турецкого языка собраны в книге Умара Асима Аксой⁶. Первая часть *atasözleri* «пословицы и поговорки» (стр. 75—141), вторая часть *devimler* «ходячие выражения» (стр. 143—288).

Во второй части этой книги наряду с фразеологизмами *göz boyamak* «обмануть», *göz kulak olmak* «быть бдительным», *agzi bozuk* «болтун», *gönülü kaga* «завистливый».

göz asir карауңсаа *kadar* «мигом», приводятся пословицы и поговорки: *sahibi razı olur, tıllal razı olamaz* «хозяин согласен, а маклер нет», *önüne geleni kapar, ardına geleni teper* «спереди кусается, сзади лягается», *kızım sana söylüyorum, gelinim sen dinle* «дочка, я тебе говорю, невеста, ты слушай», *üzümü ye de bağını sorma* «ешь виноград, а из какого он сада не спрашивай». Встречаются и разнообразные устойчивые сочетания:

acı söz «горькое слово», *akıl öğretmek* «учить разуму», *allah bana, ben de sana* «аллах мне, а я тебе», *allah için* «ради аллаха», *anadan doğma* «от роду», *kulak vermek* «слушать», *saglik olsun* «пусть будет здоровье», *sabrı tasmak* «терпение лопнуло», *söz bir, allah bir* «слово едино, аллах один», *söz almak* «взять слово», *uyku sekmet* «спать», *tas atmak* «кинуть камень», *yol bulmak* «знать дорогу».

Много фразеологизмов в сборнике крылатых слов Ш. Шомаксудова и С. Долимова⁷. В нем приводятся очень интересные примеры (исключения составляют немногочисленные однословные выражения типа *zigarsuz* «сильно пострадавший», *tullak* «хитрый») и да-

² Нальчик, 1968, стр. 96. См. рецензию автора в журнале «Советская тюркология». Баку, 1970, № 2, стр. 124—125.

³ Ш. Рахматуллаев. Узбек тилининг кискача фразеологик лугати. Тошкент, 1964.

⁴ Узбекско-русский словарь. М., 1959, стр. 175.

⁵ Ф. Б. Байрамов. Основные различия между аналитическими глаголами и устойчивыми глагольными сочетаниями. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1967, т. XXVI, вып. I, стр. 69.

⁶ Ömer Asım Aksoy. Atasözleri ve devimler. Ankara, 1965.

⁷ Кенг уйнинг келинчаги. Тошкент, 1964.

ется их толкование, а иногда указывается и происхождение, например: *onasini ückur-vondan kursatmok* «показывать кузькину мать», *tujaning dumi erga tekkanda* «когда на горе рак свистнет», *tera soci tikka bulmok* «злиться», *sarti ketib parti kolmok* «стоять одной ногой в могиле». Однако происхождение некоторых словосочетаний толкуется часто необоснованно и не научно. Иногда история возникновения фразеологизма заменяется описанием случаев его употребления.

Например: к выражению *oýzing okarib kolibdi* букв. «твой рот побледнел» дается следующее пояснение: «когда у человека корова телится или коза приносит козлят, то вместо поздравления употребляют это выражение». Фраза *oýzingga solsang buyzinga ketadi* «если положишь в рот, пойдет в глотку» поясняется словами: «это выражение употребляют, говоря о вкусной пище».

Первым двуязычным фразеологическим словарем в тюркологии является «Русско-татарский фразеологический словарь»⁸. В нем собрано 2820 различного рода устойчивых словосочетаний.

Авторы словаря понимают фразеологию очень широко. Кроме собственно фразеологизмов, как, например: *bitъ челоm* «*bas iý*», «*bas oý*», *быть на волоске* «*kyl östendä genä toý*», *иметь зуб* «*аси saklau*», «*üc saklau*», *их водой не разольешь* «*agalaryna kyl da syjmyi*», *дело в шляпе*, «*äs bette költä genä zyjasu kaldy*», они приводят много пословиц и поговорок: *дурная голова покоя не дает* «*basynda belem bulmasa, ajagutça avyryk*», «*basyñ äslämäsä, ajaklarga kös*», *дуракам закон не писан* «*tilegä türä jyk*», «*tilega sud jyk*», *нет худа без добра* «*häersezneñ häere bula*», *ни богу свечка, ни черту кочерга* «*pi allaga, pi mullaga*»; *бранные выражения*: *будь проклят!* «*nälät jausyn!*», *я из тебя кишки выпущу* «*äsenne agyzutmut*»; *различные устойчивые сочетания*: *в один голос* «*ber tavystan*», *не шутка* «*uen tügel*», *одним словом* «*ozyn süzneñ kyskasy*», *от мала до велика* «*jase — karty*», «*olysy — kecese*», *совесть чиста* «*vözdany pak*», «*joze ak*», *создалось впечатление* «*tääsir kaldy*», *дело не вяжется* «*äsneñ räte jyk*», «*äs bartuý*», *язык без костей* «*söjaksez tel ni ajtmäs*», *под утро* «*tañ aldynnan*», *поднять голос* «*tavysny kütarü*».

Особенностью этого словаря является стремление составителей по возможности дать эквивалент того или иного русского фразеологизма: *разнести в пух и прах* «*kölen kükka osugu*», *стреляный воробей* «*kart büge*». Когда такая возможность отсутствует приводится буквальный перевод: *старого воробья на мякине не проведешь* «*kart сурсук kibäkkä aldanmas*».

Единый принцип отбора фразеологического материала отсутствует и в кратком фразеологическом словаре русского и туркменского языков «Мудрость двух народов»⁹.

В него включаются и пословицы: *в решете воду не носят* «*älek bilen suv dasymajarlar*», *мертвый пес зайца не погонит* «*oli it tovsan kovmaz*»; *устойчивые обороты*: *словно щет проглотил* «*agac jyvdañ jaly*», *от чистого сердца* «*ak jürekden*»; и фразеологизмы: *держат в ежовых рукавицах* «*tikenli ällinde saklamak*», *после дождичка в четверг* «*pensenbe guni jagysdan soñ*», «*asegin gujruçi ere etende*».

В этом словаре наряду с неудачно переведенными фразеологизмами (например, *и комар носа не подточит* «*juzup ustunde burnun bar dien bolmaz*», «*tovugna tok dijilmez (dien bolmaz)*») встречается и много хороших переводов: *обвести вокруг пальца* «*suvly akidip suvsuz getirmek*».

Особое место занимает «Краткий русско-азербайджанский фразеологический словарь» М. Т. Тагиева¹⁰. Хотя в предисловии указывается, что «в словарь не включены пословицы (за редким исключением) и поговорки, а также крылатые слова», в действительности же в нем наряду с фразеологизмами *бить баклуши* «*vvejl g'äz-mäk'*», *ни слуху ни духу* «*nä säs var nä sorag*», *ни уха ни рыла* «*ik'i essajin arpasunu*

⁸ Н. Б. Борханова, Л. Т. Мэхмутова. Русско-татарча фразеологик сузлек. Казан, 1959.

⁹ Составители: А. Кулиев, А. Аннануров, Г. Кулиева. Ашхабад, 1963.

¹⁰ Баку, 1964.

bölä bilmir», *чужими руками жар загребать* «özg'ä äli ilä ilan tutmag», *запустить удочку* «söz almaça calysmag», *заливаться смехом* «gäh-gäh ilä g'ülmäk'» даны и другие устойчивые словосочетания: *находить поддержку* «k'ömäk'lik' tapmag», *на наших глазах* «g'özümüz garsysynda», *иметь понятие* «täsävvürü olmag», *чуть-чуть* «bir azza», *черпать знания* «bilik' almag», *черные тучи* «gara bulutlar», *да так* «bir tähr», *дай бог* «allah eläsin», *счастливого пути* «uyurlar olsun!».

Характерной чертой этого словаря является стремление автора передать в переводе на другой язык «самобытное целое подлинника самобытным же целым».

Далее следует назвать «Краткий азербайджанско-английский, англо-азербайджанский фразеологический словарь»¹¹.

Составители этого словаря также широко понимают объект фразеологии и поэтому в словарь включены как устойчивые выражения: falak' bunu da cox g'ördü «fate has denied me this», künaha batmag «to sin», так и пословицы и поговорки: od janmasa tüstü cuxmaz «there is no fire without smoke», nä äk'ärsän onu bicärsän «as you sow shall now», а также собственно фразеологизмы: zany ayzyna g'älmäk' «to be half dead from anxiety or fatigue», and icmäk' «to take an out to swear». Многие выражения (особенно во второй части словаря) переводятся буквально, толкуются и поясняются: a job of work «ayır», «zähmätli», «cätin is», at the utmost «än juk'säk', än böjök', all the world knows «hamıya mälumdur», «bütün dünya bilir».

Все приведенное выше свидетельствует о том, что в специальной тюркологической литературе до сих пор отсутствует четкое определение объекта фразеологии. Между тем необходимость такого определения и уточнения классификационных признаков фразеологических словосочетаний становится все более ощутимой, особенно в связи с расширением лексикологических и лексикографических исследований. Надо строго разграничить фразеологизмы с другими устойчивыми сочетаниями, пословицами и поговорками. Уже совершенно ясно, что не всякие устойчивые обороты являются объектом фразеологии. Большинство лингвистов¹² характеризует фразеологизм, как метафорические устойчивые словосочетания, общий смысл которых не определяется значением отдельных компонентов.

При таком понимании объекта фразеологии можно добиться определенных успехов в уточнении и отборе фразеологического материала, а это в свою очередь приведет к единообразию принципов составления фразеологических словарей.

¹¹ Составители: Х. Ахмедова, И. Рагимова. Баку, 1962.

¹² А. И. Молотков. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. См.: Фразеологический словарь русского языка, под ред. А. И. Молоткова. М., 1967, стр. 7—23.

РЕЦЕНЗИИ

А. М. ЩЕРБАК. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ*

Книга А. М. Щербака посвящена обобщению и систематизации основных достижений в изучении исторической фонетики тюркских языков. Автор поставил перед собой задачу краткого, но исчерпывающего в основных аспектах освещения сущности вопроса. И этого он достигает с большим научным тактом. Книга привлекает внимание прежде всего постановкой следующих узловых проблем истории тюркской фонетики: 1) применение сравнительно-исторического метода исследования в тюркологии и алтаистике; 2) долгие гласные и развитие системы гласных в тюркских языках в ходе трансформации самого строя языка (связь агглютинации и сингармонизма); 3) древнетюркские фонематические противопоставления согласных и др. Наряду с этим автор систематизирует и развивает свои более ранние высказывания о тюркской фонетике.

Особого внимания заслуживает замечание автора о том, что хотя применение методов сравнительно-исторического изучения, сложившихся в процессе исследования индоевропейских языков, к материалу языков алтайских и не дало ожидаемых результатов, однако отказ от этих методов был бы по крайней мере преждевременным: новые методы могут вырабатываться лишь на основе усвоения и соответствующей переработки наиболее рациональных элементов старых. Будучи последовательным, автор сам дает наглядный пример применения сравнительно-исторического метода и одновременно — поиска новых методов исследования.

Слабым местом позиции А. М. Щербака является его нежелание использовать данные алтайских и уральских языков.

Известно, что не только монгольские, тунгусо-маньчжурские и тюркские языки, но и уральские (угро-финские и пр.) характери-

зуются определенным сходством друг с другом. Географическое расположение и природные особенности областей первоначального распространения этих языков не препятствуют выдвижению гипотезы об их родстве. Сходство их фонетики и морфологии достаточно очевидно для того, чтобы исключить возможность случайного совпадения. Формирование фонетического строя монгольских языков, например, иногда до мельчайших подробностей напоминает этот же процесс в тюркских языках. И если исследователь истории тюркской фонетики пренебрегает столь благоприятным для сопоставительного изучения фактором, то это является свидетельством лишь того, что ему не удалось найти соответственной научной методики. Ссылки на отсутствие «генетического родства» между алтайскими языками в данном случае не являются достаточно убедительными.

Отнюдь не сильной стороной авторской позиции являются попытки доказать, что «ротацизм и ламбдаизм в чувашском языке — довольно поздние явления, представляющие собой результат своеобразного фонетического развития аллофонов пратюркских фонем /**c*/ и /**ш*/ (стр. 85). Через две страницы автор утверждает: «Наличие слов с ротацизмом и ламбдаизмом в монгольских языках позволяет говорить об относительно большой древности рассматриваемых явлений». Но ведь примеры на ротацизм и ламбдаизм в чувашском и монгольском, а также в других тюркских языках обнаруживают полную этимологическую тождественность! Следовательно, нет оснований отделять тюркский ротацизм от монгольского по времени. А. М. Щербак убедительно показывает связь корреспонденции (*p ~ ʒ*) с долготой предшествующего гласного (стр. 55, 86). Однако направление звуковых переходов он определяет, по сути дела, произвольно. Ведь *δ* (*ʒ*) мог возникнуть не только из ослабленного *c*, но и из ослабленного *p*. В типологии отмечены как переходы *ʒ → p*, так и *p → ʒ*, причем почти в

* Л., Изд-во «НАУКА», 1970.

сходных позициях¹. В тюркских языках можно найти и прямые примеры на переход $p \rightarrow \delta(z)$: башкирский *sibəm* «дерн», например, явно заимствован из татарского *чирәм* ~ бурят, *шэрэм* «дерн, молодая трава, молодой кустарник». Если решать вопрос строго научно, то при определении направлений звуковых переходов, по-видимому, нужно исходить из конкретных методологических принципов. Например, можно взять за основу следующие правила:

1. Инновация в фонетике всегда проявляется в более узкой области, нежели базисное состояние (как в пространственном и временном, так и внутриязыковом смысле).

2. Инновация в фонетике нарушает (дезтимологизирует) лексическую и морфологическую непрерывность во времени, и поэтому следы базисного состояния всегда находятся в тех элементах лексики и морфологии, в которых сохраняется системность.

3. Инновация в фонетике проявляется там, где звуки подвержены наибольшему изменению, например в конце слов (на стыках слов) или на стыке корня и аффикса.

Исходя из этих соображений, рассмотрим переход $p \rightarrow z$. Какие варианты слов и аффиксов с p или с z (δ, c) — имеют более широкое распространение в пространственно-временных координатах? Несомненно, p -варианты: они встречаются во всех тюркских языках (в большинстве из них sporadически — в реликтовых морфемах), в то время как по крайней мере в двух тюркских языках — чувашском и булгарском — исконные z (δ, c) отсутствуют. Нет никаких оснований полагать, что встречающиеся во всех остальных тюркских языках p -варианты заимствованы из булгарского или, тем более, чувашского. Какие же варианты мы находим в тюркских морфемах с ослабленным значением системности, где, следовательно, может встречаться инновация? Опять-таки z (δ, c)-варианты! Они встречаются в формах отрицания: *-сыз||-сиз* (чув. *-сар||-сер* и *-мас||-мәс*, чув. *-мар*, в других тюркских языках sporadически *-мар||-мәр*, позитивное соответствие во всех тюркских языках *-р*, *-ар||-эр*, *-ыр||-ур*). А ведь именно формы отрицания обладают наибольшей подвижностью и разнообразием и в наименьшей степени подчиняются системности. Звук z , $\delta(c)$ на месте p встречается также в нерегулярных вариантах аффикса принудительности *-каз||-кәз*, *-кыз||-киз*, *-кар||-кәр*, *-кыр||-кир* (регулярный аффикс принудительности в тюркских языках после основ на согласный *-тар||-тәр*, *-тыр||-тир*, образованный из *-тар||-тәр*, как *-кар||-кәр* из *-к-тар||-к-тәр*, причем элемент *-ар||-эр*, вероятно, идентичен глаголу *эр* «быть, делать»). Наконец, посмотрим, в каком, собственно, положении мы находим звук z (δ, c). Как

уже давно замечено, z (δ, c), соответствующий звуку p в чувашском и монгольском языках, в подавляющем большинстве случаев находится в абсолютном конце слов (см. стр. 55, 86 рецензируемой книги). Кроме того, он встречается иногда и внутри слова, но чаще всего в характерной позиции — перед $f||z$: *азау||азағ* «самец, клык» <*азғағ*, ср. монг. *араа* <*аригағ* «клык», *йозак||йузак* «замок» <*йузғағ*, ср. куман. *jusxas*, чув. *сара* «замок», *иске*, *эски* «старый» <**ззи*, ср. хакас. *ирге* «старый, прежний», казан. *казған* «котел», ср. чув. *хуран* «котел», *кузға*, *козға* «сдвинуть с места», ср. др.-монг. *корға* «прекратить, сдвинуть», *кызған* «жалеть», ср. чув. *херхен* «жалеть», *кызыл* «красный» <*кызғыл* <**кыргыл*, ср. чув. *херле* «красный», *көзге*, *күзгү* «зеркало», ср. алтайск. *көрүңгүш* «зеркало», тат. *сызғыр* «свистеть», ср. вост.-тюрк. *сығыр*, *сырғыр* «свистеть», тат. *сыбызгы* «свисток», ср. вост.-тюрк. *сығырғы* «свисток».

В ряде случаев в середине слова сохраняется p :- межтюрк. *балтырган*, *балдырган* «мягкие почки растений; молодой, неокрепший», но *балдыз* «младшая сестра жены; младший брат», межтюрк. *бурчы* «беспокоить, донимать», но *буз* «испортить» (ср. монг. *бори*, *бури* «испортить, беспокоить»), тат. *бугарлан* «есть по горло», но *бугаз* «горло», тат. *бирчэй* «покрытые мохолами», но *биз* «мозоль, опухоль», тат. *кайыры* «кора дерева», но *кайыз* «обделанная кора», тат. *кыурғы* «горн, горящий уголь», но *кыуз* «горящий уголь», тат. *умрау* <*омирағ* «ключица», но огузск. *омуз* «ключица», общетюрк. *көкрэк*, *көкурэк* «грудь», но огузск. *көкүз* «грудь», якут. *комурдуос* «жук», но общетюрк. *конгуз* «жук», общетюрк. *йигирми* «двадцать», но *игиз* «двойня», тат. *ниргә* <*нигрә* «венец сруба, основание», но *нигез* «фундамент, основание», межтюрк. *сэрмә* «ощупывать, находить ощупью, хватать», но *сәз* «почувствовать, чутя», общетюрк. *топрак* <*тобурағ* «почва, глина, пыль», но *тооз* (<**тобур*-) «превратиться в пыль», общетюрк. *тирсәк* «локоть», но *тиз* «колени» и пр.

Поскольку аналогичных примеров, подтверждающих возможность обратного перехода ($z \rightarrow p$), нет, то совершенно очевидно, что внутри слов левого ряда сохранен исходный звук, которым является p . Это подтверждается при сравнении с чувашскими *с'итмел* «семьдесят» и *с'ич* «семь» татарскими *саргай* «желтеть» и *сары* «желтый»: в первом случае внутри слова сохранен исходный t (ср. общетюрк. *йэтти* «семь»), в то время как в конце слова этот t в чувашском перешел в $ç$; во втором случае внутри слова сохранен древний конечный r (ср. древнетюрк. *сарығ* «желтый»), в то время как в конце слова этот r редуцировался (*сарығ* > *сары*).

Причина перехода $p \rightarrow z$, по нашему предположению, следующая. Древний p мог

¹ См.: А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 45.

существовать только в интервокальной позиции. В определенной стадии развития тюркских языков, вследствие усиления первого слога конечные гласные (и гласные перед $\text{ʃ}||\text{g}$ внутри слова) стали выпадать. Это приводило, во-первых, к возникновению заместительной долготы предшествовавших гласных и, во-вторых, к некоторым звуковым изменениям, в частности к переходу $p \rightarrow z$. Долгота гласных перед конечным $z, \delta(c)$, таким образом, является не причиной, а явлением, сопутствующим переходу $p \rightarrow z$. Это подтверждается и тем, что долгий гласный далеко не всегда присутствует там, где имеется конечный $z (\delta, c)$, соответствующий звуку p в других языках (и положениях).

А. М. Шербак стремится опровергнуть гипотезу о существовании в древнетюркских языках конечных гласных и закон открытых слогов. Однако почти все его доводы не достигают цели. Мы полностью разделяем мнение автора о том, что, например, чувашские слова с краткими $a||e$ в конце, соответствующие общетюркским односложным словам без этих гласных, не являются, по-видимому, пережитками общетюркского прошлого. Правильно и то, что монгольские двусложные слова с разными гласными в конце, соответствующие тюркским односложным с согласными в конце, не образуют регулярных соответствий с туркмено-якутскими словами с долгим гласным в единственном слове. Но этот факт отнюдь

не опровергает гипотезу о заместительном характере первичных долгот. Логично предположить, что первичные долготы в древнетюркских диалектах вследствие редукции конечных гласных возникали лишь там, где этому способствовала лексико-семантическая ситуация (опасность возникновения нежелательных омонимов). В остальных случаях «заместительных долгот» после редукций конечных гласных не возникало. Кроме того, поскольку лексико-семантическая ситуация чрезвычайно подвижна, естественно, что многие уже утвердившиеся в праязыке первичные долготы впоследствии должны были исчезнуть. На это указывает и то обстоятельство, что многие долготы сохранились в единичных случаях либо в туркменском, либо только в якутском, несмотря на то, что само слово имеется в обоих языках (стр. 56).

Книга А. М. Шербака содержит систематическое изложение основных проблем истории тюркской фонетики, вышла в свет очень своевременно и будет полезна для каждого тюрколога. Однако стремление автора опровергнуть некоторые положения алтаистики и тюркологии (гипотезы родства алтайских языков, закона перехода $p \rightarrow z$ и др.) не всегда оправдано, ибо оно по существу заводит в тупик сравнительно-историческое изучение и глубокую этимологизацию тюркских языков.

Р. Г. Ахметьянов

ИЗУЧАЮТСЯ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА*

Вопросы стилистики в азербайджанском языкознании начали изучаться в 1933 году А. Тагизаде и Х. С. Ходжаевым, впервые раскрывшими стилистические возможности азербайджанского языка. Ими был написан специальный учебник под названием «Краткая стилистика» (синтаксис и стилистика), в котором значительное место уделялось вопросам единства синтаксиса и стиля. В вышедшей в 1962 году книге проф. А. Демирчизаде «Азербайжан дилинин услубијјаты» («Стилистика азербайджанского языка») исследовались различные стили азербайджанского литературного языка, а также стилистические возможности его фонетических, лексических и морфологических категорий.

Ценным коллективным трудом в области исследования стилистических особенностей азербайджанского языка явился рецензируемый сборник очерков «Азербайжан бэди дилинин услубијјаты» (очерклэр), («Стилистика художественного азербайджанского языка»), подготовленный Отделом современного азербайджанского языка Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР и изданный в 1970 г.

Отдельные главы книги посвящены таким важным и актуальным вопросам, как система тропов, знаки препинания, аллитерация, стилистические возможности лексики художественных произведений, заимствования, диалектизмы, эвфемизмы, специфические особенности художественного языка, язык сатиры и юмора, стилистические возможности морфологических категорий, обращение, антонимы, неологизмы, порядок слов, вводные слова и обособления, повторы, сложное предложение, фразеология и др.

В книге дается определение предмета стилистики и понятия стиль, характеризуются основные функциональные и жанровые стили, исследуются стилистические особенности языка сатиры и юмора. Авторы останавливаются на характерных чертах сатирического стиля: преувеличении и заострении образа (гипербола, гротеск), использовании эмо-

ционально окрашенной лексики, иронических интонаций и специфических приемов (каламбур, пародия, анекдот и др.), показывают, как посредством сочетания различных языковых единиц создаются обличительные интонации, возникает комический эффект. Сопоставляя сатирические произведения лирического плана с эпической сатирой, авторы останавливаются на особенностях используемых приемов и выразительных средств того или другого жанра.

Одна из глав книги посвящена системе тропов. Отметив большую роль тропов в формировании художественного стиля, авторы указывают, что до сих пор в книгах по стилистике азербайджанского языка тропы изучались главным образом лишь в лексико-семантическом плане, тогда как их стилистические особенности, определяющиеся использованием синтактико-грамматического строя языка, оставались вне поля зрения исследователей. Стилистические особенности тропов связаны с индивидуальными особенностями творчества отдельных писателей и проявляются в определенных контекстах. Без их изучения невозможно судить о стиле произведения. В книге обстоятельно исследуется значение аллитерации как средства художественной выразительности. Дается краткий обзор существующих трудов по этому вопросу, обобщаются мнения различных ученых о роли и значении аллитерации в древнетюркских поэтических памятниках. Аллитерация является одной из характерных и неотъемлемых особенностей классической азербайджанской поэзии. У Насими, Хатаи, Физули и других азербайджанских поэтов аллитерация органически связана с поэтической формой их произведений. По особенностям использования аллитерации азербайджанский классический стих значительно отличается от классического стиха других тюркских народностей. Основываясь на исследованиях М. К. Гамзаева и А. М. Щербака, авторы указывают, что, например, поэзия Физули в отличие от творчества его современника Навои исклю-

* Азербайжан бэди дилинин услубијјаты. Баки, 1970.

чительно богата аллитерацией. Примечательно также отмеченное в книге наблюдение, что в народном творчестве (поговорки, баяты) широко распространена аллитерация начальных звуков слова, тогда как в письменной поэзии она может приходиться на любой слог. Отдельно характеризуется использование аллитерации в сатирических произведениях.

В рецензируемой книге обстоятельно исследуются стилистические возможности морфологических и синтаксических категорий азербайджанского языка. На основе изучения богатого фактического материала делаются теоретические обобщения и устанавливаются новые принципы классификации. Национальный колорит азербайджанского языка, красота его звучания и богатые стилистические возможности иллюстрируются убедительными примерами из лучших произведений азербайджанской литературы и народного творчества.

Книга не лишена и отдельных недостатков. Так, на наш взгляд, в связи с особенностями структуры книгу правильнее было бы назвать «Азербайджан эдэби дилинин бәдди услубу» («Художественный стиль литературного азербайджанского языка»), ибо ее главы, представляющие собой по сути дела самостоятельные исследования, посвящены отдельным аспектам художественного стиля литературного азербайджанского языка. Редакторы (М. Ш. Ширалиев и З. И. Будагова) многое сделали, чтобы объединить материалы книги и придать ей целостность, однако им все же не удалось до конца преодолеть некоторую разобщенность ее частей. Так каждый раздел книги начинается обзором общелингвистических и тюркологических проблем, что отвлекает внимание читателя от основного предмета. Некоторым разделам присуща описательность: широкий стилистический анализ и теоретические обобщения подчас подменяются изложением двух-трех суждений, подкрепляемых неоправданно большим числом примеров (стр. 88, 154, 160, 170, 179, 227, 304 и др.). Имеются также повторения. Например, метонимия и сравнение рассматри-

ваются и в главе, посвященной системе метафор (стр. 134, 127), и в главе о фразеологии (стр. 149, 195).

Иногда одна и та же мысль в книге повторяется, например: *Һәр бир синоним сөзүн өзүнә мәхсус характер хусусијјәтләри, инчә фәргләри вардыр...* (стр. 68) «Каждое синонимическое слово имеет свои характерные особенности, тонкие отличия»; *Һәр бир синоним өз әсас мәнасындан башга хусуси, спесифик мәна рәңкәрәңклијинә, мәна чаларлығына маликдир. Башга сөzlә десәк, синоним сөzlәрин мәнасы бир-бири илә там шәкилдә (тамамилә) ујғун кәлмир* (стр. 70) «Каждое синонимическое слово, помимо своего основного содержания, несет в себе еще множество особых значений и смысловых оттенков. Другими словами, значения слов-синонимов не совпадают полностью между собой»; *Лакин синонимләри һәмшә бир-бири илә әвәз етмәк мүмкүн дејилдир. Һәр бир синонимидә мүүјјән мәна чаларлығы вардыр* (стр. 77) «Однако не всегда возможно один синоним заменить другим. В каждом синониме содержится определенный смысловой оттенок» и т. д.

Повторяются и примеры из художественных произведений (стр. 247, 312).

Некоторые утверждения авторов являются спорными, например: «В художественном стиле азербайджанского языка широко распространены неологизмы в форме словосочетаний» (стр. 100). Или же: «Вообще как в строе языка, так и в языке художественных произведений в основном преобладают простые предложения» (стр. 331). Мы считаем, что такого рода утверждения не могут быть распространены на все произведения азербайджанской литературы.

Встречаются в тексте и отдельные стилистические погрешности (стр. 37, 99).

Разумеется, указанные недостатки не снижают общей научной ценности рецензируемой книги, которая является полезным исследованием в области стилистических особенностей и норм азербайджанского литературно-художественного языка.

М. Б. Мамедов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

С 11 по 13 ноября с. г. в Институте языкознания Академии наук СССР проходил симпозиум, посвященный проблемам сравнительно-исторического изучения тюркских языков. На симпозиуме было заслушано 20 докладов по трем проблемам: 1) определение понятия «общетюркский»; 2) роль типологических исследований в создании сравнительно-исторической грамматики тюркских языков; 3) методика реконструкции системы звуков и корневых морфем.

Симпозиум вступительным словом открыл заведующий Сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР *Э. Р. Тенишев*. С докладом на тему: «О содержании термина «общетюркский» выступил *Э. В. Севортян* (Москва). Как известно, понятие «общетюркский» не получило специального определения в тюркологии. Докладчик подчеркнул, что «Фонетика» В. В. Радлова, составившая исторический рубеж в развитии тюркологической науки, радловская классификация тюркских языков, а также аналогичная классификация Ф. Е. Корша, как и ряд других работ представителей радловской школы, сыграли решающую роль в формировании представления об общетюркских явлениях и определении понятия «общетюркский», которое охватывает как факты живых тюркских языков, так и соответствующие факты, зафиксированные в памятниках древнетюркской письменности. Однако распространение самого понятия «общетюркский», так же как и термина, относится к периоду после Великой Отечественной войны, когда началось систематическое сравнительное изучение тюркских языков.

Определив термином «общетюркский» отдельные языковые явления, свойственные всем тюркским языкам, *Э. В. Севортян* перешел к анализу соотношения общетюркского и пратюркского: «Чем дальше в глубь истории тюркских языков, тем чаще совпадает общетюркское с пратюркским; чем дальше от стадии нераздельной общности или намечающейся дифференциации тюркских языков, тем реже общетюркское

совпадает с пратюркским». По предположению докладчика, общетюркское слово-основа есть вместе с тем и пратюркское слово-основа, существовавшее еще в эпоху праязыка. Проиллюстрировав это положение конкретными примерами, докладчик далее отметил, что звуковые корреспонденции по ареальным группам в области как гласных, так и согласных восходят к одному общему звуку (соответственно гласному или согласному). Это положение составляет основу сравнительно-исторического метода. *Э. В. Севортян* отметил, что не всегда удается возвести общетюркскую или межтюркскую лексическую основу, либо форму к единому исходному архетипу. В качестве примера он привел разновидность общей лексической основы или формы, различающиеся контрастирующими признаками, и отметил, что нельзя найти объективные доказательства первичности одного корневого гласного или согласного и вторичности его корреспонденций в параллельных с ним формах и основах. Особый интерес вызвало у слушателей положение доклада *Э. В. Севортяна* об образовании племенных языков на обширных территориях и в связи с этим о вероятности распространения лексической основы или формы как из одного источника, так и путем независимого параллельного образования одних и тех же лексических основ в различных тюркских языках.

С докладом на тему: «К понятию «общетюркское состояние» выступил *Э. Р. Тенишев*. Он отметил, что общетюркское состояние — это первоначальная языковая общность, т. е. тот гипотетический язык (или точнее — языки, диалекты) тюркских племен, который удалось реконструировать сравнительно-историческим методом. По мнению докладчика, процесс формирования общетюркского языка-основы, завершившийся впоследствии его распадом, охватывал, несомненно, большой промежуток времени, который условно может быть представлен в виде двух хронологических периодов — раннеобщетюрк-

ский и позднеобщетюркский, каждый из которых характеризуется набором конститутивных признаков. Поздний период общетюркской эпохи был переходным от раннеобщетюркского языка к отдельным группам тюркских языков и диалектов. Именно в этот период сложились потенции, приведшие в дальнейшем к формированию новых, более мелких языков-основ, из которых постепенно выделились отдельные тюркские языки.

Т. М. Гарипов (Уфа) посвятил свой доклад теме: «Понятие общетюркской общности и вопросы исторического развития кыпчакских языков Урало-Поволжья». Докладчик считает методически неправильным вычленение болгарской ветви из общетюркского состояния языков, оперируя в то же время чувашско-тюркскими соответствиями, что иногда можно наблюдать в литературе. Докладчик высказался также за выделение кыпчакских языков Урало-Поволжья в особую подобищность.

Доклад индоевропейца Э. А. Макаева (Москва) был посвящен определению задач построения сравнительной грамматики тюркских языков. Докладчик отметил, что в настоящее время назрела необходимость в создании сравнительной грамматики тюркских языков, в основу которой должны быть положены следующие принципы: 1) установление генетически родственных моделей в тюркских и монгольских языках, а при благоприятных условиях и в других алтайских языках; 2) четкое разграничение генетических и типологических критериев; 3) проблема языкового союза в применении к тюркским языкам может оказаться эффективной при объяснении более поздних явлений, но она не должна снимать основного вопроса о генетическом родстве тюркских языков.

В докладе Н. З. Гаджиевой (Москва) говорилось о методах построения сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков. В частности, она отметила, что при изучении истории синтаксических конструкций определяющее значение приобретают типологические особенности семьи родственных языков. Синтаксическая структура тюркских языков во многом объяснима, если исходить из особенностей агглютинативного строя, который достиг в этих языках полной абсолютизации. Типологические свойства семьи родственных тюркских языков предопределили развитие многих синтаксических конструкций, к которым относятся изафетные сочетания, объективные конструкции с винительным падежом, связанные с развитием категории определенности-неопределенности, формирование сложного предложения и др. Типологические особенности семьи родственных языков помогают и при воссоздании конкретных синтаксических единиц.

9*

Далее докладчик отметил, что при сравнительно-историческом анализе синтаксиса родственных языков важно учитывать и те особенности синтаксической структуры, которые возникают совершенно самостоятельно в языках различного типологического строя. В качестве примеров Н. З. Гаджиева приводила факты использования вопросительных местоимений для союзной связи, развития союзов на базе частиц, разрушения связи под влиянием семантически однородных явлений и т. д. По твердому убеждению докладчика, сравнительно-исторический метод должен не только учитывать типологические особенности анализируемой семьи родственных языков, но использовать также приемы ареальной лингвистики, которая помогает установлению и определению инноваций и архаизмов в тюркских языках.

Примером того, как сравнительно-историческая грамматика использует целый комплекс различных методов исследования, является осуществление синтаксических реконструкций.

Н. З. Гаджиева полагает, что при построении сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков исследователю необходимо наряду с традиционным сравнительно-историческим методом, опирающимся как на материал письменных памятников, так и на факты живых языков, данными ареальной лингвистики исследовать также типологические особенности семьи родственных языков.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «Сопоставительно-типологические экскурсы и сравнительно-историческое изучение грамматики тюркских языков» показала возможность структурно-типологической верификации спорных грамматических гипотез. В частности, привлечение соответствующих вторичных глагольных образований кетского, нивхского и других языков ойбирско-дальневосточного ареала подтверждает трактовку тюркских деэприча-

стий типа $\begin{smallmatrix} \text{у-} & \text{папса} \\ & \text{v} \end{smallmatrix}$, $\begin{smallmatrix} \text{-} & \text{тусса} \\ & \text{vv} \end{smallmatrix}$ как сочетание

форм $\begin{smallmatrix} \text{у-} & \text{па} \\ & \text{v} \end{smallmatrix}$ (или $\begin{smallmatrix} \text{-} & \text{пус} \\ & \text{v} \end{smallmatrix}$) с квантитативным

падежом -са. Данные сопоставительной типологии свидетельствуют также о возможности нарушения к подобным образованиям показателя дательного-направительного падежа независимо от его позиции перед или после аффикса квантитативного падежа. Соединения показателей этих двух падежей (в том и другом порядке их следования) свойственны нивхскому, корейскому, тунгусским языкам.

Во второй части доклада Г. Ф. Благова остановилась на автономности посессивного и особенно местоименного склонения по отношению к склонению именному. Особенно наглядно эта автономность местоименного склонения прослеживается на материалах языка «Кутадгу билиг» (XI в.);

вполне ощутимо сохраняется она и в поэтических произведениях более позднего средневековья, написанных на языке тюрки, а в настоящее время представлена разрозненными сколками в различных тюркских языках и диалектах.

В результате анализа фактов местоименное склонение предстает как «копилка» всяческих падежных архаизмов, изменений и усложнений в категории падежа; это позволяет утверждать, что развитие местоименного и именного склонений происходило неодинаково и неодновременно. Аналогическое выравнивание местоименной падежной парадигмы по соответствующей именной парадигме относится к более позднему времени.

В докладе *М. Ш. Рагимова* (Баку) «Значение неродственных языков на территории Азербайджана в сравнительно-историческом изучении тюркских языков огузской группы» были рассмотрены древнейшие лексические элементы, заимствованные некогда из тюркских языков живущими на территории Азербайджана народами — носителями иранских, иберийско-кавказских и других языков. Докладчик на ряде примеров показал, что заимствованная этими языками тюркская лексика по сей день сохраняет свой древнейший фонетический облик и древнейшее лексическое значение. Ввиду того, что указанные языки находились в контакте лишь с одним из тюркских языков — азербайджанским, докладчик выдвинул следующие предположения: 1) азербайджанский (тюркский) язык функционировал на территории Азербайджана задолго до прихода на Кавказ сельджуков; 2) еще в V—VI вв. нашей эры общенародный азербайджанский разговорный язык был средством общения между населявшими тогда территорию Азербайджана многочисленными племенами и народностями, носителями целого ряда различных кавказских языков. Это, по мнению *М. Ш. Рагимова*, подтверждается также данными топонимии, тюркизмами в древнеармянских источниках и другими фактами. Докладчик подчеркнул большое значение подобных заимствований для сравнительно-исторического изучения огузской группы тюркских языков, в частности для изучения исторической фонетики азербайджанского языка.

Д. М. Насилов (Ленинград) в докладе «Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий в тюркских языках», подчеркнув интерес тюркологов к типологическим и сопоставительно-типологическим исследованиям, высказал мнение о том, что использование типологии позволяет существенно продвинуться в изучении грамматики тюркских языков. При выборе правильного соотношения между содержанием и формой, а также определении единой константы яснее вскрываются особенности

тюркских грамматических категорий. Видимо, такие исследования необходимо проводить сперва в пределах отдельных языковых микросистем. В качестве возможных констант докладчик назвал те, которые используются в группе структурно-типологических исследований Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР при описании каузативных и пассивных конструкций.

В докладе *Е. И. Убратовой* (Новосибирск) «Методика В. В. Радлова в сравнительно-историческом исследовании консонантизма якутского языка» рассматривалось значение «Фонетики» В. В. Радлова для изучения фонетического строя отдельных тюркских языков, а также конкретное применение метода В. В. Радлова при изучении фонетики якутского языка. *Е. И. Убратова* отметила, что многие положения радловской «Фонетики» в области изучения якутского консонантизма сохраняют свое научное значение по сей день.

А. П. Дильзон (Томск) в докладе «Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков» говорил в основном о методике реконструкции пратюркской системы звуков в тех случаях, когда отсутствуют необходимые письменные источники или когда фактические данные могут по-разному истолковываться. При этом учитываются данные всех тюркских языков и их диалектов, а также данные других языков близкого или более отдаленного родства (монгольских, тунгусо-маньчжурских и уральских). Докладчик считает, что, собрав воедино все необходимые факты, следует установить возможный последовательный ряд звуковых соответствий, истинность которого необходимо еще доказать. Наиболее убедительным доказательством он считает данные фономорфологического анализа, выявляющего обязательность данного звучания в составе морфемической оппозиции. Подобный прием докладчик продемонстрировал на трех примерах реконструкции, а именно: а) реконструкции архетипа звука для ряда, в который входит древнетюркский *-j-*; б) реконструкции огласовки и конечного согласного личных местоимений во всех трех лицах; в) реконструкции показателя множественности у отместоименных глагольных аффиксов в алтайских языках (*bi-z*, *si-z*).

В докладе *А. М. Щербака* (Ленинград) рассматривались формы на *-га*, *-гу*, *-гу*, которые, по известному мнению *М. Левицкого*, *В. Котвича* и других, исторически являлись формами местно-дательного или на-правительного падежа. Присоединяясь к точке зрения *В. В. Радлова* относительно

образования *буга*, *ога*, *суга* из сочетания указательных местоимений со словом *ага*, докладчик отметил, что почти все наречия и послелогия на *-га*, *-гу*, *-гу* восходят к деепричастиям, образованным от первичных

или вторичных (отыменных) глагольных основ на -г, или же от форм побудительного залога. В связи с этим, по мнению А. М. Щербака, снимается вопрос о соотношении -га, -гу, -гу между собой, так как параллельные формы, например tasga и tasgu и т. д., отражают вариативность древних деепричастий, ср.: $\text{baga} \sim \text{bagu} \sim \text{bagu}$.

В. И. Асланов (Баку) в докладе «К проблеме реконструкции корневых морфем в исторической лексикологии азербайджанского языка» говорил о путях установления корневых морфем (в основном односложных) на материале азербайджанского языка. В современном азербайджанском языке имеются такие сложные слова, компоненты которых в наши дни самостоятельно не употребляются и исторически являются либо антонимичными, либо синонимичными. Устанавливая значение одного из компонентов, мы тем самым устанавливаем и значение другого, а вместе с ними и их первоначальный корень: ср. $\text{darma-da\u0281up}$ «в пух и прах» (компоненты самостоятельно не употребляются, синонимичны, восходят к единому корню $\text{da-} < \text{ta-}$).

Члены синонимического или антонимического ряда могут быть производными. Если основа или корень одного из них не употребляется в современном языке, то, опираясь на данные других членов синонимического или антонимического ряда, можно их установить, например: слова epis «спуск» и joxus «подъем» являются антонимами, оба образованы с помощью аффиксов $-\text{is}$, $-\text{us}$. Если $\text{ep-} < \text{je\u0281-}$ означает «спускаться», то $\text{jox-} < \text{jo\u0281}$ как первоначальный корень должен был иметь значение «возвышаться», «подниматься». Докладчик привел ряд примеров реконструкции корня односложных основ, состоящих из двух фонем и квалифицируемых на современном этапе развития языка как простые. В. И. Асланов высказал мнение о том, что на материале конкретного тюркского языка можно выявить архетип и прояснить значение многих непонятных в наше время слов.

И. Г. Добродомов (Москва) в докладе «Тюркские заимствования славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков» говорил о том, что тюрко-булгарские заимствования русского языка могут служить важным источником для истории звукового строя чувашского языка, в котором сильное кыпчакское влияние сгладило результаты многих фонетических процессов. В качестве иллюстрации И. Г. Добродомов привел случаи, когда булгарско-чувашское s , соответствующее общетюркскому s , под воздействием татарского языка утрачивалось в чувашском. Булгарско-чувашское название карпа

«сазан», — $\text{sa\u0281ap}$ сохранилось в славянских и румынском языках, а в чувашском языке было вытеснено заимствованным из русского или татарского языка словом $\text{сазан} > \text{чувашское sa\u0281ap}$ (орфограф). Сходным образом древнечувашское (булгарское) название овцы сохранилось в русских и белорусских говорах в виде шурка , в то время как современная чувашская форма sigax испытала какое-то влияние со стороны татарского $\text{sa\u0281yk}$. В ряде случаев булгарская форма не имеет никакого соответствия в современном чувашском языке: явный булгаризм — русско-украинское название камыша шувар — не имеет соответствия в чувашском языке, но сохранился

в древнетюркском сочетании sukat kamys . Учет тюркских реликтовых форм, сохранившихся в славянских языках, весьма важен для восстановления цельной картины фонетической эволюции тюркских языков, без чего картина была бы неполной.

В докладе Ф. А. Ганиева (Казань) «Некоторые вопросы фонетического словообразования в татарском языке в историческом освещении» рассматривался способ фонетического словообразования путем исключения одного или ряда звуков. Данный способ, отмечалось в докладе, хотя существует и в настоящее время, однако он малопродуктивен. По мнению докладчика, фонетическое словообразование не характерно для татарского языка, что же касается приведенных некоторыми исследователями примеров, то они скорее говорят о морфологическом переразложении, аффиксальном словообразовании, опрошении отдельных элементов и т. д., нежели о тех фonomорфологических противопоставлениях, наличие которых свидетельствовало бы о фонетическом способе словообразования путем прибавления одного или нескольких звуков.

В докладе «Сравнительно-исторический метод в тюркологии и генезис балкарского цоканья» Ш. Х. Акбаев (Караевск) отметил, что применение сравнительно-исторического метода в тюркологии имеет свою специфику, связанную с особым строем тюркских языков и с историей тюркских племен и народов, а также с возможным родством их с монголами и тунгусо-маньчжурами.

Балкарское цоканье раньше объясняли иноязычным влиянием (Н. А. Караулов, В. И. Аббаев). Но для правильного решения проблемы необходимо включить цоканье в орбиту сравнительно-исторического анализа в составе закономерных соответственных рядов: 1) $c \sim s \sim c \sim s$; 2) $z \sim z' \sim dv \sim j \sim c \sim z \sim s \sim v \sim h \sim \emptyset$. Естественно предположить, что каждый из этих рядов восходит к своему архетипу. Пренебрежение им равносильно пренебрежению тюркским языком.

Для первого ряда докладчик восстанавливает *с, для второго — *с^v. По его мнению, только при этом условии легко объясняются те звуковые процессы, которые происходили как в отдельных языках, так и значительно раньше, в недрах тюркского праязыка, в результате чего возникли не только соответствия, но и аномальные явления.

Первоначальным толчком к изменению архетипов докладчик считает тенденцию к упрощению аффрикат под влиянием окружающих гласных. На последующих этапах происходят изменения, ярко иллюстрирующие так называемую теорию вытеснения: ср. ка^v

захское, каракалпакское, ногайское *с>с^v, тогда *с>з, далее с>с^v, з>з^v, но так как в языке был старый *s, но не было старого z, то *s был вытеснен новым /<*с^v/.

Неправоммерно рассматривать дробление праязыка и дальнейшую эволюцию диалектов прямолинейно. Поэтому в современных языках и диалектах представлено большое разнообразие звуков, репрезентирующих архетипы.

Прочитанные доклады вызвали оживленные прения, в которых приняло участие более 20 человек. Выступившие в прениях А. Н. Кононов, Г. Д. Санжеев, А. П. Дульзон, Э. А. Макаев, Е. И. Убрятова, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, Т. А. Бертагаев и другие стремились уточнить ряд положений отдельных докладов. В связи с докладом Г. Ф. Благовой Э. А. Макаев, например, указал на то, что несовпадение местоименных и именных парадигм свойственно мно-

гим индоевропейским языкам. Тот факт, что в языке «Кутадгу билиг» для одного и того же падежа личных и указательных местоимений параллельно используются различные показатели, присоединяющиеся подчас неодинаковыми способами, по мнению Э. Р. Тенишева, объясняется смешанным характером языка этого произведения, отразившего восточные и западные древнетюркские диалекты.

Генетическое родство тюркских и монгольских языков не рассматривалось ни в одном из докладов. Тем не менее в прениях начались споры между сторонниками и противниками теории такого родства.

Дав высокую оценку докладом М. Ш. Рагимова и И. Г. Добродомова, Г. Д. Санжеев указал на важность изучения тюркизмов в нетюркских языках для воспроизведения фонетического строя древнетюркского языка.

А. П. Дульзон в своем выступлении отметил, в частности, что история тюркских языков насчитывает приблизительно 3—5 тысяч лет.

С заключительным словом выступил Э. В. Севортян, который кратко охарактеризовал все прочитанные на симпозиуме доклады.

Одно из заседаний симпозиума было посвящено чествованию старшего научного сотрудника Института языкознания АН СССР, д-ра филологических наук Ахнефа Ахметовича Юлдашева в связи с пятидесятилетием со дня его рождения и тридцатилетием научно-педагогической деятельности.

М. Ш. Рагимов, В. И. Асланов

ВСТРЕЧА УЙГУРОВЕДОВ

В Институте языкознания Академии наук СССР в июне 1970 г. состоялась встреча уйгуроведов. Заведующий Сектором тюркских языков *Э. Р. Тенишев*, открывая встречу, отметил, что перед нашими тюркологами в области изучения уйгурского языка стоят большие задачи. Встречи советских уйгуроведов, становясь уже традиционными (первая такая встреча состоялась в 1966 г.), способствуют объединению усилий ученых разных городов и республик страны, широкому обсуждению актуальных проблем уйгуроведения и обмену научной информацией.

В докладах и сообщениях участников встречи были рассмотрены многие проблемы уйгуроведения как в синхроническом, так и диахроническом плане.

Н. А. Баскаков (Москва) на основе своих полевых записей, проанализировал языковые особенности Джаркентского говора Илийского диалекта уйгурского языка.

Характеристике языка уйгуров, проживающих в Ферганской долине Узбекской ССР, было посвящено сообщение *Х. С. Садвакасова* (Алма-Ата), отметившего, что уйгурами Ферганы восприняты многие разнохарактерные явления из тюркских, иранских и других контактирующих языков.

Вопросам изучения современного уйгурского языка, становления его литературных норм, развития его социальных функций, были посвящены сообщения *Т. Р. Рахимова* (Москва) и *А. Т. Кайдарова* (Алма-Ата). В результате сложных этнолингвистических контактов в различных диалектах уйгурского языка прогрессивно развивается двуязычие и многоязычие. В условиях Советского Союза ведущая роль в этом процессе принадлежит русскому языку, выполняющему функции средства межнационального общения. Наряду с этим процессом развивается уйгурско-казахское, уйгурско-узбекское и иные типы двуязычия. Через посредство русского и родственных тюркских языков язык уйгуров обогащается советско-интернациональной лексикой. Одновременно проходит процесс дифференциации и социальных функций языка. Как отметил *Т. Р. Рахимов*, в язык уйгуров Сяньцзяна,

особенно в язык прессы, все активнее проникают китайские лексические элементы.

Л. Г. Офросимова-Серова (Москва) посвятила свое выступление глагольному управлению в современном литературном уйгурском языке. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что не только вспомогательные глаголы, но и именная часть составных глаголов может управлять падежами имен.

Результаты исследований по историческому вокализму уйгурского языка были доложены *Д. Т. Талиповым* (Алма-Ата). Основываясь на данных древних письменных памятников, он высказал предположение о более раннем, чем это было принято считать в тюркологии, замещении широких гласных уйгурского языка узкими.

Большой интерес вызвало сообщение *С. Г. Кляшторного* (Ленинград) о вновь открытых памятниках древнеуйгурской письменности. Экспедицией Института востоковедения Академии наук СССР на территории Тувинской АССР и Монгольской Народной Республики в течение двух лет обследован 21 памятник и открыто 27 надписей, дающих ценный материал по истории уйгуров и их языка. Особый интерес представляет надпись на согдийском языке, датированная 581 годом нашей эры.

Э. Р. Тенишев рассказал о новых материалах, проливающих свет на хронологизацию важного явления фонетики уйгурского языка — исторического чередования со-

гласных *z* и *s*. Сравнение текстов уйгурской письменности из Восточного Туркестана и Ганьсу с руническими памятника-

ми приводит к выводу о наличии звука *z* уже в языке древних уйгуров.

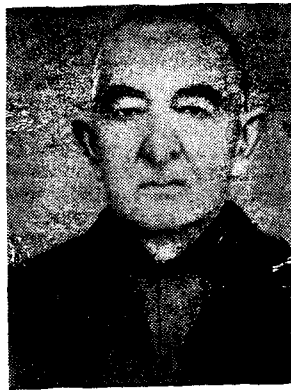
В обсуждении докладов приняли участие видный тюрколог-уйгуровед *Гуннар Ярринг* (Швеция), *Э. В. Севортян*, *А. А. Юлдашев*, *К. М. Мусаев*, *Н. З. Гаджиева*, *Л. А. Покровская* (Москва), *Т. М. Гарипов* (Уфа) и другие ученые.

Совещание приняло решение в дальнейшем встречи уйгуроведов именовать «Маловскими чтениями».

М. И. Скворцов

ХРОНИКА

НАУЧНО-КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛИШЕРА НАВОИ

В июне текущего года на заседании Ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук П. Шамсиевым на тему: «Научно-критический текст «Хамсе» Алишера Навои и принципы его подготовки».

Официальными оппонентами на защите выступили академик Академии наук Узбекской ССР В. Ю. Захидов, академик Академии наук Азербайджанской ССР Г. М. Араслы, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР И. А. Султанов.

Глубокое изучение литературного наследия Алишера Навои началось сравнительно недавно. Большой вклад был внесен в эту проблему советскими учеными.

Как отмечалось на заседании Ученого совета, П. Шамсиеву принадлежит заслуга подготовки научно-критического текста — «Хамсе» Навои, снабженного тщательно подготовленным и выверенным научным аппаратом.

При подготовке своего труда П. Шамсиев использовал наряду с общепринятыми и лично им самим разработанные в процессе изучения рукописей Навои принципы текстологической работы, продиктованные

самим характером и особенностями исследования.

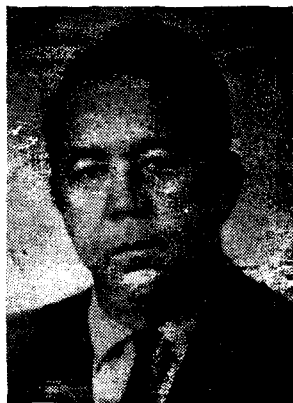
Положив в основу подготовленного им научно-критического текста наиболее древние из дошедших до нашего времени рукописей «Хамсе» — как, например, старейшие рукописи Абдуджамила и Султан Али Мехмеди, созданные еще при жизни поэта, диссертант при этом не копировал их, а внес в подготовленный текст уточнения и исправления, опираясь на позднейшие рукописи, а в отдельных случаях и на литографические издания.

Особо следует отметить заслуги автора диссертации в деле обнаружения новых рукописей «Хамсе» и других произведений Навои. Так в 1961 г. в фондах Казанского государственного университета П. Шамсиев нашел новую рукопись «Хамсе» и раннего «Дивана» Навои, что помогло автору диссертации уточнить и прояснить некоторые места в текстах наиболее ранних рукописей.

Таким образом, благодаря многолетнему труду П. Шамсиева ученые и читатели получили наиболее достоверный текст бесмертного произведения Алишера Навои «Хамсе».

Ученый совет решил ходатайствовать перед ВАК о присуждении П. Шамсиеву ученой степени доктора филологических наук.

САТИРА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛИШЕРА НАВОИ

Алишер Навои — великий эпик и лирик — был также основоположником и сатирического направления в узбекской литературе. Однако эта последняя область художественного творчества поэта еще не подвергалась специальному научному исследованию.

Этот пробел в узбекском литературоведении во многом восполняется работой А. Х. Абдугафурова «Сатира в творчестве Алишера Навои», защищенной им в июле 1970 г. в качестве докторской диссертации на заседании Ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР.

А. Х. Абдугафуров в своей диссертации исследует идейно-тематические и жанровые особенности сатиры Навои, раскрывает особенности его художественного мастерства как сатирика, показывает его роль в развитии сатирического направления в узбекской литературе последующих эпох, указывает на то, что сатира Навои не утратила своего художественного значения и в наше время.

Сатира Навои рассматривается диссертантом в тесной связи с литературной жизнью XV века, со всеми идейно-тематическими и жанровыми особенностями литературы того времени, ведущим жанром которой, как известно, была лирическая газель. Подлинным новаторством, по мнению дис-

сертанта, было создание великим поэтом ряда прекрасных сатирических газелей. И это тогда, когда газель считалась традиционным жанром любовной лирики. Навои также автор и первых сатирических кыта, рубай и муамма в узбекской литературе.

Сатиру великий поэт использовал и во многих других своих произведениях. Это обстоятельство значительно расширило задачу и характер исследования А. Х. Абдугафурова, уделившего много внимания также изучению сатирических мотивов и образов, в несатирических — эпических и лирических произведениях поэта, анализу методов использования поэтом разнообразных сатирических средств.

Научный консультант — академик Академии наук Узбекской ССР В. Ю. Захидов и официальные оппоненты — академик Академии наук Таджикской ССР А. М. Мирзоев, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР И. А. Султанов, доктор филологических наук, профессор Х. И. Якубов отметили в своих выступлениях важность и актуальность исследованных диссертантом проблем, подчеркнули большое значение проделанной им работы для узбекского литературоведения и высказались за присуждение диссертанту ученой степени доктора филологических наук.

М. Расули

НЕКРОЛОГИ

НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ КОНРАД

Советская наука понесла тяжелую утрату: 30 сентября 1970 г. скончался выдающийся советский востоковед, основатель научной школы советского японоведения и корееведения академик Николай Иосифович Конрад.

Н. И. Конрад родился 13 марта 1891 г. в Риге в семье железнодорожного служащего.

В 1912 г. он окончил китайско-японское отделение восточного факультета Петербургского университета и японское отделение Практической восточной академии. По окончании Н. И. Конрад несколько раз командировался в Японию и Корею. В Токийском университете он изучал японскую литературу и философию, в Корее — язык и этнографию страны.

По возвращении в 1917 г. в Петроград Н. И. Конрад сдал экзамены на степень магистра по японской, китайской и корейской филологии.

В первые годы Советской власти Н. И. Конрад работал в Орле. Он активно участвовал в организации Орловского государственного университета, ректором которого он был до 1922 г.

В 1922 г. Н. И. Конрад основал и возглавил кафедру японской филологии на восточном факультете Ленинградского университета. Одновременно он заведовал кафедрой японского языка в Ленинградском институте живых восточных языков (с 1928 г. — Ленинградский восточный институт). Его интенсивная работа в Ленинграде продолжалась до 1938 г. С 1941 г. Н. И. Конрад заведовал кафедрой японской филологии Московского института востоковедения. С 1931 г. и до конца своей жизни он был сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР. В 1934 г. Н. И. Конрад был избран членом-корреспондентом, а в 1958 г. — действительным членом Академии наук СССР.

Первая печатная работа Н. И. Конрада — «Современная начальная школа в Японии» — вышла в свет в 1913 г. С тех пор

им было опубликовано около 200 работ, внесших значительный вклад в самые различные области востоковедной науки.

В представлении Н. И. Конрада, востоковеда-энциклопедиста, Восток — неотъемлемая часть остального мира, а не замкнутая изолированная система, как считали некоторые. Глубокое изучение культуры, языка, литературы и истории стран Востока закономерно привели Н. И. Конрада к широким системным обобщениям, к поискам единства в общей картине мирового культурного развития.

Уже в 1951 г. Н. И. Конрадом была написана большая работа о понятии «литература» в Китае, в которой он впервые вплотную подступил к выдвинутой им впоследствии гипотезе о единых этапах,

через которые проходят литературы разных цивилизаций. Почти двадцать последних лет своей жизни Н. И. Конрад посвятил разработке этой концепции.

Н. И. Конрад, характеризуя эти этапы, пользовался терминами, взятыми из истории европейской культуры: Средние века, эпоха Возрождения, Просвещение. Но его концепция шире и глубже простого сопоставления эпох, соответствующих этим названиям, и установления различий между ними. Он стремился понять общий смысл направленности мировой истории, в ходе которой отдельные цивилизации выдвигают разные средства для решения сходных задач в истории человечества. Особенно ярко этот системный подход проявился в статье Н. И. Конрада «О смысле истории». Плодотворность этой идеи столь значительна, что она, несомненно, во многом характеризует дальнейшее развитие гуманитарных наук как в нашей стране, так и за рубежом.

Великолепный переводчик, Н. И. Конрад познакомил широкие массы читателей с такими образцами средневековой и новой японской литературы, как Камо-но Тэмэй «Записки из кельи», «Гэндзи-моногатари», «Исэ-моногатари», «Хайкэ-моногатари», Нацумо К. «Сердце» и др. До сих пор не утратили своего значения издания Н. И. Конрадом в 1927 г. работа «Японская литература в образцах и очерках» — первое в советском японоведении систематическое оригинальное исследование в области японской литературы, его сравнительно ранние работы «Первый этап японской буржуазной литературы» (1932), цикл статей о классической японской драме и театре и др.

Н. И. Конрад — один из крупнейших знатоков японского языка — создал серию работ, посвященных различным проблемам исследования и преподавания японского языка и его истории (в частности, капитальную работу «Синтаксис японского национального языка», 1937 г.). Ряд статей Н. И. Конрада посвящен отдельным вопросам и аспектам китайского языка. Он был редактором нескольких японско-русских словарей, наиболее полный из которых — двухтомный «Большой японско-русский словарь» — вышел в свет недавно.

Н. И. Конрад сохранил для науки ценную монографию Н. А. Невского «Тангутская филология», подготовив к печати и издав ее. До конца своей жизни он поддерживал развитие тангутоведения в нашей стране.

Даже самый краткий перечень работ Н. И. Конрада-историка («Вопросы японского феодализма», 1923 г., «Очерк японской истории с древнейших времен до ре-

волюции Мэйдзи», 1934 г., «Надельная система Японии», 1935 г., ряд глав и разделов в десяти томной «Всемирной истории», «Средние века в исторической науке», 1955 г. и др.) свидетельствуют о его живом непреходящем интересе ко многим проблемам истории Востока.

Его глубоко интересовали также и вопросы истории философии, что нашло свое выражение в переводе и исследовании им китайских трактатов о военном искусстве, в работе «Размышления об истории культурного и научного развития человечества» и в ряде других.

Разрабатываемая Н. И. Конрадом концепция единства мирового историко-литературного процесса, его выводы об общих закономерностях развития мировой литературы, легли в основу замечательной книги покойного «Запад и Восток» (1966). Эта книга, явившаяся важным событием в научной жизни нашей страны, вскоре была переведена на японский и английский языки.

Н. И. Конрад был одним из редакторов «Всемирной истории». Он многое сделал для подготовки десяти томной истории всемирной литературы, был главным редактором серии «Литературные памятники» АН СССР, популярностью которой он заслуженно гордился. Н. И. Конрад был председателем Научного совета «История мировой культуры», входил в редколлегии ряда академических журналов, был председателем редколлегии серии «Культура народов Востока».

Н. И. Конрад был прекрасным редактором, блестящим лектором, замечательным педагогом, страстным пропагандистом науки. Он воспитал несколько поколений учеников, которые навсегда сохраняют о нем благодарную память.

Научную деятельность Н. И. Конрада нельзя отделить от той особой атмосферы высокой культуры, которая неизменно окружала его личность. Основными чертами Николая Иосифовича Конрада как человека были обаяние, простота, неизменная жизнерадостность и глубоко уважительное отношение к людям, с которыми его сводила судьба.

Заслуги Н. И. Конрада перед советской наукой и культурой были высоко оценены Советским правительством: он был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями. Японское правительство наградило Николая Иосифовича (единственного из иностранных ученых) орденом Восходящего Солнца 2-ой степени.

Жизнь Николая Иосифовича Конрада, отданная науке, была подлинным подвигом, поучительным примером беззаветного служения гуманистическим идеалам.

Б. Б. Вахтин, О. Л. Фишман

ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧ ГРУНИН

19 августа 1970 года скоропостижно скончался видный советский тюрколог Тимофей Иванович Грунин.

Т. И. Грунин родился 2 февраля 1898 года в г. Мокшане Пензенской области. Выходец из бедной крестьянской семьи, он многого добился самообразованием. В 1923 г. он поступил на ближневосточный факультет Московского института востоковедения, созданного на базе бывшего Лазаревского института восточных языков. В те годы в Институте востоковедения еще преподавали А. Е. Крымский, Мирза Джафаров, М. О. Аттая, С. К. Церуннан и др. Научная специализация Т. И. Грунина в стенах Института востоковедения началась под руководством профессора (впоследствии академика) В. А. Гордлевского и продолжалась под руководством акад. А. Е. Крымского уже в Киеве, куда в 1927 г. Т. И. Грунин переехал на работу — преподавать турецкий язык на Курсах востоковедения при филиале Всеукраинской Научной Ассоциации востоковедения. Там же он стал членом ассоциации и вскоре был избран ученым секретарем ее историко-этнографического отделения.

Члены ассоциации, в том числе и Т. И. Грунин, сотрудничали в журнале «Схидний свит», где и были помещены его первые работы. В 1930 г. вышел учебник турецкого языка Т. И. Грунина «Турецька мова. Елементарна граматика та новий алфавет».

В 1928 г. Т. И. Грунин был зачислен сотрудником Тюркологической комиссии, руководимой А. Е. Крымским, и с этого времени начинается его работа над армяно-половецкими актами XVI века — тема, ставшая основной во всей его последующей научной деятельности. Обработка архива Каменец-Подольской армянской общины, вернее, той книги, которая содержала около трехсот документов, составленных по-тюркски, но записанных армянским письмом, была завершена в 1934 г. и получила положительные отзывы акад.

А. Н. Самойловича и слависта акад. Б. М. Ляпунова.

В 1934 г. Тюркологическая комиссия — единственный очаг востоковедения на Украине — прекратила свое существование. В 1934—1936 гг. Т. И. Грунин работает научным сотрудником в Институте языкознания Академии наук Украинской ССР. Здесь им были написаны работы «Тюркские элементы в топонимике Украины», «Половецкий язык и его место среди тюркских языков», «Этапы развития турецкого литературного языка» и др. В те же годы Т. И. Грунин усиленно собирал и систематизировал востоковедческую литературу и литературу на языках народов СССР в От-

деле народов СССР и Востока библиотеки Академии наук Украинской ССР.

В 1938 г. по приглашению Туркменского Комитета нового алфавита Т. И. Грунин переезжает в Ашхабад. Здесь он работает в должности старшего научного сотрудника и руководит словарно-терминологической работой комитета. Позднее он занимает должность старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института языка и литературы Туркменской ССР. В этот период Т. И. Грунин занимается составлением терминологических картотек, выполняет ряд тем, связанных с разработкой принципов создания терминологии, пишет работы: «Язык туркменского поэта-классика Махтумкули», «Новые формы имен прилагательных в туркменском языке» и др.

Переехав в Москву, Т. И. Грунин работает в Институте языка и письменности народов СССР Академии наук СССР и одновременно преподает турецкий язык в Военной Академии имени Фрунзе.

Обратившись снова к половецким документам, Т. И. Грунин подготавливает работу «Половецкий язык по документам Каменец-Подольской армянской колонии

XVI в.», за которую в 1944 г. ему присуждается ученая степень кандидата филологических наук. Фрагмент этой работы был напечатан в 1953 г. в сборнике «Академику В. А. Гордлевскому. К его семидесятипятилетию».

В 1950—1960 гг. Т. И. Грунин пишет ряд работ по грамматическим проблемам турецкого языка, создает учебные пособия по турецкому языку для слушателей военных академий. В 1967 г. вышла в свет работа Т. И. Грунина «Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)». Ценность данной публикации заключалась в том, что тюркологи вместе с ней получали образцы старокыпчакского разговорного языка XVI века.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность Т. И. Грунина была отмечена правительственной наградой — орденом «Знак Почета».

Т. И. Грунин навсегда запомнится коллегам как прекрасный педагог, принципиальный и последовательный в своих убеждениях ученый, человек большого душевного мужества.

Группа товарищей

СОДЕРЖАНИЕ

М. Ш. Рагимов, А. К. Алекперов (Баку). Современное состояние и перспективы развития азербайджанского языкознания	3
М. Ю. Гулизаде (Баку). Азербайджанское советское литературоведение	13

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

М. Ш. Ширалиев (Баку). Новые диалектные данные для истории тюркских языков	20
Д. М. Насилов, В. С. Храковский (Ленинград). Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках	25
В. И. Исенгалиева (Алма-Ата). Интернациональные основы в тюркских языках	36
Х. Г. Нигматов (Бухара). Соотношение категорий времени и наклонения в тюркском глаголе	51
А. М. Мамедов (Баку). Древнетюркская акцентуация и некоторые вопросы развития фонологических систем тюркских языков	58
А. И. Журавский (Минск). Лексикографическая обработка тюркизмов старобелорусского языка	70
А. И. Рабинович (Алма-Ата). Сочетаемость согласных в казахском языке	77
М. И. Боргояков (Абакан). К вопросу об этимологии гидронима «молочный»	85

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

М. А. Унгвицкая (Абакан). Проблема фольклоризма в тюркских литературах	88
И. В. Стеблева (Москва). Некоторые особенности тюркского стиха	93

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Л. П. Сергеев (Чебоксары). О диалектологическом атласе чувашского языка	105
Э. А. Умаров (Ташкент). Фразеологические словари тюркских языков	121

РЕЦЕНЗИИ

Р. Г. Ахметьянов (Казань). Сравнительная фонетика тюркских языков	125
М. Б. Мамедов (Баку). Изучаются стилистические особенности азербайджанского языка	128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. Ш. Рагимов, В. И. Асланов (Баку). Сравнительно-историческое изучение тюркских языков	130
М. И. Скворцов (Москва). Встреча уйгуроведов	135

ХРОНИКА

«Научно-критический текст произведений Алишера Навои»	136
«Сатира в творчестве Алишера Навои»	137
<u>Н. И. Конрад</u>	138
<u>Г. И. Грунин</u>	140

CONTENTS

<i>M. Sh. Ragimov, A. G. Alekperov</i> (Baku). Present state and trends in Azerbaijan linguistics	3
<i>M. Yu. Kulizade</i> (Baku). Literary critics in the Soviet Azerbaijan	13

HISTORY AND THEORY OF LANGUAGE

<i>M. Sh. Shiraliyev</i> (Baku). New data for the Turkic languages (as presented by the Azerbaijan dialects)	20
<i>D. M. Nasilov, V. S. Khrakovsky</i> (Leningrad). The application of derivation principle to description of syntactic structures of the sentence in the Turkic languages	25
<i>V. A. Isengaliyeva</i> (Alma-Ata). International stems in the Turkic languages	36
<i>Kh. G. Nigmatov</i> (Bokhara). Interrelation of Tenses and Moods in the Turkic verb (as presented by the dictionary of Makhmud Kashgari)	51
<i>A. Mamedov</i> (Baku). The old Turkic accentuation and some problems of development of phonological systems of the Turkic languages	58
<i>A. I. Zhuravsky</i> (Minsk). Lexicographical treatment of turkisms in the old Byelorussian language	70
<i>A. I. Rabinovich</i> (Alma-Ata). Consonant combinations in the Kazakh language	77
<i>M. I. Borgoyakov</i> (Abakan). On the etymology of hydronym «molochny» (milky)	85

PROBLEMS OF HISTORY AND THEORY OF LITERATURE

<i>M. A. Ungvitzkaya</i> (Moscow). The problem of folklorism in the Turkic literatures	88
<i>I. V. Stebleva</i> (Moscow). On some peculiarities of Turkic verse	98

REPORTS, REVIEWS, NOTES

<i>L. P. Sergeev</i> (Cheboksary). On the dialectological atlas of the Chuvash language	105
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Phraseological dictionaries of the Turkic languages	121
<i>R. Akhmetyanov</i> (Kazan). A. M. Shcherbak. Comparative phonetics of the Turkic languages	125
<i>M. B. Mamedov</i> (Baku). Stylistic characteristics of the Azerbaijan language	128

SCIENTIFIC LIFE

<i>M. Sh. Ragimov, V. I. Aslanov</i> (Baku). The comparative — historical Study of the turkic languages	139
<i>M. I. Skvortzov</i> (Moscow). The meeting of uigurists	135

CHRONICLE

«Scientific and critic text of the works by A. Navoi»	136
«Satyre in the works by Alisher Navoi»	137
<u>T. I. Grunin</u>	138
<u>N. I. Konrad</u>	140

Рукописи не возвращаются

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректор *А. Е. Сорокина*

Сдано в набор 25/XI 1970 г. Подписано к печати 24/II 1971 г. ФГ 10093. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,75. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 11,3. Заказ № 6481.

Тираж 3200. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.